

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2019

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2019
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2019

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2019

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2019
© Ivanovo State University, 2019

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый номер журнала в 2019 году. Для вузовской гендерной науки эту дату можно считать юбилейной. 25 лет назад, в 1994 году, Государственный комитет по высшей школе Российской Федерации поддержал первую межвузовскую научную программу по гендерным исследованиям, которая объединила 15 высших учебных заведений. Это был непростой период для ученых в области социальных наук. Впервые за 70 лет был открыт доступ к историческим и документальным источникам, трудам зарубежных исследователей, что позволило переосмыслить результаты «женской» государственной политики в советский период, овладеть технологиями гендерного подхода в гуманитарных науках. С этого периода гендерные исследования были институционализированы в системе высшей школы.

В последующее десятилетие в рамках межвузовских программ 78 высших учебных заведений из большинства регионов России включились в изучение женской истории, процессов трансформации социального положения женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества. Появились новые научные направления: гендерные аспекты коммуникации в русском языковом общении, гендерные аспекты национального сознания, гендерная социология, политология и психология. Проведение ежегодных межвузовских научных конференций, издание сборников научных трудов, учреждение в 1996 году научного журнала «Женщина в российском обществе» — все это способствовало становлению в высшей школе российских гендерных исследований.

Сегодня гендерные изыскания ведутся во многих вузах России. Ежегодно научные кадры высшей школы пополняются кандидатами и докторами наук в области гендерных исследований. В системе высшего образования сложилось научное сообщество, которое владеет гендерной методологией,

обладает значительным объемом информации, ведет активную научную и учебно-методическую работу с целью продвижения идей гендерного равенства в сознание молодого поколения.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала приветствуют всех ученых, занимающихся гендерными исследованиями, и надеются на плодотворное сотрудничество в 2019 году.

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2019. No. 1. P. 5—15

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.1

Женщина в российском обществе

2019. № 1. С. 5—15

ББК 66.3(7Сое),4

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.1

МЕЖДУ КОЛЯСКОЙ И НОУТБУКОМ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В США

Н. А. Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
n.shvedova2015@yandex.ru

Рассматривается, как и в какой степени американская демократия решает проблемы в контексте создания гендерного баланса и возможностей для равенства полов; какая характеристика условий, благоприятствующих функционированию реальной демократии и ее дальнейшему совершенствованию с точки зрения гендерного подхода. Автор считает, что в настоящее время американские женщины обладают значительными рычагами власти и влияния как на собственные судьбы, так и на приоритеты внутренней и внешней политики государства. Последняя президентская гонка (2016 г.) четко выявила особое значение гендерного фактора в ней, что формирует новые характеристики политической культуры в стране. В развитии женского движения США наблюдаются явно выраженные тенденции к вовлечению в политический процесс и законотворческую деятельность женщин, к поиску контактов и партнерств внутри самого гражданского общества. Вместе с тем конституционные и репродуктивные права женщин подвергаются опасности при нынешней республиканской администрации Д. Трампа, которому вменяют в вину и подрыв лидерства женщин.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерная справедливость, женский марш, электорат, Совет Соединенных Штатов и Канады по улучшению положения женщин — предпринимательниц и лидеров бизнеса, индекс гендерного разрыва.

**BETWEEN THE BABY AND LAPTOP: IMPLEMENTATION
OF GENDER EQUALITY POLICIES IN THE USA***N. A. Shvedova*

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

How and to what extent the American democracy solves problems in the context of creating a gender balance and opportunities for gender equality? What is the characteristic of the conditions that favors the functioning of real democracy and its further improvement in terms of a gender approach? The author believes that at present the American women have significant levers of power and influence on the formation of their own destiny, as well as on the priorities of the domestic and foreign policies of the state. The last presidential campaign (2016) clearly revealed the special significance of the gender factor, which forms new characteristics of political culture in the country. There are clearly pronounced tendencies in the development of women's movement in the USA to involve women in the political process and lawmaking activities, to seek contacts and partnerships within the civil society itself. At the same time, the constitutional rights of women (weakening protection from gender-based violence, reproductive rights, reproductive autonomy, "assault" on reproductive rights, infringement on women's legal rights) are at risk under the current Republican administration of D. Trump, which is said to pursue the policy undermining women's leadership.

Key words: gender equality, gender justice, women's march, electorate, United States — Canada Council for Advancement of Women Entrepreneurs and Business Leaders, Global Gender Gap Index.

**Американки в обстоятельствах экономической политики
администрации Д. Трампа**

Президент-республиканец Д. Трамп объявил цель: достичь 3 %-го роста ВВП. При этом он подчеркнул, что хотелось бы сосредоточиться на увеличении количества женщин в экономике. Критики позиции президента отмечают непоследовательность его намерений. «Вероятно, он мог бы добиться цели гораздо быстрее, если бы попытался сделать больше по проблеме равной оплаты и предоставить субсидии по уходу за детьми. По настоянию своей дочери Иванки он говорил поверхностно о возможном введении субсидий по уходу за детьми и оплачиваемого отпуска, но пока его планы довольно жалкие», — заявила Х. Хартманн, президент Института исследований политики женщин — Institute for Women's Policy Research (организация, которая готовит ежегодный доклад об экономическом статусе американских женщин в каждом штате). Она считает, что президент «просто сделал шаг назад» в решении проблемы разрыва в оплате труда, «отменив правило, согласно которому предприятия должны сообщать о заработной плате по полу...» (цит. по: [Cooney, 2017]).

Были заблокированы гарантии прозрачности оплаты труда, поскольку Д. Трамп отменил соответствующее постановление. Требование к федеральным

подрядчикам, которое предусматривало предоставление сотрудникам базовой информации об оплате их труда, включая отработанные часы, сверхурочные и любые выплаты, было исключено. Такая информация имеет решающее значение для всех работников, особенно женщин, которые с большей вероятностью заняты в почасовом режиме. Отмена Д. Трампом постановления о справедливой оплате труда и безопасных рабочих местах облегчила жизнь федеральным подрядчикам, которые постоянно допускали нарушения, связанные с дискриминацией по признаку пола и несоблюдением других трудовых норм, однако могли продолжать получать федеральное финансирование.

Президент Д. Трамп принял решение об отсрочке реализации так называемых правил сверхурочной работы, введенных при администрации Б. Обамы. Многие американские эксперты считают, что такое решение способствует разрушению экономической безопасности семьи, поскольку при сохранении в силе упомянутых правил 3,2 млн американок попали бы под их юрисдикцию, и это было бы для них выгодно за счет права получать сверхурочные.

В чем суть изменений? Дело в том, что в 2015 г. администрация демократа Б. Обамы предложила корректировку оплаты труда. Намеченные изменения должны были увеличить в 2016 г. порог зарплаты, предусмотренный для оплаты сверхурочных часов, до 970 долл. США в неделю. Это означало, что работники, получающие годовой оклад в размере 50 440 долл. США или менее, имели бы право на оплату сверхурочной работы. В 2015 г. этот порог составлял 455 долл. США в неделю. Последний раз порог обновлялся в 2004 г., что дало основание администрации Б. Обамы заявить о необходимости его пересмотра, так как он был подорван инфляцией. В 2015 г. сверхурочные выплачивали работникам, чья ежегодная заработная плата составляла 23 660 долл. США или менее, если они трудились более 40 часов в неделю [Mai-Duc, 2015]. Эти правила не применялись к работникам, которые классифицировались как исполнительные, административные или профессиональные. Например, наблюдатели (супервайзеры) в ресторане быстрого питания могли не иметь права на сверхурочную работу, даже если они выполняли большую часть тех же функций, что и работники кухни. (для сравнения: в 1975 г. более 60 % наемных работников имели право на оплату сверхурочной работы).

Согласно данным Совета по внутренней политике Белого дома, в 2015 г. эти правила действовали для менее 8 % работников, занятых полный рабочий день. «Фактически, мы видели, что инфляция отменяет правила, которые вступили в силу несколько десятилетий назад», — сказал Х. Шайкен, экономист по труду и профессор Калифорнийского университета в Беркли (цит. по: [ibid.]). Администрация Б. Обамы, прибегнув к процедуре исполнительных указов президента, приняла установку на проведение «линии с обновленным лимитом зарплаты», которая помогла бы сотрудникам, обычно классифицируемым как менеджеры, но зарабатывающим всего 25 тыс. долл. в год [ibid.]. Следует подчеркнуть, что Закон о справедливых трудовых нормах от 1938 г. наделяет президента широкими полномочиями устанавливать правила, не обращая за санкцией к Конгрессу США. Министерство труда по указанию президента может вводить новые правила в рамках федерального нормотворческого процесса. Предлагаемые правила публикуются в Федеральном реестре, после чего

Министерство труда соблюдает 60-дневный период обсуждения. Заинтересованные стороны и граждане могут представить комментарии по этой инициативе. Администрация должна рассмотреть их, прежде чем окончательное правило будет санкционировано.

Администрация Б. Обамы подчеркивала, что предлагаемые изменения затронут примерно 5 млн рабочих страны. Должностные лица заявляли об охвате новыми правилами почти 40 % штатных сотрудников, работающих полный рабочий день. Министр труда Т. Перес отметил, что новые правила могут «добавить до 1,3 млрд долл. в карманы рабочих по всей стране» (цит. по: [ibid.]). Ясно, что эта мера не вызвала энтузиазма у работодателей: промышленные и бизнес-группы в значительной степени осудили предложенные изменения. Президент Д. Трамп отложил реализацию этих правил, используя ту же процедуру, к которой прибегал президент Б. Обама, когда их вводил. В результате такого решения особенно пострадают цветные американки и женщины с детьми, которые в большей части попадали бы под действие этих правил [Hartmann et al., 2015]. Хотя Д. Трамп иногда высказывался в поддержку равной оплаты труда женщин и мужчин на протяжении всей своей избирательной кампании, его администрация не предложила никаких конкретных мер по укреплению таких норм [Levey, 2017]. В планах Д. Трампа сокращение бюджета Министерства труда США на 21 %, или 2,5 млрд долл. Это сокращение повлияет на соблюдение условий труда и защиту рабочих семей [Levintova, 2017].

Сокращение ассигнований на здравоохранение и социальные услуги

Перечень объектов «нападков» администрации Д. Трампа на социальное благополучие включает медицинское обслуживание американок, репродуктивные права женщин, социальные программы и программы социального вспомоществования, направленные в большинстве случаев на помощь американским женщинам, поскольку их больше среди малоимущих. Вызывают тревогу у американок персональные назначения на ключевые позиции в государстве лиц, политическая биография и репутация которых свидетельствуют об их «антиженской» направленности. Возникает угроза потери многих позитивных начинаний, которые были реализованы при администрации Б. Обамы.

В бюджете администрации Д. Трампа предлагается сократить финансирование на сумму 15 млрд долл. США офиса, ответственного за реализацию Закона о доступном здравоохранении и обеспечение женщинам и семьям доступа к жизненно важным службам здравоохранения. Это означает ограничение доступа к услугам по охране репродуктивного здоровья в рамках программ «Медикейд» и «Медикэр», а также лишение финансирования учреждения «Национальные институты здравоохранения» (National Institutes of Health), Управления по контролю за продуктами и лекарствами (Food and Drug Administration) и Центра по контролю и профилактике заболеваний (Center for Disease Control and Prevention) [Levey, 2017].

Вмешательство в сферу предоставления медицинских услуг по прерыванию беременности. Проект Д. Трампа «Американский закон о здравоохранении», как справедливо подчеркивают многие американские аналитики, встанет препятствием между пациентом и производителем медицинских услуг и ограничит

выбор женщин из-за отказа в страховании на случай прерывания беременности на частном страховом рынке.

Администрация Д. Трампа подписала законопроект, в соответствии с которым осуществлен отказ от предоставления женщинам критически важных репродуктивных, образовательных и консультационных услуг, связанных с планированием семьи и контрацепцией, т. е. ограничена доступность прерывания беременности. Речь идет о том, что штатам теперь можно блокировать финансирование для поставщиков медицинских услуг по прерыванию беременности с нефедеральными средствами, в том числе для программы «Планируемое родительство».

В бюджете Д. Трампа предлагается сократить финансирование профилактики подростковой беременности, в частности урезать на 50 млн долл. средства Программы профилактики беременности подростков (Teen Pregnancy Prevention Program), которая ранее продемонстрировала свою эффективность [ibid.]. Проект «Американский закон о здравоохранении» также исключает педиатрические услуги: страхование семьи не распространяется на вакцины, консультации окулистов и профилактические визиты здоровых детей к врачу. Это будет непропорционально влиять на женщин, которые часто берут на себя основную ответственность за обеспечение семьи необходимой медицинской помощью. У сторонников права на выбор вызывают тревогу призывы к принятию Поправки Хайда как постоянной¹. В соответствии с ней, происходит ограничение охвата медицинскими услугами по прерыванию беременности, которые предоставляют получателям по программе медицинского вспомоществования «Медикейд». И президент Д. Трамп, и вице-президент М. Пенс пообещали добиться, чтобы Поправка Хайда стала постоянной. Кодификация поправки создаст опасный прецедент и надолго подвергнет женщин, получающих медицинские пособия по «Медикейд», ограничениям без регулярного обзора их воздействия, считают сторонники защиты права женщин на выбор.

Исследования показали, что от 18 до 33 % женщин, которые имеют право на участие в программе «Медикейд» и хотели бы прервать беременность, но проживают в штатах, где не предоставляют финансирование на эти медицинские услуги, вынуждены рожать [Access Denied... , 2017] (речь идет о женщинах репродуктивного возраста — 15—44 года). Проект «Американский закон о здравоохранении», который поддерживает Д. Трамп, сократит финансирование программы «Медикейд» на 880 млрд долл., хотя 19 млн женщин полагаются на нее при медицинском страховании. Сокращения особенно затронут интересы беременных женщин, матерей и детей [Park et al., 2017].

Уход за детьми. Несмотря на риторику о заботе о детях и молодежи, бюджет Д. Трампа, как справедливо подчеркивают эксперты, свидетельствует об обратном [Frothingham, Phadke, 2017]. Предлагаемые меры сокращают возможности для многих американских детей, особенно из малоимущего сегмента семей. Это подтверждает уменьшение на 1,2 млрд долл. средств для учебных центров XXI в. на местах (в комьюнити) и для летних программ, которые обеспечивают дошкольное и послешкольное обслуживание 1,6 млн детей по всей стране и позволяют родителям работать.

¹ Поправка, названная в честь ее главного инициатора республиканца-конгрессмена Г. Хайда из штата Иллинойс, была принята палатой представителей 30 сентября 1976 г.

Администрация Д. Трампа предполагает сокращение на 18 % средств для Министерства здравоохранения и социального обеспечения, в результате этого 160 тыс. детей будут лишены возможности пользоваться программой «Начальный старт». Кроме того, будут ликвидированы рабочие места для 40 тыс. человек, в основном женщин, которые были задействованы в этой сфере [America First... , 2018]. В планах администрации Д. Трампа снижение финансирования государственных школ, если они не соответствуют стандартам качества, путем перевода из них средств в частные школы. Предлагается также ликвидация Корпорации национальной и общественной службы, которая финансировала клубы мальчиков и девочек Америки, охватывающие около 1,8 млн человек каждый год [Measuring the Impact... , 2016].

Механизм гендерного равенства в США: новые аспекты

Понятие «механизм» принято мировым сообществом для обозначения всего институционального устройства, созданного для строительства гендерного равенства в обществе и государстве. Национальный механизм гендерного равенства характеризуется четырьмя основными интегральными компонентами, или измерениями, признаками, — законодательно-правовым, структурно-организационным, содержательным и просветительно-образовательным. Национальный механизм — это совокупность взаимосвязанных частей, каждая из которых не способна не только работать автономно, но и представлять собой целостный организм — систему, выполняющую функцию по строительству гендерного равенства.

В США юридическая база социально-экономического статуса женщин была заложена еще в 60-х гг. XX в. и получила развитие в виде поправок в 70—90-х гг. Важнейшие нормативные акты, принятые федеральным высшим законодательным органом страны, касались широкого круга вопросов жизнедеятельности женского населения страны. В период правления Б. Клинтона (1994—2000 гг.) произошли заметные позитивные изменения в статусе американских женщин. В то время удалось смягчить остроту социальных проблем, отражающихся прежде всего на женщинах. Этому способствовала политика, проводимая демократической администрацией, нацеленная на укрепление среднего класса Америки и поддержку семейных ценностей.

Вместе с тем в женском движении сохраняются проблемы консолидации и выработки общей стратегии. При широком разнообразии направлений и интересов в нем координация действий по решению политических задач связана с определенными трудностями (например, принятие Поправки о равных правах женщин, ратификация Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). Женскому движению США свойственна «инерция достигнутого успеха», которая может оказаться помехой для объединения усилий в случае ревизии властью своей политики по «женскому вопросу».

В состав органов государственной власти, в ведении которых находятся вопросы реализации программ гендерного равенства, входят специальные подразделения в министерствах и ведомствах, занимающиеся проблемами женщин и девочек: Бюро по женскому найму Министерства труда, Федеральная

контрактная программа для женщин малого бизнеса США, Бюро женского делового предпринимательства в рамках Администрации по малому бизнесу.

В каждом штате была введена штатная должность координатора по равенству полов, основная задача которого — разрушение гендерных стереотипов о традиционно «мужских» и «женских» профессиях. Специально оговаривалось положение, открывающее возможность для женщин — домашних хозяек получить профессиональные знания. Федеральное правительство выделяло средства штатам для организации центров по профессиональной подготовке.

Бюро по женскому найму Министерства труда в течение всего времени своего существования играло роль инициатора социальных движений. История его деятельности имеет длительный период: оно было создано еще в 1920 г. Это подразделение бюрократической федеральной машины оказало заметное влияние на развитие женских интересов в трех направлениях: создании идеологии о месте женщин в рабочей силе, установлении более тесных связей среди женщин-трудящихся, выработке государственного курса решения «женского вопроса». Бюро всегда было и остается важнейшим источником статистических данных о положении женщины и ее месте в сфере трудовых ресурсов.

Бюро женского делового предпринимательства, механизм государственной поддержки развития женского предпринимательства, было сформировано в 1980 г. в рамках Администрации по малому бизнесу (ранее все федеральные департаменты и агентства получили указание обеспечить режим наибольшего благоприятствования для деловых инициатив, выдвинутых женскими предпринимательскими кругами).

Совет по делам женщин и девочек Белого дома, созданный в период второй администрации демократа Б. Обамы, сосредоточился на конкретных вопросах межсекторального взаимодействия, исследуя то, как «гендер пересекается с другими идентичностями, например расой» и «с чем сталкиваются женщины из групп с низким доходом, перед какими трудностями оказываются цветные женщины, трансгендеры, американки с ограниченными возможностями» (слова К. Дессурсе, консультантки по вопросам политики, ориентированной на продвижение справедливости для цветных женщин и девочек, цит. по: [National Center for Education Statistics, 2015]).

В 2009 г. Б. Обама представил Совету Белого дома по делам женщин и девочек целый пакет различных инициатив для оценки основных политических курсов и законодательства (например, Закон о доступном здравоохранении), их воздействия на примерно половину населения. Иными словами, Совет производил гендерный анализ законодательной инициативы, что происходило в полном соответствии с действием механизма гендерного равенства.

В марте 2017-го судьба Совета оставалась еще нерешенной. Между тем веб-сайт был уничтожен, так же как и сайты многих других инициатив Б. Обамы, сразу после передачи власти. Т. Тчен, другая сопредседательницей Совета — В. Джарретт и остальные сотрудники покинули Белый дом вместе с Б. Обамой, который передал президентский жезл новому, 45-му президенту США. Но многие чиновники, с которыми они сотрудничали в федеральных агентствах и ведомствах, остались.

Во время своего выступления в Конгрессе США 28 февраля 2017 г. Д. Трамп сообщил о создании *Совета Соединенных Штатов и Канады по улучшению положения женщин — предпринимательниц и лидеров бизнеса*, решение об организации которого президент принял в январе 2017-го совместно с премьер-министром Канады Дж. Трюдо. По мнению экспертов, Совет Кушнера — Трампа не заменит деятельности Совета Белого дома по делам женщин и девочек. По данным «Associated Press», офис Дж. Трюдо обратился к команде Трампа, чтобы начать совместные действия по подготовке организационной структуры. И. Трамп, дочь президента, активно включилась в работу целевой группы. Чем деятельность нового Совета будет отличаться от работы различных структур по расширению прав и возможностей женщин-предпринимательниц, созданных за последние десятилетия, пока сказать сложно.

Некоторые итоги

Анализ ситуации в США в контексте гендерного баланса и гендерного равенства фиксирует главную перемену, которая произошла в стране преимущественно благодаря неустанной борьбе американских женщин за свои права, и убеждает в том, что основополагающее содержательное требование женского движения — признание в женщине полноценного человека, личности — получило широкое распространение в общественном сознании. При этом эволюция демократического женского движения в Соединенных Штатах осуществляется по траектории нарастания веса и влияния в политике и общественной жизни страны. Об этом свидетельствует тот факт, что в повестку дня государства включаются первоочередные задачи, нацеленные на достижение гендерного равенства.

В настоящее время американские женщины обладают значительными рычагами власти и влияния на формирование как собственной судьбы, так и приоритетов внутренней и внешней политики государства. Последняя президентская гонка (2016 г.) четко выявила особое значение гендерного фактора в ней, что формирует новые характеристики политической культуры в стране.

Вместе с тем до сих пор Соединенные Штаты не ратифицировали Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (в 2017 г. ее одобрили 189 стран), оказавшись единственной промышленно развитой державой устойчивой демократии в числе немногих других (например, Тонга и Палау), которые не одобрили эту конвенцию, известную в мире как Билль о правах женщин. Перед американским женским демократическим движением стоит актуальная задача добиться ратификации Поправки о равных правах, для одобрения которой не хватило всего лишь трех штатов в 1982 г.

Значительное количество американских женщин участвуют в избирательных гонках. Поражение Х. Клинтон стало для них стимулирующим фактором активизации своего участия в борьбе за выборные должности. Об этом свидетельствуют и данные организации «Список ЭМИЛИ»²: если за десять месяцев

² «Список ЭМИЛИ» (EMILY's List) — некоммерческая организация, занимающаяся сбором средств для выдвижения женщин — членов Демократической партии на руководящие должности. ЭМИЛИ — не имя, а аббревиатура образного выражения *Ранние деньги работают как дрожжи* (*Early Money Is Like Yeast*).

до выборов 2016 г. около тысячи женщин выразили готовность участвовать в выборах на соответствующий пост, то после победы Д. Трампа это число выросло до более чем 22 тыс. человек, т. е. увеличилось в 22 раза. 291 женщина только от Демократической партии участвует в гонке за места в палату представителей, а 25 женщин-демократок баллотируются в Сенат, в два раза больше по сравнению с предыдущими выборами.

Демократическая система США, переживая кризисное состояние, вместе с тем демонстрирует способность к саморегулированию политического процесса. Очевидно, что в США курс развития демократии внутри страны корректируется благодаря принципу сдержек и противовесов. Объективный результат — расширение круга субъектов политического процесса, что ограничивает концентрацию политической власти на одном фланге. Женщины и молодое поколение — новые игроки этого процесса, выступающие на передний план. В то же время выборы обнажили достаточно резкую тенденцию к поляризации электората. Повторившиеся марши протестов — свидетельство нерешенных проблем, которые особенно чувствительно сказываются на женском населении и не позволяют утверждать, что в стране достигнуто полное и безусловное гендерное равенство.

Гарантия недопущения острых полярных противостояний — двухпартийная система в США, а достижение компромиссных вариантов зачастую противоположных решений — сложнейшая политическая задача, которую неизбежно придется реализовать на пути налаживания конструктивного социального мира и стабильности.

Женское движение выполняет важнейшую функцию в политике США: оно артикулирует новые ценности массового сознания, заполняя новое политическое пространство, необходимость охвата которого не была вовремя осознана. Для него характерно инициативное происхождение «снизу», наступательный активный характер и способность к созданию коалиций для совместных действий.

Наблюдаются явно выраженные тенденции развития женского движения в США. Об этом свидетельствуют вовлеченность в политический процесс и законотворческую деятельность; межсекторное взаимодействие с властью, бизнесом, научными кругами, а также с политическими партиями; поиски контактов и партнерств внутри самого гражданского общества; внимание к проблемам консолидации и сетевого строительства; ориентированность на локальный уровень гражданской деятельности.

Вместе с тем, по мнению американских экспертов, конституционные права женщин (ослабление защиты от насилия по признаку пола), репродуктивные права (репродуктивная автономия, «нападки» на репродуктивные права, подрыв законных прав женщин) подвергаются опасности. И наконец, администрации Д. Трампа вменяют в вину подрыв лидерства женщин. Многочисленные марши протеста в Международный женский день в США и во многих странах стали одной из крупнейших протестных акций в истории. Акция солидарности, проходившая во всем мире под хэштегом «Я тоже» (#MeToo) привлекла внимание к масштабу сексуального насилия и домогательств.

При этом в американском обществе наблюдается понимание того, что развитие партнерства в политике объективно зависит от уровня партнерства в социально-экономической модели общества в целом, и наоборот. Процесс взаимосвязан.

Вот почему осознана необходимость развивать новый социальный контракт, в котором мужчины и женщины работают на паритетных началах, дополняя друг друга, обогащая друг друга благодаря своим различиям. Кроме того, требуется такое разделение ответственности, которое ликвидирует нарушения равновесия, существующие в общественной и частной жизни. Для того чтобы развиваться, обществу необходимо использовать все свои ресурсы и всех своих членов, что означает полное и всеобъемлющее участие женщин и мужчин в общественно-политических процессах.

References

- Access Denied: Origins of the Hyde Amendment and Other Restrictions on Public Funding for Abortion* (2017), available from <https://www.aclu.org/other/access-denied-origins-hyde-amendment-and-other-restrictions-public-funding-abortion> (accessed 09.02.2018).
- America First: A Budget Blueprint to Make America Great Again* (2018), available from https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/11/2018_blueprint.pdf (accessed 09.03.2018).
- Cooney, Ch. (2017) *How the Trump Administration Is Defunding Women and Girls Worldwide*, Planned Parenthood, 4th April, available from <https://www.plannedparenthoodaction.org/blog/how-the-trump-administration-is-defunding-women-and-girls-worldwide> (accessed 09.03.2018).
- Frothingham, S., Phadke, S. (2017) *100 Days, 100 Ways the Trump Administration Is Harming Women and Families*, available from <https://www.americanprogress.org/issues/women/reports/2017/04/25/430969/100-days-100-ways-trump-administration-harming-womenfamilies/> (accessed 27.04.2017).
- Hartmann, H. et al. (2015) *How the New Overtime Rule Will Help Women & Families*, Washington: Institute for Women's Policy Research, available from [https://iwpr.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/iwpr-export/publications/Women%20and%20Overtime%20\(Final\).pdf](https://iwpr.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/iwpr-export/publications/Women%20and%20Overtime%20(Final).pdf) (accessed 11.03.2018).
- Levey, N. (2017) Trump budget envisions big cuts for health and human services, *Los Angeles Times*, 16th March, available from <http://www.latimes.com/politics/washington/la-na-essential-washington-updates-trump-budget-envisions-big-cuts-for-1489664310-htmllstory.html> (accessed 18.03.2017).
- Levintova, H. (2017) *In One Executive Order, Trump Revoked Years of Workplace Protections for Women*, available from <http://www.motherjones.com/politics/2017/04/trump-just-revoked-protections-women-workplace> (accessed 27.05.2017).
- Mai-Duc, Ch. (2015) *Obama's New Overtime Rules: How They'd Work and Who They'd Affect*, available from <http://www.latimes.com/business/la-fi-obama-overtime-rules-explainer-20150630-htmllstory.html> (accessed 09.02.2018).
- Measuring the Impact of the Boys and Girls Clubs: 2016 National Outcomes Report* (2016), available from <https://www.bgca.org/about-us/club-impact> (accessed 27.04.2017).
- National Center for Education Statistics* (2015), table 318.30: Bachelor's, Master's, and Doctor's Degrees Conferred by Postsecondary Institutions, by Sex of Student and Discipline, division 2013-14: 2015 Digest of Education Statistics, available from https://nces.ed.gov/programs/digest/d15/tables/dt15_318.30.asp?current=yes (accessed 27.05.2017).

Park, E., Solomon, J., Katch, H. (2017) *Updated House ACA Repeal Bill Deepens Damaging Medicaid Cuts for Low-Income Individuals and Families*, available from <http://www.cbpp.org/research/health/updated-house-aca-repeal-bill-deepens-damaging-medicaid-cuts-for-low-income> (accessed 08.06.2017).

Статья поступила 09.09.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 16—27
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 16—27
ББК 66.3(2Рос),15
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ю. В. Уханова

Вологодский научный центр, Российская академия наук, г. Вологда, Россия,
ukhanova4@rambler.ru

Статья посвящена гендерному аспекту проблемы гражданского участия населения региона. Под гражданским участием подразумевается процесс, посредством которого общественные объединения или индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения социально значимых проблем. На основе данных мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром РАН, выявлено, что женское население наравне с мужчинами выступает полноправным субъектом в сфере гражданского участия региона, что свидетельствует об отсутствии гендерных барьеров в этом направлении.

Ключевые слова: гражданское участие, гражданская активность, гендер, готовность к объединению, потенциал протеста, общественно-политическая жизнь.

CIVIL PARTICIPATION OF REGIONAL COMMUNITY: GENDER DIMENSION

Yu. V. Ukhanova

Vologda Research Centre, Russian Academy of Sciences, Vologda,
Russian Federation, ukhanova4@rambler.ru

The article looks into the gender aspect of public participation in the region. Civic participation means the process by which public associations or individuals get involved in relations with the state and other socio-political institutions in order to address important social issues. Monitoring the data of public opinion of Vologda region residents conducted by Vologda

© Уханова Ю. В., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-013-01077/18 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

Research Centre of RAS revealed that there are similar trends in the process of civic participation for women and men in the region: a decrease in the level of activity in public and political life. One of the main factors of low civil initiative is supposed to be the disbelief in the possibility to influence the state of affairs. In recent years, according to the polls, there has been an increase in the willingness to unite for joint actions. The main forms of civic participation for both women and men in the region are elections and community work days. The analysis suggests the low public participation in the Vologda region in social and political life. At the same time, it was revealed that among women involvement in various forms of participation in resolving region's problems is slightly higher than among men. Thus, the female population acts as a full subject on a par with men in the field of civic participation in the region, which indicates that there are no significant gender barriers in this respect.

Key words: civic participation, civic activity, gender, readiness to unite, protest potential, social and political life.

Введение

В современный период в общественно-политическом дискурсе актуализируется проблематика гражданского участия. В мировой исследовательской практике отмечается такой феномен, как «революция участия» — рост активности населения в решении актуальных проблем социально-экономической и политической сфер [Chambers, 2007].

В последние годы в России внимание к обозначенной теме также возрастает. В научном сообществе уверены, что в экономических проблемах страны виноваты системные провалы государства и сложившиеся институциональные условия, в том числе слабая инициативность и культура гражданского общества¹. Сегодня становится все более ясным, что успех экономических преобразований возможен, только если «придавать социокультурной составляющей общественных преобразований значение не меньшее, чем экономической» [Горшков, 2005: 44]. Таким образом, практики различных форм участия могут выступать важным фактором, оказывающим влияние на эффективность государственного управления [Полищук, 2011].

Процесс участия наиболее активно протекает на местном уровне, что обуславливает интерес к изучению проблемы в региональном разрезе. В связи с этим целью настоящего исследования является анализ основных тенденций гражданского участия на материалах Вологодской области, при этом акцент сделан на выявлении особенностей участия в гендерном измерении.

Методика исследования

Эмпирическое исследование гражданского участия населения региона осуществлено на основе данных социологического измерения Вологодского научного центра РАН. Мониторинг экономического положения и социального

¹ К этому ключевому выводу пришли ведущие экономисты (Р. Гринберг, Л. Полищук, В. Полтерович, Л. Якобсон и др.) на конференции Новой экономической ассоциации «Политические системы и экономическое развитие: проблемы взаимосвязи», которая состоялась в МШЭ МГУ 13 декабря 2017 г.

самочувствия населения Вологодской области проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в 2 месяца. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки — это выделение типичных субъектов Вологодской области: городов Вологды, Череповца и районов Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Величина ошибки выборки не превышает 3 % при доверительном интервале 4—5 %.

Теоретико-методологические основы

Согласно толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, «участие» означает сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела. Следует констатировать тот факт, что в научной литературе при анализе вовлеченности граждан в решение общественных проблем существует методологическое разнообразие в используемых терминах (социальное или гражданское участие, самоорганизация граждан, гражданская активность и др.). В настоящем исследовании используется термин «гражданское участие», под которым подразумевается процесс, посредством которого общественные объединения или индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения общественно значимых проблем.

Проблема участия, самоорганизации граждан для выполнения общественных дел активно изучается как в западной, так и в российской литературе. Исследования зарубежных авторов по проблемам гражданского участия отличает разнообразие использования концептуальных теоретических, а также практических подходов [Cornwall, 2008]. Значительное внимание в западной литературе при исследовании участия уделяется вопросам самоорганизации граждан в контексте местных сообществ [Alesina, la Ferrara, 2000; Gaventa, 2004]. Важно подчеркнуть, что в широком смысле в западной литературе под участием понимается ситуативная практика, которая реализуется на конкретном территориально-социальном пространстве [Cornwall, 2002]. В России, в отличие от интерпретации зарубежных ученых, тема рассматривается несколько уже, при этом акцент делается прежде всего на изучении гражданского участия как вертикального взаимодействия группы или сообщества с государством [Никовская, Скалабан, 2017]. Вместе с тем российские исследователи признают, что необходимо расширять инструментарий при изучении практик гражданского участия, ориентируясь в том числе и на международные проекты, углублять знания о социальной базе самоорганизации граждан [Гражданское общество... , 2011].

В российском обществе в условиях развития демократизации происходит актуализация вопросов участия женщин в решении проблем общественной и политической жизни. Система взглядов в нашем обществе меняется, половая принадлежность играет все меньшую роль при решении общественно-политических вопросов. По данным социологических исследований, проводимых ВЦИОМ, в 2005 г.

на вопрос о том, за кого бы проголосовали на президентских выборах, выбирая между кандидатурами мужчины и женщины (при прочих равных условиях), 44 % респондентов отвечали, что за мужчину, 17 % — за женщину; сегодня первое место занимает ответ «пол не имеет значения» — 54 %. Однако патриархальные взгляды все еще сильны: 38 % скорее выбрали бы мужчину (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ответов на вопрос «В случае участия в выборах президента России двух кандидатов — мужчины и женщины — за кого бы Вы проголосовали при прочих равных условиях (образование, возраст, опыт работы)?», %²

Ответ	2005 г.	2007 г.	2011 г.	2017 г.
За мужчину	44	39	44	38
За женщину	17	12	18	5
Для меня пол кандидата не имеет значения	36	42	34	54
Затрудняюсь ответить	3	7	4	3

Исследователи признают, что в общественном сознании по-прежнему доминирует стереотип «Женщина — важнейший социальный субъект, деятельность которого связана с поддержанием семьи, воспитанием детей и гармонизацией крайностей мужского начала в социуме». Подобные стереотипы в равной мере распространены и среди мужчин, и среди женщин, что также затрудняет вхождение женщин в общественно-политическую сферу [Великая, 2012].

Вместе с тем в отличие от властных структур, где в основном преобладают мужчины, в сфере гражданского участия присутствие женщин является более массовым [Бекижеева, Кулябцева, 2012]. Таким образом, отмечается гендерная асимметрия участия, т. е. неравное значение политических и гражданских практик мужчин и женщин [Шведова, 2016].

Результаты исследования

Отправной точкой для развития гражданского участия является соответствующая ценностная база, а именно наличие в структуре жизненных ценностей тех установок, которые отвечают за формирование мотивации гражданского участия. Речь идет в первую очередь об активной жизненной позиции, высоком уровне социальной ответственности и равнодушном отношении к тому, что происходит в обществе (как в стране в целом, так и в ближайшем окружении), о готовности к объединению с целью коллективного решения общих дел.

По данным социологического измерения ВолНЦ РАН, уровень готовности женщин и мужчин к объединению для совместных действий значительно не отличается: в 2017 г. о готовности к объединению заявили 45 % женщин и 46 % мужчин (рис. 1). В 2013—2014 гг. наблюдается заметный рост показателя: у женщин — на 13 п. п. (с 43 до 56 %), у мужчин — на 10 п. п. (с 43 до 53 %), что, возможно, объясняется всплеском патриотических настроений, связанных с укреплением позиций России на международной арене и присоединением Крыма.

² Женщина-президент в России: быть или не быть? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2017. № 3501. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116481> (дата обращения: 19.01.2018).

В период экономического кризиса 2014—2016 гг., напротив, выявлена тенденция снижения доли лиц, готовых к объединению для совместных действий: у женской части респондентов — на 16 п. п. (с 56 до 40 %), у мужской — на 16 п. п. (с 53 до 37 %). Социологи констатируют, что в период кризиса происходит усиление тренда на индивидуализм, поддержание собственного благополучия и саморазвитие, установки же на взаимодействие с внешним миром, различными сообществами, коллективные действия остаются мало актуальными [Горшков, 2017].

С некоторой стабилизацией ситуации в российской экономике в 2016—2017 гг. наблюдается и снижение уровня социальной разобщенности, что проявилось в том числе в росте готовности к объединению (у женщин — на 5 п. п., у мужчин — на 9 п. п.).

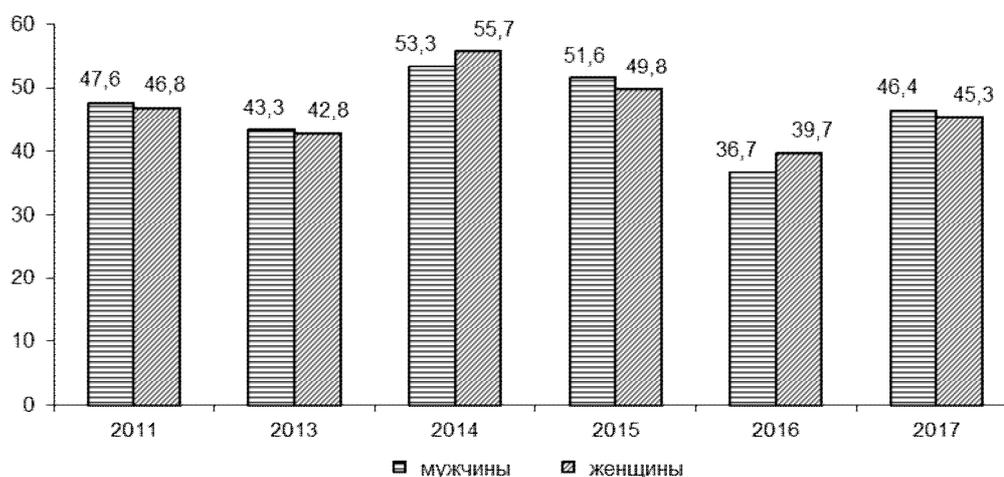

Рис. 1. Готовность к объединению для совместных действий у мужчин и женщин Вологодской области в 2011—2017 гг., %

Однако подчеркнем, что граждане могут объединяться по разным причинам и далеко не все объединения направлены на укрепление существующего порядка, о чем свидетельствует сохранение в обществе готовности к протестному поведению.

В 2017 г. по сравнению с 2011 г. потенциал протестного поведения³ у женщин сохраняется без значительных изменений (16—18 п. п.), у мужчин показатель несколько снизился (на 4 п. п.: с 23 до 19 %). Вследствие этого, если в 2011—2014 гг. сохранялся разрыв в значении показателей женской и мужской части респондентов (на 5 п. п. потенциал протеста у мужчин выше, чем у женщин), то к 2015—2017 гг. он практически исчез (рис. 2).

³ Потенциал протеста представляет доля респондентов, ответивших на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию», «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста», «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

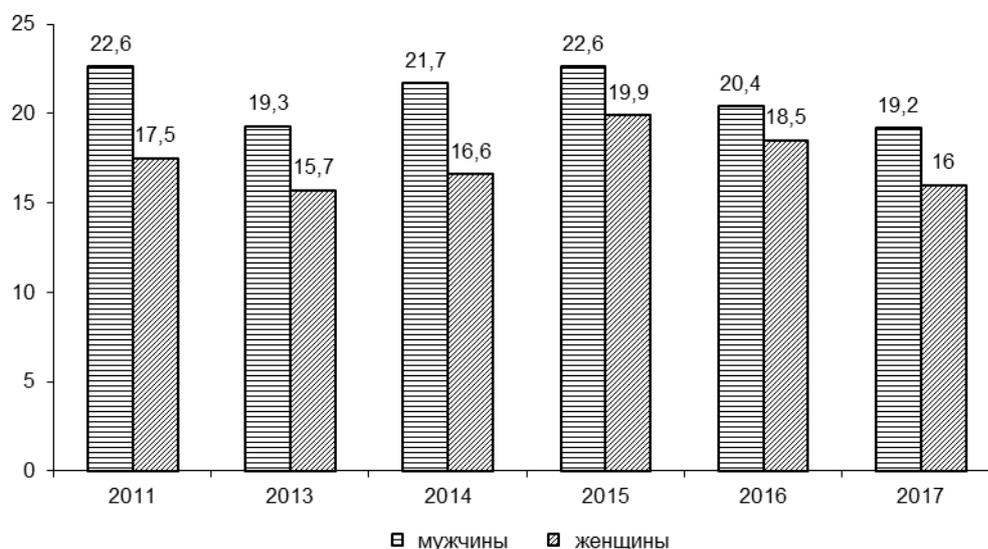

Рис. 2. Потенциал протеста у мужского и женского населения
Вологодской области в 2011—2017 гг.

И женская, и мужская часть населения убеждены, что их участие в решении проблем региона не сможет реально повлиять на изменение ситуации. По данным социологических опросов, в 2017 г. доля тех, кто полагает, что не может повлиять на состояние дел в области, по сравнению с 2011 г. у женщин увеличилась на 6 п. п. (с 66 до 72 %), у мужчин — на 5 п. п. (с 68 до 73 %) (табл. 2). Из полученных данных видно, что за последние 6 лет для населения региона характерен рост гражданского пессимизма.

Таблица 2

**Оценки возможности своего влияния на состояние дел в регионе, %
(ответ на вопрос «Как вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять
на состояние дел в нашей области?»)**

Пол опрошиваемых	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	<i>Влиять на состояние дел в регионе возможно</i>					
Мужской	8,5	3,9	4,6	3,4	4,6	6,1
Женский	7,1	2,3	3,7	4,0	4,7	3,3
<i>Влиять на состояние дел в регионе невозможно</i>						
Мужской	67,7	69,1	73,3	69,5	70,7	73,2
Женский	65,7	69,1	73,4	72,1	73,3	72,3
<i>Затрудняюсь ответить</i>						
Мужской	23,8	27,0	22,1	27,1	24,7	20,7
Женский	27,2	28,7	22,9	23,9	22,0	24,4

По данным общероссийских исследований, также отмечается преобладание в умонастроениях россиян мнения о невозможности повлиять на ситуацию в стране. Специалисты Института социологии РАН утверждают, что во многих странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно, и уровнем осознаваемого возможного влияния граждан на политический процесс, но в России этот разрыв один из самых заметных (57 и 11 %) [Российская идентичность... , 2007].

Оценки женщинами и мужчинами уровня своего гражданского участия в целом идентичны: по данным на 2017 г., доля положительных оценок составляет 21—23 п. п. (рис. 3). С 2011 по 2014 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения показателя: на 12 п. п. у мужчин (с 27 до 15 %), на 9 п. п. у женщин (с 24 до 15 %). В целом за указанный период оценки активного гражданского участия незначительно снизились и у мужского, и у женского населения (на 4 и 3 п. п. соответственно).

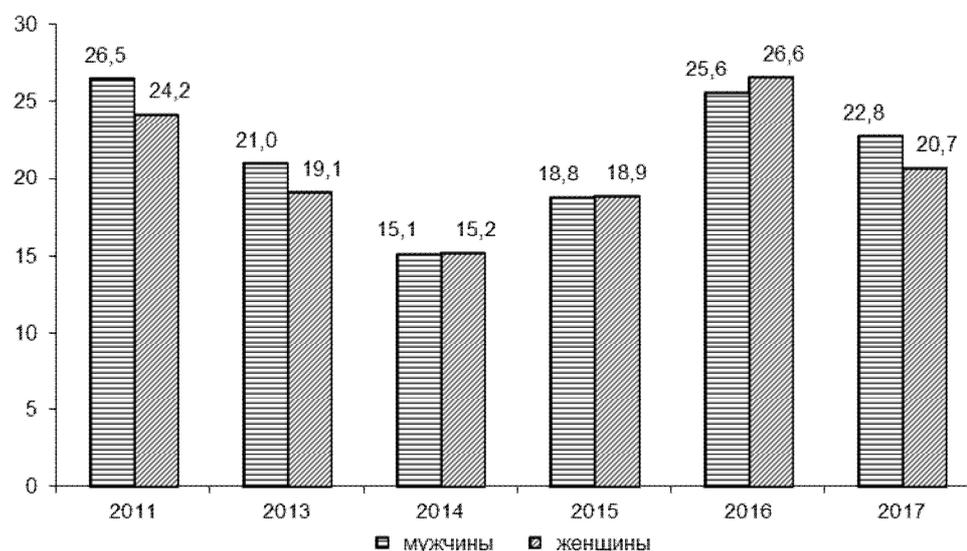

Рис. 3. Оценки женским и мужским населением Вологодской области уровня своего участия в общественной и политической жизни в 2011—2017 гг., % (варианты ответа: «активное» и «скорее активное»)

По данным социологических опросов, основными формами гражданского участия, как для женщин, так и для мужчин, в регионе являются выборы: в 2017 г. доля положительных ответов у женщин составила 53 %, у мужчин — 49 % (табл. 3). Анализируя данные за 2011—2017 гг. в отношении самой распространенной формы проявления гражданской активности населения, отметим негативную динамику: если в преддверии президентских выборов 2012 г. свое участие в выборах различного уровня отмечали более 70 % женщин и 65 % мужчин, то к 2017 г. этот показатель снизился на 16—17 п. п. У женского и мужского населения за указанный период увеличилась доля тех, кто принимал участие в субботниках (на 8 п. п. — у женщин (с 14 до 22 %), на 5 п. п. — у мужчин (с 10 до 15 %)). Кроме того, в 2017 г. в сравнении с 2011 г. увеличилась доля женщин, принимающих участие в благотворительности (на 8 п. п.: с 5 до 13 %).

Таблица 3

**Участие мужчин и женщин в мероприятиях общественной и политической жизни
в Вологодской области в 2011—2017 гг., %
(ответ на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни
Вам приходилось участвовать в текущем году?»)**

Ответ	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	Мужчины/женщины					
Выборы	65,6/70,4	61,5/67,5	37,5/44,6	45,3/49,6	31,0/32,0	49,4/53,1
Коллективное благоустройство, субботники	9,6/14,2	11,9/18,4	13,9/19,6	15,4/22,2	15,0/21,5	14,7/21,9
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	5,5/7,9	3,6/8,4	8,4/11,2	6,8/13,9	5,5/9,9	5,1/13,0
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	5,2/6,7	6,5/7,3	6,4/9,6	9,6/11,4	7,9/9,1	7,6/9,8
Подписание обращений, петиций в органы власти	2,1/3,1	2,1/2,6	2,4/2,8	3,7/3,9	3,7/4,6	4,6/6,6
Деятельность профсоюзных организаций	3,2/3,2	3,7/3,7	3,7/3,7	4,6/4,6	4,1/4,1	3,7/3,7
Проведение избирательной кампании	3,9/5,4	3,6/6,6	3,6/3,9	1,2/5,0	1,9/2,5	4,3/4,8
Деятельность общественных организаций	2,4/5,6	2,7/2,6	2,7/4,1	1,8/3,5	1,8/2,3	3,3/4,3
Митинги, демонстрации, пикеты	3,7/4,4	2,0/1,1	1,6/1,2	2,7/2,4	1,2/1,6	2,7/2,1
Деятельность религиозных организаций	0,6/0,6	0,5/0,5	0,7/0,7	1,2/1,2	1,4/1,4	1,1/1,1
Забастовки	0,9/1,1	0,2/0,2	0,4/0,1	0,0/0,1	0,6/0,6	0,4/0,6
Деятельность политических партий	1,3/0,7	0,9/1,3	0,6/1,2	0,6/1,1	0,9/0,5	2,1/1,6
Ни в чем подобном не участвовал	22,9/18,8	32,1/26,5	47,5/40,7	41,8/32,4	53,7/47,1	37,9/28,4

Обращает на себя внимание низкий уровень активности и женщин, и мужчин Вологодской области в таких важных сферах гражданского участия, как деятельность профсоюзов, работа ТСЖ, НКО и др.: доля положительных оценок в течение всего периода составляет менее 10 %. Между тем в целом по стране социологи отмечают рост вовлеченности населения в работу общественных организаций. Так, по данным ВЦИОМ, за последние 3 года доля россиян, имеющих опыт участия в деятельности общественных организаций, выросла с 16 до 25 %. Готовность участвовать в работе общественных организаций сегодня выражают 44 % (против 32 % в 2014 г.) [Мониторинг мнений... , 2017].

В целом следует констатировать, что гражданское участие населения региона находится на крайне низком уровне, при этом, по самооценкам, женщины в большей степени вовлечены в различного вида общественно-политические мероприятия, чем мужчины (для сравнения: в 2017 г. о том, что вообще не участвуют в подобных видах деятельности, заявили 28 % женщин и 48 % мужчин).

В качестве главных причин, препятствующих гражданскому участию, и женское, и мужское население региона выделяет «неверие в возможность оказывать влияние на решения властей», «безразличие к общим делам, индивидуализм», «привычку надеяться на готовое, в том числе на власть». С 2011 по 2017 г. наблюдается снижение доли тех, кто в качестве препятствия для гражданской активности отметил «безразличие к общим делам» (у женщин — на 9 п. п.: с 28 до 19 %, у мужчин — на 4 п. п.: с 24 до 20 %). За указанный период мужчины стали реже выделять как препятствие «неверие в возможность оказывать влияние на властные решения» (на 7 п. п.: с 26 до 19 %). У женщин в 2011—2017 гг. показатель сохраняется без положительных изменений (табл. 4).

Таблица 4

Препятствия для гражданской активности по самооценкам населения региона, %

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	<i>Мужчины/женщины</i>					
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	19,9/18,4	21,4/22,5	21,9/21,8	19,1/19,8	19,0/20,1	20,4/18,1
Безразличие к общим делам, индивидуализм	23,8/28,1	23,4/24,7	21,9/24,8	18,5/20,5	25,1/23,9	19,5/19,3
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	25,6/23,2	25,6/28,4	23,0/22,4	18,7/22,9	19,9/24,3	18,6/22,1
Недостаток времени, чрезмерная занятость	12,3/12,4	16,7/14,6	16,3/14,0	13,9/14,8	17,5/19,2	15,3/14,4
Недостаток знаний, некомпетентность	14,8/15,5	18,4/19,6	15,2/16,4	13,0/17,3	19,2/20,1	14,6/17,9
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	17,1/14,9	20,1/19,8	21,3/18,4	13,3/10,5	13,9/12,6	13,8/15,2
Отсутствие способности к организации	9,1/7,6	10,9/11,2	9,7/11,6	9,9/9,1	10,5/11,3	10,0/9,3
Боязнь негативной реакции со стороны окружающих	7,2/6,4	9,5/9,3	7,2/7,6	5,3/7,4	5,2/5,3	6,7/5,2
Другое	0,4/0,7	0,3/0,2	0,3/0,1	0,0/0,1	0,4/0,2	0,6/0,2
Затрудняюсь ответить	26,6/27,9	30,3/29,3	29,7/30,0	36,7/33,8	35,9/34,9	37,5/36,6

На феномен уверенности населения в невозможности повлиять на состояние дел в общественно-политической жизни как на один из важнейших факторов, препятствующих гражданской активности, обращают внимание многие исследователи. Социологи отмечают, что граждане всякий раз сами убеждаются, что у них нет возможности повлиять на решения власти, обустройство жизни на своей территории, что общественная самореализация никем не востребована. С другой стороны, и власть пока не научилась работать с социальными активистами и разными формами общественной активности, не умеет и зачастую не хочет планировать общественный диалог при реализации общезначимых проектов [Седова, 2011].

Выводы

Проведенное исследование показало, что в целом за 2011—2017 гг. для женщин и мужчин Вологодской области характерны схожие тенденции в процессе гражданского участия: за указанный период происходит снижение уровня активности в общественно-политической жизни. Одновременно с этим растет убежденность в невозможности повлиять на состояние дел в жизни региона, что, судя по оценкам, выступает одним из главных факторов низкой гражданской инициативы на местах. В последние годы, по данным опросов, выявлен рост готовности к объединению для совместных действий, причем конструктивных, а не разрушительных, о чем свидетельствует отсутствие роста (и даже снижение) потенциала протеста. Основными формами гражданского участия и для женщин, и для мужчин в регионе являются выборы и субботники. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о низком уровне участия населения Вологодской области в мероприятиях общественно-политической жизни. В то же время установлено, что у женщин вовлеченность в различные формы участия в решении проблем региона выше, чем у мужчин. Таким образом, можно сделать вывод, что женское население наравне с мужчинами выступает полноправным субъектом в сфере гражданского участия региона, что свидетельствует об отсутствии гендерных барьеров в этом направлении.

Библиографический список

- Бекижеева Д. И., Кулябцева В. Н. Активность женских общественных объединений в современном политическом процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2012. № 3. С. 190—199.
- Великая Н. В. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 127—129.
- Горшков М. К. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998—2004 гг.) // Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. С. 32—44.
- Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход: (статья 2) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5—13.

- Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества» / под ред. Л. И. Якобсона, И. В. Мерсияновой и др.; Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2011. 124 с.
- Мониторинг мнений (ВЦИОМ), ноябрь — декабрь 2017 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 149—179.
- Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60.
- Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46—65.
- Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад / Институт социологии РАН. 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 22.01.2018).
- Седова Н. Н. Модернизация в контексте гражданского участия // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 101. С. 81—87.
- Шведова Н. А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 21—30.
- Alesina A., la Ferrara E. Participation in heterogeneous communities // *The Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115, № 3. P. 847—904.
- Chambers R. Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers: IDS Working Paper 296. Brighton (UK): IDS, 2007. 43 p.
- Cornwall A. Locating Citizen Participation. 2002. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x> (дата обращения: 15.01.2018).
- Cornwall A. Unpacking “Participation”: models, meanings and practices // *Community Development Journal*. 2008. [Iss.] 43 (3). P. 269—283.
- Gaventa J. Towards participatory local governance: assessing the transformative possibilities // *Participation: from Tyranny to Transformation* / ed. by S. Hickey, G. Mohan. London: Zed Books, 2004. P. 25—41.

References

- Alesina, A., la Ferrara, E. (2000) Participation in heterogeneous communities, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 3, pp. 847—904.
- Bekizheeva, D. I., Kuliabtseva, V. N. (2012) Aktivnost' zhenskikh obshchestvennykh ob'edinenii v sovremennom politicheskom protsesse [Activity of women's public associations in the modern political process], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 1, no. 3, pp. 190—199.
- Chambers, R. (2007) *Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers*: IDS Working Paper 296, Brighton, UK: IDS.
- Cornwall, A. (2002) *Locating Citizen Participation*, available from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x> (accessed 15.01.2018).
- Cornwall, A. (2008) Unpacking “Participation”: models, meanings and practices, *Community Development Journal*, iss. 43 (3), pp. 269—283.
- Gaventa, J. (2004) Towards participatory local governance: assessing the transformative possibilities, in: Hickey, S., Mohan, G. (eds), *Participation: from Tyranny to Transformation*, London: Zed Books, pp. 25—41.
- Gorshkov, M. K. (2005) Grazhdane novoï Rossii: kem sebia oshchushchaliut i v kakom obshchestve khoteli by zhit' (1998—2004 gg.) [Citizens of new Russia: who do they feel and in what kind of society would they like to live in (1998—2004)], in: *Rossiiskaia*

- identichnost' v usloviakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza*, Moscow: Nauka, pp. 32—44.
- Gorshkov, M. K. (2017) Rossiiskii sotsium v usloviakh krizisnogo razvitiia: kontekstnyi podkhod: (Stat'ia 2) [Russian society in crisis development: contextual approach: (Article 2)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 5—13.
- Iakobson, L. I., Mersiianova, I. V. et al. (eds) (2011) *Grazhdanskoe obshchestvo v moderniziruiushcheisia Rossii: Analiticheskii doklad po itogam realizatsii proekta "Indeks grazhdanskogo obshchestva"* [Civil society in modernizing Russia: Analytical report on the results of the "Civil society index project"], Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki".
- Nikovskaia, L. I., Skalaban, I. A. (2017) Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiia [Civic participation: features of discourse and trends in real development], *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 43—60.
- Polishchuk, L. (2011) Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [The economic importance of social capital], *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 46—65.
- Rossiiskaia identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii: Analiticheskii doklad Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* (2007) [Russian identity in the sociological dimension: Analytical report by the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences], available from http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (accessed 22.01.2018).
- Sedova, N. N. (2011) Modernizatsiia v kontekste grazhdanskogo uchastiia [Modernization in the context of civic participation], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 101, pp. 81—87.
- Shvedova, N. A. (2016) Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo [Political parties and gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 21—30.
- Velikaia, N. V. (2012) Zhenskie obshchestvennye ob'edineniia kak sotsial'nyi resurs politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii [Women's public associations as a social resource of political modernization in contemporary Russia], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatelnaia mysl'*, no. 4 (14), pp. 127—129.

Статья поступила 09.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Уханова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, ukhanova4@rambler.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Vologda Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 28—39
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.3

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 28—39
ББК 60.561.8
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.3

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. П. Соловей

Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь, alesya-solovei@mail.ru

Представлен краткий обзор научной литературы по различным аспектам положения женщин в науке, на основании которого обосновывается необходимость и актуальность изучения социального самочувствия женщин-исследовательниц. Методология изучения социального самочувствия выбрана с учетом специфики указанной социально-профессиональной группы. На базе анализа данных социологического исследования, проведенного впервые среди женщин — научных работников Национальной академии наук Беларуси, рассмотрен социально-демографический портрет женщин-ученых. Проанализированы индикаторы внутреннего эмоционального восприятия жизни женщинами, их социальные установки и ценностные ориентации. Рассчитаны индексы удовлетворенности показателями социального самочувствия, кумулятивный индекс социального самочувствия. На основании факторного и кластерного анализа выделены типы женщин-исследовательниц в зависимости от социального самочувствия, ценностных ориентаций.

Ключевые слова: женщины-исследовательницы, академическая наука, показатели социального самочувствия, индекс социального самочувствия, гендерная роль, ценностные ориентации, типология женщин-исследовательниц.

THE SOCIAL WELL-BEING OF WOMEN RESEARCHERS IN THE ACADEMIC SCIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. P. Solovey

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus, alesya-solovei@mail.ru

The article presents a brief review of the scientific literature on various aspects of the status of women in science, on the basis of which the necessity and actuality of studying the social well-being of women researchers in academic science is substantiated. The methodology of studying the social well-being of women researchers is looked into. The main groups of indicators of social well-being are identified, taking into account the specifics of the studied social-professional being. Based on the analysis of the sociological research

conducted for the first time among women scientists of the National Academy of Sciences of Belarus, a social-demographic portrait of women researchers was given a careful consideration. The indicators of internal emotional perception of women's life and their social attitudes are analyzed. Significant basic values and importance of value orientations for women, as well as the most disturbing problems of women, are identified. The indices of satisfaction with the indicators of social well-being, the cumulative index of the social well-being of female researchers, which is quite high (0,61), are calculated. The influence of social well-being on effectiveness of women's scientific activity is determined. Applying factorial and cluster methods, types of women researchers are identified depending on the social well-being, value orientations.

Key words: women researchers, academic science, indicators of social well-being, index of social well-being, gender role, value orientations, typology of women researchers.

Введение

Тема «Женщины в науке» на сегодняшний день исследована с различных сторон — от рассмотрения теоретико-методологических оснований ее изучения до выявления барьеров и препятствий в построении научной карьеры. Проблема академической карьеры женщин, особенности научной продуктивности в зависимости от пола изучались за рубежом такими авторами, как Л. Бейлин, М. Ф. Фокс, Г. Соннерт, Г. Холтон, Дж. С. Лонг, Б. Ф. Рескин [Bailyn, 2003; Fox, 1995; Соннерт, Холтон, 1996; Лонг, 1991; Рескин, 1979]. В работах Дж. Коула, Г. Цукерман, Дж. М. Макдауэлла исследовалось влияние материнства и замужества, а также академического перерыва в связи с уходом в декретный отпуск на научную продуктивность женщины [Cole, Zuckerman, 1987; Макдауэлл, 1983]. Гендерной сегрегации в научной сфере, трудностям и препятствиям, с которыми сталкиваются женщины-ученые, причинам, обуславливающим их меньшинство в науке, посвящены работы Ш. М. Малкольм с соавторами и Л. М. Фреилл [Malcolm et al., 1976; Фреилл, 1998]. Российские исследовательницы Н. Г. Дежина, С. А. Сычева, Н. Л. Пушкарева рассматривали социальное положение и статус женщин в научной сфере [Дежина, 2003; Сычева, 2005; Пушкарева, 2014]. Белорусскими авторами освещены такие вопросы, как гендерный анализ научных кадров на основе статистических данных, а также гендерная идентичность различных возрастных и профессиональных групп женщин-ученых [Антонова, 2014; Чикалова, 2006].

Анализ источников позволил определить направление настоящего исследования. Следует отметить, что в Республике Беларусь целенаправленных исследований, посвященных социальному самочувствию женщин-ученых, не проводилось. Актуальность изучения данного аспекта темы определяется не только общей феминизацией науки, необходимостью дальнейшего развития гендерной политики государства в научной сфере, но и непосредственным влиянием социального самочувствия женщин на их научную деятельность.

Методология исследования

Необходимость теоретико-методологической разработки показателей и эмпирических индикаторов социального самочувствия женщины-исследовательницы обусловлена отсутствием единой методологии измерения этого феномена, которая бы учитывала специфику изучаемого объекта. На данный момент существует немалое количество подходов к определению показателей

социального самочувствия. Российские исследователи А. А. Грачев и А. А. Русалинова относят к таким индикаторам индекс общей удовлетворенности жизнью и показатель уверенности в завтрашнем дне. Немаловажное значение в измерении социального самочувствия они придают оценке доминирующего эмоционально-динамического настроения личности, который отражает ее стратегическую жизненную поведенческую установку, а также оценке степени личного переживания чувства социального дискомфорта [Грачев, Русалинова, 2007: 9].

Другие исследовательницы при измерении социального самочувствия акцент делают в основном на определении удовлетворенности индивида теми или иными аспектами жизнедеятельности. Социальное самочувствие, отмечают они, «результат осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни» [Колесникова, Артюхина, 2013: 313]. С точки зрения Л. И. Михайловой, социальное самочувствие зависит от здоровья, повседневного быта, обустроенности семьи, характера и качества включенности во все сферы социальной жизни [Михайлова, 2010: 46]. Я. Н. Крупец к показателям социального самочувствия относит: 1) удовлетворенность жизнью в целом; 2) оценку своего положения в новых условиях; 3) представление о своем будущем [Крупец, 2003: 144]. По мнению П. М. Козыревой, индекс социального самочувствия строится на трех взаимосвязанных компонентах: 1) индексе удовлетворенности своим сегодняшним положением и уверенности в будущем; 2) индексе самооценки; 3) индексе самооценки состояния здоровья [Козырева, 2002: 51].

Зарубежные социологи в качестве составляющих социального самочувствия выделяют компоненты личностного «счастья», а также удовлетворенность повседневностью и бытом. Анализ подходов иностранных авторов к пониманию социального самочувствия показывает, что наиболее значимыми для оценки социального статуса являются такие показатели, как самооценка материального положения, степень удовлетворенности своим положением в обществе, представления о собственном материальном положении через определенное время [Асланова, 2012].

Таким образом, отсутствие единых критериев выделения показателей социального самочувствия, многоаспектность операционализации данного понятия приводят к методологической проблеме измерения этого феномена в социально-профессиональных группах. Методология изучения социального самочувствия женщин-ученых в нашем исследовании опирается на системный (структурно-функциональный анализ) и гендерный подходы. Системный подход позволяет рассмотреть концепт «социальное самочувствие» как определенной рода систему, состоящую из элементов. Каждый из показателей социального самочувствия влияет на кумулятивный индекс социального самочувствия, т. е. все показатели функционально взаимосвязаны между собой. Гендерный подход дает возможность учесть специфику изучаемого объекта, обусловленную гендерными ролями, выполняемыми женщиной в обществе (жена, мать, «хранительница домашнего очага»). При выделении показателей и индикаторов измерения социального самочувствия женщин-исследовательниц необходимо учитывать особенности данной социально-профессиональной группы, которая отражает тенденции развития жизненных стратегий женщин, с одной стороны, как социально-демографической группы, а с другой — как профессионального сообщества, занимающегося интеллектуальной деятельностью (научно-исследовательской).

Эмпирические индикаторы социального самочувствия женщин-исследовательниц

Показатель	Эмпирические индикаторы
Социальные установки и ценностные ориентации	Готовность к действию, ценностные ориентации
Удовлетворенность различными аспектами своей жизни:	
профессиональными	Занимаемая должность, перспективы должностного роста, перспективы профессионального роста, отношения с руководством, психологический климат в коллективе, состояние рабочего места, условия труда в целом, собственные научные идеи, публикационная активность, умение организовать свою научную работу, эффективность своей работы, работа в НАН Беларуси в целом
социально-экономическими	Востребованность в обществе, занимаемое социальное положение, общественная активность, социальный пакет института, жилищно-бытовые условия, размер заработной платы, располагаемые материальные ресурсы, меры социальной защиты, меры государственной поддержки ученого
лично-эмоциональными	Реализация жизненных целей, творческие способности, эмоционально-психологическое состояние, устроенность личной жизни, семейное положение, взаимоотношения в семье, совмещение личной жизни и научно-исследовательской деятельности, состояние здоровья, жизнь в целом
Внутреннее эмоциональное восприятие своей жизни в целом	Преобладающее эмоциональное состояние, ощущение счастья, уверенность в завтрашнем дне, уровень социального оптимизма, уровень жизни в ближайшей перспективе, уровень жизни в настоящий момент, наиболее беспокоящие проблемы
Социально-демографические характеристики	Возраст, семейное положение, наличие детей, должность, наличие ученой степени, материальное положение

Опираясь на выбранные нами методологию и подходы к измерению социального самочувствия, выделим основные показатели и эмпирические индикаторы социального самочувствия женщин-исследовательниц (таблица).

Постановка задач и методы исследования

Вследствие актуальности вопросов, связанных с феминизацией науки, социальным и профессиональным положением женщин-исследовательниц, в 2017 г. впервые было проведено целевое социологическое исследование по изучению социального самочувствия женщин — научных работников Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси). Целью исследования являлось изучение социального самочувствия женщин-ученых. Реализация поставленной цели осуществлялась в процессе решения следующих задач: 1) определения

индексов удовлетворенности женщин основными аспектами жизнедеятельности, индекса социального самочувствия; 2) осуществления комплексной оценки эмоционального восприятия женщинами жизни; 3) выявления степени важности ценностных ориентаций, значимости основных ценностей; 4) выделения типов женщин в зависимости от социального самочувствия, ценностных ориентаций; 5) определения влияния социального самочувствия на самооценку эффективности научной деятельности.

Исходя из цели и задач исследования, характеристик объекта и возможностей организации опроса в данной работе целесообразным являлось применение двухступенчатой случайной выборки и проведение сплошного опроса на последнем этапе. На первом этапе генеральная совокупность была стратифицирована по признаку «область научных исследований». Для обеспечения равной вероятности включения в выборочную совокупность женщин, работающих во всех отраслях науки, основой выборки стали семь отделений НАН Беларуси: физики, математики и информатики; физико-технических наук; химии и наук о Земле; биологических наук; медицинских наук; гуманитарных наук и искусств; аграрных наук. На втором этапе в каждом отделении наук случайным образом были определены научные учреждения как единицы отбора. Единицами наблюдения, анализа и единицами сбора информации являлись женщины-исследовательницы 34 институтов НАН Беларуси. Опрос проводился методом индивидуального раздаточного анкетирования. Выборочная совокупность составила 450 человек ($\Delta = \pm 4,2\%$, при $\alpha = 0,05$). Согласно контролируемому признаку «ученая степень» было опрошено 13 докторов наук, 120 кандидатов наук и 317 исследовательниц без ученой степени.

Результаты исследования

Социально-демографический портрет женщин-исследовательниц. Средний возраст респонденток составляет 39 лет. 51,4 % женщин замужем, 33,7 % являются незамужними, 4,4 % — вдовами, 5,0 % разведены, 5,6 % состоят в незарегистрированном браке. 48,1 % женщин имеют детей (59,4 % одного ребенка, 36,7 % — двух, 3,8 % — трех), у 51,9 % детей нет. Работают в должности младшего научного сотрудника 34,4 % женщин, научного сотрудника — 27,7 %, старшего научного сотрудника — 12,6 %, ведущего научного сотрудника — 7,6 %, главного научного сотрудника — 1,0 %. Руководителями структурных подразделений (заведующая отделом, лабораторией, сектором) являются 8,9 % женщин, учеными секретарями — 2,5 %, заместителями директора — 1,6 %, директорами — 0,4 %. В пункт «Другое» вошли такие должности, как инженер, инженер-химик 2-й категории, почетный директор института, стажер младшего научного сотрудника (2,3 %). Не имеют ученого звания 93,4 % женщин, звание доцента получили 5,4 %, профессора — 1,0 %, члена-корреспондента — 0,1 %, академика — 0,1 %.

Материальное положение женщин и их семей оценивалось согласно установленным критериям. Могут позволить себе нормально питаться, одеваться, но не имеют возможности делать дорогие покупки (мебель, техника и пр.) 45,4 % женщин. Практически у каждой третьей респондентки (31,2 %) денег хватает на вполне обеспеченную жизнь, но их семьи не могут делать очень дорогие покупки (недвижимость, автомобили и пр.). Каждая пятая женщина (19,4 %) отметила,

что денег хватает на питание, однако покупка других действительно нужных вещей (одежда, лекарства и пр.) вызывает у семьи затруднение. 2,6 % опрошенных часто приходится отказываться даже от необходимых продуктов питания. И лишь 1,4 % женщин не ограничены в средствах, их семьи могут позволить себе дорогие покупки (автомобиль, квартира и пр.).

Внутреннее эмоциональное восприятие своей жизни в целом. Одним из аспектов изучения социального самочувствия является оценка эмоционального состояния как обобщающая характеристика переживаемых женщиной чувств. С данной целью респонденткам был задан вопрос «Какие из следующих чувств Вы обычно испытываете в настоящий период?» и предлагалось выбрать одну из позиций (рисунок).

Спокойствие	45,9	54,1	Тревожность
Интерес к жизни	90,6	9,4	Безразличие к жизни
Радость	75,1	24,9	Печаль
Оптимизм	74,8	25,2	Пессимизм
Уверенность в себе	73,4	26,6	Неуверенность в себе
Уверенность в завтрашнем дне	35,1	64,9	Неуверенность в завтрашнем дне
Готовность к переменам	74,7	25,3	Страх перемен
Стабильность	42,2	57,8	Нестабильность

Чувства, чаще всего испытываемые женщинами, %

Из позитивных чувств у женщин преобладают интерес к жизни, радость, оптимизм, уверенность в себе и готовность к переменам; из негативных — неуверенность в завтрашнем дне, ощущение нестабильности и тревожности. При этом большинство женщин (67,3 %) чувствуют себя счастливыми. Каждая восьмая женщина (12,1 %) не ощущает себя таковой. Практически каждая пятая респондентка (19,1 %) затруднилась с оценкой. Категория счастья является весьма субъективной и свидетельствует об удовлетворенности жизнью в целом.

Социальный оптимизм, отражающий состояние человека, которое характеризуется положительным восприятием действительности и уверенностью в улучшении жизни в будущем, является одним из важных показателей социального самочувствия. С целью оценки уровня социального оптимизма женщин-исследовательниц выяснялось, как они воспринимают будущее. Каждая третья женщина (33,7 %) смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, практически каждая вторая (49,4 %) — спокойно, но без особых надежд и иллюзий, 8,3 % — с тревогой и неуверенностью. Лишь 1 % женщин испытывают пессимистичные чувства и смотрят в будущее со страхом и отчаянием. Затруднились с оценкой своего отношения к будущему 7,6 % женщин.

При анализе социального самочувствия необходимой является оценка восприятия респондентками перспектив качества своей жизни. Надеются улучшить свою жизнь в той или иной степени 22,4 % женщин. По мнению 12,6 %

женщин, их жизнь ухудшится. Ничего не изменится в жизни для 27,6 % женщин. Большинство респонденток (37,4 %) испытывают затруднение в определении перспектив своей жизни. При этом оценка жизни в настоящий момент по сравнению с прошлым годом не является столь оптимистичной. Ощутили ее ухудшение в той или иной степени 34,6 % женщин (среди них 27,6 % стали жить несколько хуже, 7 % — намного хуже). По мнению 38,6 % женщин, в жизни ничего не изменилось, все осталось как прежде. Улучшение в своей жизни отметили 17 % женщин (14,2 % стали жить несколько лучше, 2,8 % — намного лучше). Каждая десятая женщина (9,9 %) затруднилась с оценкой своей жизни.

Проблемы, которые волнуют женщин, могут оказывать влияние на их социальное самочувствие. В наибольшей степени женщин тревожат уровень заработной платы (69,4 %) и состояние здоровья родных и близких (57,6 %). Практически в одинаковой степени волнение вызывают состояние личного здоровья (42 %) и будущее детей (41 %). Каждую третью женщину (33 %) тревожат жилищные проблемы. Беспокойство вызывают проблемы, связанные с работой. 35,6 % женщин переживают за эффективность своей научно-исследовательской деятельности, 30,3 % — за состояние белорусской науки, 27,5 % — за будущее своей профессиональной карьеры. Проблемами, обусловленными инфляцией, ростом цен на товары повседневного спроса, обеспокоены 26,6 % опрошенных. Качеством и доступностью медицинского обслуживания и лекарств озабочены 23,5 % женщин. Взаимоотношения в семье вызывают беспокойство у 23 % респонденток. Каждая седьмая женщина (14 %) опасается остаться без работы. Выявление проблем, волнующих женщин, позволит определить те жизненные сферы, которым стоит уделять больше внимания.

Удовлетворенность различными аспектами жизни. Изучение удовлетворенности различными аспектами жизни необходимо для выявления общего индекса социального самочувствия женщин-исследовательниц. Оценивая индексы удовлетворенности (интервал от 0 до 1; таблица), можно сделать вывод о том, что женщины в наибольшей степени удовлетворены взаимоотношениями в семье (0,84), в наименьшей — размером заработной платы (0,26). Группировка индексов по квартильным интервалам позволяет определить аспекты жизни, которыми исследуемая социально-профессиональная группа удовлетворена в очень низкой, низкой, высокой и очень высокой степени. В соответствии с такой группировкой в очень высокой степени женщины-исследовательницы удовлетворены взаимоотношениями в семье, отношениями с руководством, психологическим климатом в коллективе (индексы от 0,76 до 1). Низкой степенью удовлетворенности характеризуются такие индикаторы, как размер заработной платы, меры государственной поддержки ученого, располагаемые материальные ресурсы и меры социальной защиты (индексы от 0,26 до 0,5). Остальные индексы расположились в интервале от 0,51 до 0,75, что соответствует высокой степени удовлетворенности. Следует отметить, что отсутствуют аспекты жизни, удовлетворенность которыми очень низка (индекс от 0 до 0,25).

Рассчитав индексы удовлетворенности по каждому индикатору в отдельности и учитывая индексы ощущения счастья (0,68), уровня социального оптимизма (0,77), уровня жизни в настоящий момент (0,45), уровня жизни в ближайшей перспективе (0,54), можно сделать вывод о том, что комплексный

индекс социального самочувствия женщины-исследовательницы в академической науке является высоким (0,61).

Для выявления различных типов женщин-ученых в зависимости от их социального самочувствия были выбраны показатели, которые, на наш взгляд, позволяют наиболее комплексно оценить удовлетворенность своей жизнью в целом, уровень жизни в настоящий момент, уровень жизни в ближайшей перспективе, уровень социального оптимизма, а также ощущение счастья. В ходе кластерного анализа при объединении названных показателей выявлено пять групп женщин с различным социальным самочувствием, которые условно можно назвать «оптимистки» (38,8 %), «неадаптированные оптимистки» (32,1 %), «относительные оптимистки» (9,5 %), «неадаптированные пессимистки» (13,0 %), «пессимистки» (6,5 %).

Следует отметить, что социальное самочувствие влияет на самооценку эффективности научной деятельности у женщин. Женщины-исследовательницы, у которых высокий индекс социального самочувствия, определили эффективность данной деятельности выше, чем женщины с низким индексом социального самочувствия ($U_{\text{эмп}} = 1225,5$; $p_1 = 0,008$; $p_2 < 0,001$): женщины-«оптимистки» оценили ее на 6,33 балла (по шкале от 1 до 10), женщины-«пессимистки» — на 5,28 балла, «неадаптированные пессимистки» — на 5,18 балла.

Ценностные ориентации и социальные установки. В системе базовых ценностей женщин-ученых семерку лидеров составляют здоровье (88,5 %), семья (74,1 %), интересная работа и профессия (69,1 %), душевный покой и комфорт (61,2 %), дети (60,3 %), материально обеспеченная жизнь (53,1 %), самореализация (48,6 %). Менее всего значимы для женщин такие ценности, как высокое положение в обществе (3,6 %), богатство и большие деньги (3,5 %), долг перед Родиной (3,2 %), власть (0,9 %). Стоит отметить, что только каждая девятая женщина (10,8 %) выбрала карьеру как наиболее важную ценность.

Одной из специфических особенностей деятельности женщины-ученого является сложность совмещения профессиональной и семейно-бытовых ролей. Оценивая значение семьи и научной карьеры в своей жизни, практически половина женщин (48,7 %) отметили, что семья для них более важна, чем научная карьера. Одинаково значимы научная карьера и семья для 36,7 % женщин. И лишь для 2,5 % научная карьера стоит на первом месте. Затруднились с оценкой значимости семьи и научной карьеры в своей жизни 12,2 % женщин. Подчинить профессиональные амбиции гендерной роли согласны половина респонденток. Снизить уровень своих профессиональных притязаний в случае затруднений при совмещении научно-исследовательской деятельности и семейной жизни готовы 56,4 % женщин. Не согласны жертвовать своими профессиональными притязаниями 22,3 % женщин. Для каждой пятой (21,4 %) данный выбор оказался затруднительным. При этом пожертвовали бы своей научной деятельностью и возможностью карьерного роста ради рождения и воспитания детей, если бы перед ними стоял выбор, 71,9 % женщин (38,8 % ответили «да», 33,1 % — «скорее да»). Каждая девятая (10,9 %) не пошла бы на такую жертву. Затруднились ответить на поставленный вопрос 17,2 % женщин.

Ценностные ориентации, которые задают общую направленность интересов и устремлений личности, а также определяют уровень притязаний, отражают

готовность человека к осуществлению тех или иных жизненных стратегий. Рассмотрим значимость для женщин-исследовательниц ценностных ориентаций, которые обуславливают основополагающие цели в их жизни. Наиболее значимы для женщин экономическая независимость и самодостаточность. Практически для всех респонденток важны финансовая самостоятельность и опора на собственные силы при достижении цели — 97,7 и 89,1 % соответственно. Большое значение женщины придают и семейным ценностям. Материнство и воспитание детей занимают существенное место в жизни 87,3 % женщин, замужество и создание семьи — 83,4 %.

Самореализация в качестве ученого важна для 77,4 % женщин, общественная польза научного труда — для 79,7 %, общественное признание результатов своей научной деятельности — для 77,0 %. Научная карьера и наличие ученой степени представляют ценность для большинства женщин (64,2 и 57,4 % соответственно), в то время как для 29,5 % респонденток научная карьера неважна, а для 38,7 % не имеет значения наличие ученой степени. Следует отметить, что ученая степень неважна для 46,9 % женщин без ученой степени и для 21,6 % кандидаток наук. При этом для всех докторов наук она важна.

Исходя из описанных выше ценностных ориентаций, а также применяя методы кластерного анализа и попарного сравнительного анализа с помощью непараметрического критерия Манна — Уитни, мы выделили следующие типы женщин — научных работников. Женщины первого типа характеризуются направленностью на профессиональную научную деятельность, материальную независимость и самодостаточность. Для женщин второго типа профессиональная научная деятельность и семья имеют одинаковое значение. Для исследовательниц третьего типа особо важны семья, общественная активность и польза, признание результатов своей научной деятельности, а также материальная независимость и самодостаточность. Женщины четвертого типа отличаются преимущественной направленностью на семью, пятого типа — на общественную активность. В НАН Беларуси доминирующее большинство женщин-исследовательниц (41,8 %) относятся ко второму типу.

Заключение

Таким образом, изучение социального самочувствия женщин является важным и актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Теоретическая значимость заключается в приращении знаний в области разработки показателей и эмпирических индикаторов социального самочувствия женщин-исследовательниц с учетом специфики их профессиональной деятельности и выполняемых ими гендерных ролей. Практическая значимость состоит в получении информации об уровне социального самочувствия женщин. Уровень социального самочувствия белорусских женщин-исследовательниц можно охарактеризовать как достаточно высокий. Женщины оптимистически относятся к жизни, испытывают к ней интерес. Они ощущают себя счастливыми, уверены в себе и готовы к переменам, но спокойно, без особых надежд и иллюзий смотрят в будущее. При этом у женщин отсутствует уверенность в завтрашнем дне, наибольшее беспокойство вызывает уровень заработной платы. Вместе с тем они в той или иной степени удовлетворены профессиональным, социально-экономическим и личностно-эмоциональным аспектами своей жизни.

Полученные данные позволяют определить, какой из индексов оказывает наибольшее влияние на формирование комплексного индекса социального самочувствия женщин-исследовательниц. Чем выше индекс удовлетворенности отдельным индикатором социального самочувствия, тем выше его интегральный показатель. Для поднятия общего уровня социального самочувствия необходимо не только повышение удовлетворенности женщины-ученого отдельными аспектами профессиональной деятельности, связанными с социальной защитой, материальной поддержкой и уровнем заработной платы. Обратит внимание стоит также на оценку женщинами уровня жизни как в настоящий момент, так и в ближайшей перспективе. Высокая значимость для женщин-исследовательниц семейных ценностей, готовность жертвовать в ситуации выбора своей научной деятельностью ради семьи актуализируют важность учета специфики этой деятельности. Влияние социального самочувствия на эффективность научно-исследовательской работы женщин обуславливает необходимость его улучшения.

Библиографический список

- Антонова Т. А.* Женщины в составе исследователей Республики Беларусь: статистический анализ по итогам 2013 года // Социология науки и технологий. 2014. № 4. С. 141—153.
- Асланова О. А.* Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59—63.
- Грачев А. А., Русалинова А. А.* Социальное самочувствие человека в организации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 30. С. 7—17.
- Дежина И. Г.* Положение женщин-исследователей в российской науке и роль фондов. М.: ТЕИС, 2003. 156 с.
- Козырева П. М.* Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2002. 176 с.
- Колесникова О. Н., Артюхина В. А.* Безопасность и социальное самочувствие населения // Вестник алтайской науки. 2013. № 3. С. 312—315.
- Крупец Я. Н.* Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143—144.
- Лонг Дж. С.* Различия в научной продуктивности в зависимости от пола // Общественные науки за рубежом: реферативный журнал. Сер. 8, Науковедение. 1991. № 4. С. 169—172.
- Макдауэлл Дж. М.* Зависимость профессиональной ориентации женщин-ученых от возможного перерыва в академической карьере // Общественные науки за рубежом: реферативный журнал. Сер. 8, Науковедение. 1983. № 6. С. 176—179.
- Михайлова Л. И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45—50.
- Пушкарева Н. Л.* Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1, № 1. С. 15—27.
- Рескин Б. Ф.* Научная продуктивность, пол и положение в науке // Общественные науки за рубежом: реферативный журнал. Сер. 8, Науковедение. 1979. № 4. С. 178—179.
- Соннерт Г., Холтон Г.* Особенности карьеры женщин и мужчин в науке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 8, Науковедение. 1996. № 4. С. 84—91.

- Сычева С. А. Женщины в российской науке: роль и социальный статус. М.: НИИ-Природа, 2005. 116 с.
- Фреилл Л. М. Образование и профессиональная дискриминация женщин в области технических наук // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 8, Науковедение. 1998. № 3. С. 128—132.
- Чикалова И. Р. Социальная идентичность ученых-белорусок // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2006. № 3—4. С. 159—174.
- Bailyn L. Academic careers and gender equity: lessons from MIT // *Gender, Work and Organization*. 2003. Vol. 10, № 2. P. 137—153.
- Cole J., Zuckerman H. Marriage, motherhood and research performance in science // *Scientific American*. 1987. Vol. 256, № 2. P. 83—89.
- Fox M. F. Women and scientific careers // *Handbook of Science and Technology Studies* / ed. by S. Jasanoff, G. E. Markle, J. C. Petersen. London; New Delhi: Sage Publications, 1995. P. 205—223.
- Malcolm Sh. M., Hall P. Q., Brown W. J. The Double Bind: the Price of Being a Minority Woman in Science. Washington (DC): AAAS Publication, 1976. 79 p.

References

- Antonova, T. A. (2014) Zhenshchiny v sostave issledovatelei Respubliki Belarus': statisticheskiy analiz po itogam 2013 goda [Women among researchers of the Republic of Belarus: statistical analysis for 2013], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, no. 4, pp. 141—153.
- Aslanova, O. A. (2012) Sotsial'noe samochuvstvie: izmeritel'nyy instrumentarii, pokazateli i sotsial'nye kriterii [Social well-being: measuring instruments, indicators and social criteria], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 59—63.
- Bailyn, L. (2003) Academic careers and gender equity: lessons from MIT, *Gender, Work and Organization*, vol. 10, no. 2, pp. 137—153.
- Chikalova, I. R. (2006) Sotsial'naya identichnost' uchenykh-belorusok [Social identity of Belarusian women scientists], *Perekrëstki: Zhurnal issledovaniy vostochnoevropeyskogo pogranich'ya*, no. 3—4, pp. 159—174.
- Cole, J., Zuckerman, H. (1987) Marriage, motherhood and research performance in science, *Scientific American*, vol. 256, no. 2, pp. 83—89.
- Dezhina, I. G. (2003) *Polozhenie zhenshchin-issledovatelei v rossiyskoi nauke i rol' fondov* [The status of women researchers in Russian science and the role of foundations], Moscow: TEIS.
- Fox, M. F. (1995) Women and scientific careers, in: Jasanoff, S., Markle, G. E., Petersen, J. C. (eds), *Handbook of Science and Technology Studies*, London, New Delhi: Sage Publications, pp. 205—223.
- Freill, L. M. (1998) Obrazovanie i professional'naya diskriminatsiya zhenshchin v oblasti tekhnicheskikh nauk [Education and professional discrimination of women in the field of technical sciences], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura: Referativnyy zhurnal, seriya 8, Naukovedenie*, no. 3, pp. 128—132.
- Grachev, A. A., Rusalina, A. A. (2007) Sotsial'noe samochuvstvie cheloveka v organizatsii [The social well-being of person in organization], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 30, pp. 7—17.
- Kolesnikova, O. N., Artiukhina, V. A. (2013) Bezopasnost' i sotsial'noe samochuvstvie naseleniya [Safety and social well-being of the population], *Vestnik altaiskoi nauki*, no. 3, pp. 312—315.

- Kozyreva, P. M. (2002) *Tolerantnost' i dinamika sotsial'nogo samochuvstviia v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Tolerance and dynamics of social well-being in modern Russian society], Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennosteĭ.
- Krupets, Ia. N. (2003) Sotsial'noe samochuvstvie kak integral'nyĭ pokazatel' adaptirovannosti [Social health as an integral indicator of adaptation], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 143—144.
- Long, Dzh. S. (1991) Razlichiiia v nauchnoĭ produktivnosti v zavisimosti ot pola [Differences in scientific productivity depending on sex], *Obshchestvennye nauki za rubezhom: Referativnyĭ zhurnal, seriiia 8, Naukovedenie*, no. 4, pp. 169—172.
- Makdaueĭl, Dzh. M. (1983) Zavisimost' professional'noĭ orientatsii zhenshchin-uchenykh ot vozmozhnogo pereryva v akademicheskoi kar'ere [Dependence of professional orientation of women scientists on a possible break in the academic career], *Obshchestvennye nauki za rubezhom: Referativnyĭ zhurnal, seriiia 8, Naukovedenie*, no. 6, pp. 176—179.
- Malcolm, Sh. M., Hall, P. Q., Brown, W. J. (1976) *The Double Bind: The Price of Being a Minority Woman in Science*, Washington, DC: AAAS Publication.
- Mikhaĭlova, L. I. (2010) Sotsial'noe samochuvstvie i vospriatie budushchego rossiianami [Social well-being and perception of the future by Russians], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 45—50.
- Pushkareva, N. L. (2014) Obshchaia liniia zhizni i reprezentatsiia uspešnosti v avtobiografiakh i avtobiograficheskikh interv'iu zhenshchin-uchenykh [The general line of life and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists], *Tractus aevorum: evoliutsiia sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv*, vol. 1, no. 1, pp. 15—27.
- Reskin, B. F. (1979) Nauchnaia produktivnost', pol i polozhenie v nauke [Scientific productivity, gender and position in science], *Obshchestvennye nauki za rubezhom: Referativnyĭ zhurnal, seriiia 8, Naukovedenie*, no. 4, pp. 178—179.
- Sonnert, G., Kholton, G. (1996) Osobennosti kar'ery zhenshchin i mužhchin v nauke [Features of career of women and men in science], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura: Referativnyĭ zhurnal, seriiia 8, Naukovedenie*, no. 4, pp. 84—91.
- Sycheva, S. A. (2005) *Zhenshchiny v rossiiskoi nauke: rol' i sotsial'nyĭ status* [Women in Russian science: role and social status], Moscow: NIA-Priroda.

Статья поступила 13.04.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Соловей Алеся Петровна — научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь, alesya-solovei@mail.ru (Research Fellow, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 40—51
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.4

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 40—51
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.4

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ю. С. Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет,
г. Ульяновск, Россия, judy54@yandex.ru

Исследуется проблема вовлеченности женщин в предпринимательство в современной России. Основное внимание уделяется комплексной оценке предпринимательской активности наших соотечественниц и анализу их мотивации при создании собственного бизнеса. В процессе изучения проблемы использовались результаты отчета по проекту глобального мониторинга предпринимательства, а также соответствующего национального отчета за 2016 г. Сделаны выводы о высоком уровне активности женщин и о преобладании среди них добровольных предпринимательниц. Приведены оценки численности женщин, включенных в бизнес. Показано, что в России соотношение женской и мужской предпринимательской активности на ранних стадиях создания бизнеса значительно выше аналогичного показателя в США и крупнейших странах Европейского союза. Приведены мероприятия по развитию женского предпринимательства в России на перспективу.

Ключевые слова: женское предпринимательство, малый и средний бизнес, ранняя предпринимательская активность, мотивация, вынужденные предприниматели, добровольные предприниматели.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF WOMEN IN THE MODERN ECONOMY

Yu. S. Pinkovetskaya

Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russian Federation, judy54@yandex.ru

The problem of women's involvement in entrepreneurship in modern Russia is investigated. The main attention is paid to a comprehensive assessment of the entrepreneurial activity of our compatriots and the analysis of their motivation when creating their own business. In the process of studying this problem, the author used the results of the report on the global entrepreneurship monitoring project, as well as the corresponding national report for 2016.

Conclusions are drawn about the high level of women activity and the prevalence of voluntary entrepreneurs among women in comparison with those who do business out of necessity. Estimates of the women number included in business are given. It is shown that the ratio of female and male entrepreneurial activity in the early stages in Russia is much higher than in the USA and the largest economies of the European Union. Presented are the measures for the development of women's entrepreneurship in Russia in the future.

Key words: women's entrepreneurship, small and medium business, early entrepreneurial activity, motivation, forced entrepreneurs, voluntary entrepreneurs.

Введение

Предпринимательство получило развитие в Российской Федерации непосредственно после ее создания в 1992 г. Таким образом, к настоящему времени этот сектор национальной экономики существует в нашей стране немногим более 25 лет. Соответственно столько же лет и женскому предпринимательству в России. К сожалению, в первое десятилетие (до 2001 г. включительно) феномену женского предпринимательства в отечественных исследованиях оказывалось неоправданно мало внимания. Можно отметить ряд работ А. Е. Чириковой, среди которых наибольший интерес представляет монография [Чирикова, 1998]. В ней приведены интервью, которые дали автору женщины-предпринимательницы, работавшие в Москве и пяти российских регионах. В интервью были рассмотрены проблемы женского лидерства, включающие как теоретические подходы, так и эмпирические закономерности.

В период с 2002 г. по настоящее время вопросам женского предпринимательства в России исследователи стали уделять существенно больше внимания. Среди работ, опубликованных в эти годы, можно выделить следующие. В статье Л. Н. Старовой анализируются некоторые аспекты самозанятости женщин в торговле косметикой с использованием сетевого маркетинга [Старова, 2002]. В работе В. А. Морозова сделан вывод, что формирование сообщества женщин — владельниц бизнеса на начальном этапе процесса трансформации государственных предприятий и организаций основывалось на инициативе части инженерно-технической интеллигенции [Морозов, 2003]. Обзор И. В. Долгоруковой и А. Н. Колесникова посвящен особенностям женского предпринимательства [Долгорукова, Колесников, 2004]. В статье З. А. Грицаюк показано, что при наличии дискриминации женщин на рынке труда большинство предпринимательниц не видят существенных проявлений недоверия к ним со стороны представителей власти и бизнесменов-мужчин [Грицаюк, 2006]. В работе Г. Х. Гильмановой основное внимание уделено развитию женского предпринимательства в условиях Башкортостана [Гильманова, 2007]. При этом делается вывод о том, что большинство женщин начинают свой бизнес от безысходности, поскольку не могут зарабатывать другим образом. Обращается внимание на противоречие между отраслевой структурой бизнеса (в которой преобладают торговля и операции с недвижимым имуществом) и базовым высшим педагогическим или другим социально-гуманитарным образованием женщин-предпринимательниц. Особенности предпринимательства в другом регионе

(Омская область) рассмотрены в работе Е. А. Кипервар и М. А. Севеловой [Кипервар, Севелова, 2009]. В статье указывается, что среди российских предпринимателей в нулевых годах женщины составляли от 25 до 30 %. Причем в женском бизнесе преобладали предприятия с малой численностью работников. Видами экономической деятельности, наиболее активно осваиваемыми женщинами, являлись розничная торговля, общественное питание, наука и здравоохранение. Анализ сил, противодействующих женскому предпринимательству, приведен в работе Л. В. Московцевой [Московцева, 2011]. В ней же указывается, что доля женщин в бизнесе в 1997 г. составляла 18 % от общего количества предпринимателей.

Ю. С. Семенова обращает внимание на то, что среди предпринимательниц преобладают женщины среднего и зрелого возраста с высшим специальным образованием (относящиеся к группе людей, подверженных потенциальному риску безработицы) [Семенова, 2013]. При этом проявлять инициативу и самостоятельную творческую активность решаются в основном те, кто имеют значительный опыт руководящей работы либо обладают не только высокой квалификацией, но и необходимыми материальными ресурсами и связями для основания и развития своего бизнеса. В статье М. А. Полутовой демонстрируются возможности развития женского предпринимательства в постиндустриальный период, когда преобладающим видом продукции становятся не товары, а услуги [Полутова, 2015]. Итоги интервью, проведенных А. Е. Колобовой, показали большое значение предпринимательской активности для женщин старшего и среднего возраста, которые занялись предпринимательством, имея альтернативой только безработицу [Колобова, 2016]. В своем исследовании Р. Р. Галлямов доказывает, что главными мотивами женщин при организации своего бизнеса являются потребность в самореализации и желание иметь высокие доходы [Галлямов, 2016]. По его мнению, они стремятся в первую очередь добиться успеха, независимости и высокого социального статуса. В статье Н. Ю. Уткиной сформулированы гендерные проблемы и социокультурные стереотипы современного предпринимательства, в том числе мешающие деловой активности женщин [Уткина, 2017]. Рассматривается особая роль семейного бизнеса в женском предпринимательстве.

В большинстве опубликованных работ была приведена информация о значительном преобладании среди владельцев предприятий мужчин и соответственно относительно низкой доле предпринимательниц-женщин в отечественной экономике. Мнения о мотивации предпринимательской активности женщин разделились. Ряд авторов считают основным мотивом безработицу, другие же говорят о преобладании стремления к самореализации и повышению своего социального статуса. Большое число научных исследований основывались на итогах локальных социологических опросов. Оценке показателей, характеризующих участие женщин в предпринимательском секторе национальной экономики, уделялось неоправданно мало внимания. Не собирались соответствующие данные и в процессе ежегодно проводимых официальных статистических наблюдений, посвященных развитию малого и среднего бизнеса в России.

Настоящая статья посвящена изучению проблемы вовлеченности женщин в предпринимательство в современной России. Основное внимание в ней уделяется

комплексной оценке предпринимательской активности женщин и анализу их мотивации при создании собственного бизнеса. В процессе изучения указанной проблемы автором использовались результаты отчета по проекту глобального мониторинга предпринимательства за 2016—2017 гг. [Global Entrepreneurship Monitor... , 2017], а также соответствующего национального отчета [Верховская и др., 2017]. Глобальный мониторинг предпринимательства является проектом по организации страновых исследований развития предпринимательства и предпринимательской активности. Указанный проект основывается на опросе взрослого трудоспособного населения (т. е. граждан в возрасте от 18 до 64 лет) с помощью специально разработанных анкет. Россия участвует в проекте с 2006 г.

Оценка предпринимательской активности женщин в России

В 2016 г. в процессе опроса взрослого трудоспособного населения были получены данные, которые характеризуют четыре основных индикатора предпринимательской активности женщин в России. Этими индикаторами являются уровень предпринимательской активности на ранних стадиях создания своего бизнеса, уровень активности устоявшихся предпринимателей, а также данные о мотивации ранних предпринимателей (удельные веса добровольных и вынужденных предпринимателей).

Уровень предпринимательской активности на стадиях становления бизнеса описывает удельный вес граждан, являющихся в момент проведения социологического опроса нарождающимися предпринимателями, которые вовлечены в создание своего бизнеса, или граждан, владеющих новым бизнесом менее 42 месяцев, в общей численности трудоспособного взрослого населения.

Уровень активности устоявшихся предпринимателей (называемый также уровнем зрелой предпринимательской активности) отражает удельный вес граждан, которые являются владельцами бизнеса, ведущими деятельность более 42 месяцев, в общей численности взрослого трудоспособного населения. Этот индикатор дает представление об устойчивости предпринимательского сектора национальной экономики. Именно устоявшиеся предприниматели обеспечивают стабильное производство продукции и оказание услуг, занятость населения, развитие инновационных продуктов и процессов.

Рассматривая мотивацию ранних предпринимателей, можно выделить их два основных типа. Первый тип — это добровольные предприниматели (предприниматели по возможности). К ним относятся взрослые трудоспособные граждане, которые используют открывающиеся возможности и стремятся получить преимущества от предпринимательской деятельности. К числу таких преимуществ относятся увеличение доходов от своего труда, получение независимости в деятельности, повышение социального статуса, возможность самореализации и творческой активности. Второй тип — это вынужденные предприниматели (предприниматели по необходимости). К ним относятся граждане, которые пытаются начать свой бизнес в связи с отсутствием других способов получения доходов. Мотивация предпринимателей влияет на предпринимательские устремления. Вынужденные предприниматели зачастую при появлении возможности

устроиться на наемную работу (с сопоставимым заработком) предпочтут перейти на нее. Соответственно бизнес, созданный такими предпринимателями, имеет низкую выживаемость. Краткосрочность деятельности приводит к меньшему желанию владельцев производить инвестиции в его развитие и рост. В этом заключается наиболее существенное различие между добровольными и вынужденными предпринимателями. Добровольные предприниматели все свои силы направляют на развитие и совершенствование бизнеса, получение от него максимального положительного эффекта. Данные проекта глобального мониторинга предпринимательства показывают, что добровольные предприниматели чаще осваивают новые рынки, создают инновационные продукты и услуги, планируют наращивание количества рабочих мест. В качестве индикаторов мотивации используются удельные веса добровольных и вынужденных предпринимателей в общей численности ранних предпринимателей.

Показатели, характеризующие предпринимательскую активность российских женщин в 2016 г., приведены в таблице 1. В ней же для сопоставления представлены соответствующие показатели по предпринимательской активности мужчин.

Таблица 1

**Значения индикаторов, характеризующих предпринимательскую активность
в 2016 г., %**

Индикатор	Женщины	Мужчины
Уровень предпринимательской активности на ранних стадиях создания бизнеса	5,7	6,9
Уровень активности устоявшихся предпринимателей	4,6	6,0
Удельный вес добровольных предпринимателей	63,1	69,2
Удельный вес вынужденных предпринимателей	31,7	29,6

В России уровень предпринимательской активности женщин — начинающих бизнесменок составлял в 2016 г. 5,7 %. Уровень активности устоявшихся предпринимательниц ниже — 4,6 %.

Представляет интерес сравнение предпринимательской активности женщин в 2016 г. с соответствующими показателями 2007 г., когда Федеральным законом от 24 июля были установлены институциональные основы малого и среднего предпринимательства в современной российской экономике [О развитии малого и среднего предпринимательства... , 2007]. Закон вступил в силу с 2008 г. В нем приведены критерии отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям), определен порядок поддержки предпринимательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Именно в 2008 г. начался современный этап развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. В 2007 г. уровень предпринимательской активности женщин на стадиях становления их бизнеса составлял всего 1,6 %, т. е. этот показатель за период 2008—2016 гг. вырос в 3,6 раза. Отмечается и существенное повышение уровня

активности устоявшихся предпринимательниц (в 2,7 раза). Относительно низкий уровень предпринимательской активности женщин — начинающих бизнесменок в предыдущие годы обусловил то, что в 2016 г. уровень активности ранних предпринимательниц превысил уровень активности устоявшихся предпринимательниц.

Исходя из официальных статистических данных о численности взрослого трудоспособного женского населения, которое в 2016 г. составляло 50,3 млн человек, можно оценить количество женщин, вовлеченных в предпринимательскую деятельность. С учетом приведенной в таблице 1 информации, предположим, что предпринимательской активностью на ранних стадиях функционирования бизнеса было охвачено около 2,9 млн женщин, а количество устоявшихся предпринимательниц составило около 2,3 млн. Соответственно общее количество женщин, вовлеченных в предпринимательство, достигало в России в 2016 г. 5,2 млн человек.

Соотношение женской и мужской предпринимательской активности на стадиях становления бизнеса в 2016 г. составляло 0,83, т. е. на 10 ранних предпринимателей — мужчин приходилось 8,3 предпринимательниц-женщин. Несколько ниже значение аналогичного показателя активности у устоявшихся предпринимателей (0,77): на 10 зрелых предпринимателей — мужчин приходилось 7,7 предпринимательниц-женщин. Сложившиеся соотношения во многом связаны с образовательным уровнем предпринимателей. Необходимо отметить две разнонаправленные закономерности, которые характеризуют профессиональную подготовку российских женщин. Высшее образование (наиболее распространенное у предпринимателей) в 2015 г. имели 27,7 % женщин, что превышало аналогичное значение у мужчин (23,4 %) [Индикаторы образования... , 2017]. Вместе с тем, как указала в своей статье О. А. Хасбулатова, большинство женщин имеют высшее гуманитарное и экономическое образование. Это обуславливает определенные трудности при создании ими предприятий, имеющих техническую и технологическую направленность [Хасбулатова, 2016].

Доля женщин в общем количестве ранних предпринимателей в 2016 г. достигала 47 %, а количестве устоявшихся предпринимателей — 44 %. Наличие тенденции увеличения доли женщин в общем числе вовлеченных в предпринимательство подтверждает сопоставление этих показателей с данными, приведенными ранее в обзоре литературы по девяностым и нулевым годам.

Рассматривая мотивацию ранних предпринимателей, можно отметить некоторое отставание доли добровольных предпринимательниц (63,1 %) по сравнению с аналогичным показателем среди мужчин (69,2 %). Вместе с тем удельный вес вынужденных предпринимательниц (31,7 %) достаточно близок этому показателю среди мужчин (29,6 %). Количество вынужденных предпринимательниц, как показывает расчет, достигало в 2016 г. 0,9 млн человек. Сравнивая это значение с официальными данными по безработице среди женщин (1,9 млн) [Женщины и мужчины России... , 2016], можно сделать важный вывод, что почти половина безработных проявляли интерес к предпринимательству, в том числе на основе самозанятости. Существенную роль при этом сыграли программы, направленные на субсидирование занятости в регионах.

Сравнение уровней предпринимательской активности женщин в России и зарубежных странах

Большой интерес представляет сопоставление показателей ранней предпринимательской активности в России и ряде наиболее крупных экономик мира (табл. 2).

Таблица 2

Показатели ранней предпринимательской активности в 2016 г.

Страна	Уровень ранней предпринимательской активности женщин, %	Соотношение уровня ранней предпринимательской активности женщин и мужчин	Удельный вес добровольных предпринимательниц, %	Удельный вес вынужденных предпринимательниц, %	Индекс мотивации
Россия	5,7	0,83	63,1	31,7	2,0
США	10,5	0,71	86,9	12,0	7,2
Англия	5,6	0,47	80,6	14,1	5,7
Германия	3,1	0,52	77,6	21,9	3,5
Франция	3,4	0,47	88,3	11,7	7,5
Италия	3,3	0,59	91,3	5,9	15,5
Китай	8,6	0,73	68,4	30,3	2,3
Индия	7,6	0,56	61,6	33,1	1,9
Бразилия	19,9	1,04	51,9	47,7	1,1

Сравнение данных, приведенных в таблице 2, показывает, что по уровню ранней предпринимательской активности женщин в 2016 г. Россия существенно превосходила такие европейские страны, как Германия, Италия, Франция. Вместе с тем значение этого показателя в Российской Федерации было немногим ниже его значения в таких странах, как Китай, Индия. Очень высокие показатели ранней предпринимательской активности отмечались в Бразилии и США.

Соотношение уровней ранней предпринимательской активности женщин и мужчин в России в 2016 г. было существенно выше, чем в абсолютном большинстве зарубежных стран, приведенных в таблице. При этом указанное соотношение в Италии, Франции, Германии, Англии и Индии почти в полтора раза меньше, чем в нашей стране. Только в Бразилии уровень ранней предпринимательской активности женщин превышает соответствующий показатель для мужчин.

В России удельный вес женщин, которые относятся к ранним добровольным предпринимательницам, был выше по сравнению с аналогичным показателем в таких странах, как Индия, Бразилия и Китай. В то же время в США, Италии, Англии, Германии, Франции он существенно выше, чем в России (на 14 п. п. и более). Соответственно в этих странах по сравнению с Россией значительно ниже уровень вынужденного предпринимательства.

В качестве одного из показателей, характеризующих предпринимательство, используется индекс мотивации (табл. 2). Он представляет собой соотношение значений добровольной и вынужденной предпринимательской активности

в стране. Большое значение этого соотношения характерно для Италии (15,5), что обусловлено такими факторами, как трудности карьерного роста женщин, имеющих высшее образование, а также наличие значительного количества вакантных наемных рабочих мест. Поэтому раннее предпринимательство в Италии характерно для женщин, стремящихся к нему на добровольной основе, в то время как те, кто нуждаются в трудоустройстве, имеют возможность заполнять вакантные рабочие места в экономике [Mari et al., 2014; Rinaldi, Tagliacucchi, 2017]. В экономически развитых странах указанное соотношение принимает значения от 3,5 до 7,5. В России, Индии и Китае соотношение добровольной и вынужденной предпринимательской активности женщин около 2. Существенно ниже оно в Бразилии (1,1). Это, как и высокий показатель уровня ранней предпринимательской активности женщин в Бразилии, на наш взгляд, обусловлено небольшим количеством вакансий для женщин в сфере наемного труда [The World Bank... , 2017].

Заключение

Проведенный анализ уровня женской предпринимательской активности позволил сделать следующие выводы:

- женское предпринимательство в России получило наибольшее развитие в последние десять лет;
- в 2016 г. уровень предпринимательской активности женщин на ранних стадиях создания бизнеса в России превышал аналогичные показатели в таких экономически развитых европейских странах, как Германия, Италия, Франция;
- доля женщин в общем количестве начинающих собственный бизнес достигала 47 %;
- общее количество женщин, вовлеченных в предпринимательство, достигало в России 5,2 млн человек;
- соотношение женской и мужской предпринимательской активности на стадиях становления бизнеса в России значительно выше аналогичных показателей по США и крупнейшим экономикам Европейского союза;
- добровольных предпринимательниц — женщин в 2016 г. было почти в два раза больше, чем вынужденных.

Дальнейшее развитие женского предпринимательства в нашей стране определяются двумя стратегическими документами, утвержденными Правительством РФ, — распоряжениями «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» и «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы».

Первая из стратегий предусматривает снижение административных барьеров, повышение доступности финансирования, оказание информационной, правовой, технологической и других видов поддержки, стимулирование спроса на продукцию малых и средних предприятий [Стратегия развития... , 2016].

Вторая стратегия включает мероприятия по повышению предпринимательской активности женщин [Национальная стратегия... , 2018]:

- создание условий для получения женщинами профессионального образования в наиболее передовых областях экономики;
- расширение возможностей женщин в сфере малого и среднего предпринимательства, а также обеспечение участия женщин в развитии объектов инфраструктуры социального предпринимательства;
- профессиональное обучение и дополнительное образование женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, женщин, нуждающихся в повышении квалификации и переподготовке в связи с необходимостью формирования актуальных компетенций и квалификаций, а также безработных женщин;
- создание и развитие поддержки самозанятости, в том числе на основе ресурсных центров социально ориентированных некоммерческих организаций и центров инноваций социальной сферы;
- создание специализированных форм грантовой поддержки и проведение профессиональных конкурсов в целях стимулирования участия женщин в высокотехнологичных отраслях и инновационной деятельности;
- проведение конкурсов деловых и социально активных женщин в субъектах России.

Реализация мероприятий должна объединить усилия федеральных, региональных органов власти, общественных организаций по созданию условий для обеспечения возможностей участия женщин в предпринимательской деятельности и решения задач увеличения доходов, обретения независимости, развития самореализации и творческой активности.

Библиографический список

- Верховская О. Р., Александрова Е. А., Богатырева К. А., Джелепова М. В., Шмелева Э. В.* Глобальный мониторинг предпринимательства: Россия, 2016—2017. СПб.: Высш. шк. менеджмента СПбГУ, 2017. 66 с.
- Галлямов Р. Р.* Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3. С. 56—67.
- Гильманова Г. Х.* Региональные особенности развития женского предпринимательства в российском обществе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9. С. 31—36.
- Грицаюк З. А.* Дискриминация женщин в реальном секторе экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2006. № 1. С. 161—170.
- Долгорукова И. В., Колесников А. Н.* Возможность самовыражения женщины в малом бизнесе // Российское предпринимательство. 2004. № 3. С. 3—8.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник. М.: Росстат, 2016. 208 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc_2016/women16.pdf (дата обращения: 10.04.2018).
- Индикаторы образования, 2017: статистический сборник. М.: Высш. шк. экономики, 2017. 320 с.
- Кипервар Е. А., Севелова М. А.* Женское предпринимательство: особенности и перспективы развития в регионах: (на примере Омской области) // Омский научный вестник. 2009. № 2. С. 96—99.
- Колобова А. Е.* Женщины-предпринимательницы среднего и старшего возраста: штрихи к портрету // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 51—59.

- Морозов В. А. С надеждой на женщин: женское предпринимательство как основа развития малого бизнеса // Российское предпринимательство. 2003. № 3. С. 3—10.
- Московцева Л. В. Социально-экономические условия женского предпринимательства в российском малом и среднем бизнесе // Финансы. Экономика. Стратегия. 2011. № 8. С. 12—14.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 14.03.2018 г. № 420-р. 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/ (дата обращения: 10.04.2018).
- О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ. 2007. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 10.04.2018).
- Полутова М. А. Специфика генезиса женского предпринимательства в постиндустриальный период // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12-4. С. 53—55.
- Семенова Ю. А. О социальном механизме оптимизации женского предпринимательства // Известия Саратовского университета: новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2013. Т. 13, № 1. С. 33—35.
- Старова Л. Н. Женщины и бизнес в XXI веке // Российское предпринимательство. 2002. № 3. С. 73—78.
- Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 24. Ст. 3549.
- Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 17—27.
- Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
- Чирикова А. Е. Женщина во главе фирмы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. 358 с.
- Global Entrepreneurship Monitor 2016—2017: report. S. l.: Global Entrepreneurship Research Association, 2017. 180 p.
- Mari M., Poggesi S., De Vita L. Italian women entrepreneurs: an empirical investigation // 28 Annual Conference of the British Academy of Management, September 9—11, 2014. Belfast: BAM, 2014. 31 p.
- Rinaldi A., Tagliazucchi G. Women entrepreneurs in Italy: a prosopographic study // Transformation in Business and Society: a Historical Approach: European Business History Association 21 Annual Congress, 24 to 26 August 2017. Vienna: Vienna University of Economics and Business, 2017. 22 p.
- The World Bank, 2017: Labor Force, Female (% of Total Labor Force). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS> (дата обращения: 10.04.2018).

References

- Chirikova, A. E. (1998) *Zhenshchina vo glave firmy* [Woman headed the firm], Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Dolgorukova, I. V., Kolesnikov, A. N. (2004) *Vozmozhnost' samovyrazheniia zhenshchiny v malom biznese* [The possibility of self-expression of women in small business], *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, no. 3, pp. 3—8.
- Galliamov, R. R. (2016) *Osobennosti zhenskogo predprinimatel'stva v sovremennoi Rossii* [Female entrepreneurship features in modern Russia], *Ėkonomika i upravlenie: Nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 3, pp. 56—67.

- Gil'manova, G. Kh. (2007) Regional'nye osobennosti razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v rossiiskom obshchestve [Regional peculiarities of the women's entrepreneurship development in Russian society], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9, pp. 31—36.
- Global Entrepreneurship Monitor 2016—2017* (2017), s. 1: Global Entrepreneurship Research Association.
- Gritsaiuk, Z. A. (2006) Diskriminatsiia zhenshchin v real'nom sektore ekonomiki [Discrimination in the real sector of the economy], *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 161—170.
- Indikatoriy obrazovaniia, 2017: Statisticheskiĭ sbornik* (2017) [Indicators of education: Statistics digest], Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Kipervar, E. A., Sevelova, M. A. (2009) Zhenskoe predprinimatel'stvo: osobennosti i perspektivy razvitiia v regionakh: (Na primere Omskoĭ oblasti) [Women's entrepreneurship: characteristics and prospects of development in the regions: (For example Omsk region)], *Omskiĭ nauchnyiĭ vestnik*, no. 2, pp. 96—99.
- Kolobova, A. E. (2016) Zhenshchiny-predprinimatel'nitsy srednego i starshego vozrasta: shtriki k portretu [Middle-aged and older business woman: strokes to the portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—59.
- Mari, M., Poggesi, S., De Vita, L. (2014) Italian women entrepreneurs: an empirical investigation, *28 Annual Conference of the British Academy of Management, September 9—11, 2014*, Belfast: BAM.
- Morozov, V. A. (2003) S nadezhdoĭ na zhenshchin: zhenskoe predprinimatel'stvo kak osnova razvitiia malogo biznesa [With hope for women: women's entrepreneurship as the basis for the development of small business], *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, no. 3, pp. 3—10.
- Moskovtseva, L. V. (2011) Sotsial'no-ekonomicheskie usloviia zhenskogo predprinimatel'stva v rossiiskom malom i srednem biznese [Socio-economic conditions of women's entrepreneurship in Russia's small and medium business], *Finansy. Ekonomika. Strategiia*, no. 8, pp. 12—14.
- Polutova, M. A. (2015) Spetsifika genezisa zhenskogo predprinimatel'stva v postindustrial'nyiĭ period [Specificity of female entrepreneurship genesis in the postindustrial period], *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire*, no. 12-4, pp. 53—55.
- Rinaldi, A., Tagliazucchi, G. (2017) Women entrepreneurs in Italy: a prosopographic study, *Transformation in Business and Society: A Historical Approach*: European Business History Association 21 Annual Congress, 24 to 26 August 2017, Vienna: Vienna University of Economics and Business.
- Semenova, Iu. A. (2013) O sotsial'nom mekhanizme optimizatsii zhenskogo predprinimatel'stva [On social femal entrepreneurship optimization mechanism], *Izvestiia Saratovskogo universiteta: Novaia seriia, seriia: Sotsiologiia. Politologiia*, vol. 1, no. 13, pp. 33—35.
- Starova, L. N. (2002) Zhenshchiny i biznes v XXI veke [Women and business in the twenty-first century], *Russian entrepreneurship*, no. 3, pp. 73—78.
- The World Bank, 2017: Labor Force, Female (% of Total Labor Force) (2017), available from <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS> (accessed 10.04.2018).
- Utkina, N. Iu. (2017) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Objective and subjective factors of women's entrepreneurship development in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—27.

-
- Verkhovskaia, O. R., Aleksandrova, E. A., Bogatyreva, K. A., Dzhelepova, M. V., Shmeleva, È. V. (2017) *Global'nyĭ monitoring predprinimatel'stva: Rossiia, 2016—2017* [Global entrepreneurship monitoring: Russia, 2016—2017], St. Petersburg: Vysshiaia shkola menedzhmenta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016*: Statisticheskiĭ sbornik (2016) [Women and men of Russia, 2016: Statistics digest], Moscow: Rosstat, available from http://www.gks.ru/free_doc_2016/women16.pdf (accessed 10.04.2018).

Статья поступила 16.04.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Пиньковецкая Юлия Семеновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия, judy54@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economic Analysis and State Management, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 52—63
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.5

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 52—63
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.5

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНАХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

С. Л. Таланов, А. А. Гаджибабаева

Ярославский государственный педагогический университет,
г. Ярославль, Россия, talanov_sergei@mail.ru

Анализируется отношение студентов к предпринимательской деятельности. Установлено, что только каждый пятый респондент хотел бы при определенных условиях посвятить свою жизнь предпринимательству. В результате исследования выявлен гендерный дисбаланс. Значительная часть девушек к бизнесменам относятся позитивно. Они допускают, что лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, нарушают закон, но считают это вынужденной реакцией людей на несовершенство законодательства в соответствующей сфере. Юноши оценивают предпринимателей как людей, стремящихся любой ценой обогатиться (не платить налоги и т. п.), а не как людей, которые стараются сделать что-то полезное для страны и общества. Кроме того, чем старше юноши, тем более индифферентно они относятся к предпринимателям. Для девушек характерна другая закономерность: чем они старше, тем более положительно относятся к лицам, занимающимся мелким и средним бизнесом. При этом у юношей патерналистские позиции выражены сильнее, чем у девушек. Предлагаются мероприятия по стимулированию интереса студентов к предпринимательству, а также по повышению финансовой грамотности обучающихся.

Ключевые слова: экономическая социализация, экономические роли, экономическое поведение, экономическая идентичность, жизненные планы, студенты, вузы.

ENTREPRENEURSHIP IN LIFE PLANS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOLS: GENDER DIFFERENCES

S. L. Talanov, A. A. Gadzhibabaeva

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation,
talanov_sergei@mail.ru

The attitude of students to entrepreneurship is analyzed. It is established that only one person out of five would like to devote his life to entrepreneurship under certain conditions. The study revealed a gender imbalance. In particular, a significant part of female students refers to entrepreneurship positively. Such an attitude is formed in spite of the fact that the female students admit that persons engaged in entrepreneurial activity might violate the law.

Such a violation is explained as a reaction of normal people to the imperfection of legislation in the field of entrepreneurship. Young male students consider the entrepreneurs as people who are striving to enrich themselves in every way (not to pay taxes, etc.), and not as people who are trying to do something useful for the country and people. Moreover, the older the male students are, the more indifferent they are to entrepreneurs. A different pattern can be applied to the girls. Namely, the older the female students are, the more positively they relate to individuals engaged in small and medium-sized businesses. At the same time, paternalistic position is more characteristic of male students. Activities to stimulate students' interest to entrepreneurship are proposed, as well as the measures to increase students' financial literacy.

Key words: economic socialization, economic roles, economic behavior, economic identity, life plans, students, universities.

Актуальность исследования

В условиях постоянного совершенствования технологии и автоматизации производства все большее число граждан вынуждены беспокоиться за свое будущее. Проблема усложняется тем, что рост технологической безработицы происходит в условиях роста циклической безработицы и масштабов международной трудовой миграции (снижение цены на рабочую силу). С целью уменьшения налоговой нагрузки на бюджет (сокращение выплат пособий и т. п.), повышения собираемости налогов (создание новых рабочих мест), сглаживания социальных потрясений, повышения качества и уровня жизни населения, а также создания условий для полной самореализации личности Правительство РФ разрабатывает федеральные программы поддержки малого и среднего предпринимательства. В свою очередь, региональные власти создают аналогичные программы по поддержке предпринимательства в субъектах РФ. Как справедливо отмечают эксперты, значительной части населения, в том числе и студенческой молодежи, присущи финансовая безграмотность, установка на кратковременное планирование и патерналистские позиции [Кудашов, Таланов, 2016].

Учитывая перечисленное выше, мы предприняли попытку изучить, какое место занимает предпринимательство в жизненных планах студентов, а также насколько учебные дисциплины, преподаваемые в вузах, способствуют формированию необходимых экономических знаний у обучающихся и повышению у них интереса к предпринимательской деятельности.

Эмпирическая база исследования

В 2016 г. осуществлен опрос студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославского филиала Российского университета транспорта. Выборка квотная. Выборочная совокупность $n = 756$. Переменные квотирования — пол (318 юношей, 438 девушек), возраст, вуз. Проведены биографические интервью со студентами, которые занимаются или занимались предпринимательской деятельностью, $n = 12$, а также опрос экспертов, $n = 10$.

Вторичный анализ сделан на основе результатов исследований, осуществленных Институтом социологии РАН (г. Москва), Институтом развития

стратегических инициатив (г. Ярославль) и Всероссийским центром изучения общественного мнения.

Гипотезы исследования

1. Значительная часть студенток-девушек относятся к предпринимателям позитивно, что является следствием их представлений о бизнесменах как о людях с высокой самооценкой, целеустремленных, открытых всему новому, умеющих строить долгосрочные планы.

2. Студенты-юноши оценивают предпринимателей как людей, стремящихся любой ценой обогатиться (не платить налоги и т. п.), а не как людей, которые стараются сделать что-то полезное для страны и общества.

3. Вузы не способствуют получению студентами знаний, умений и навыков, необходимых для предпринимательской деятельности.

4. Значительная часть студентов полагают, что перспектив для развития предпринимательства не существует: государство в лице правительства только делает вид, что поддерживает малый и средний бизнес.

5. Студенты-юноши, не планируют заниматься предпринимательской деятельностью, так как считают данную сферу рискованной, а студентки-девушки не стремятся к этому из-за отсутствия необходимых экономических знаний, умений, навыков.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, какими характеристиками наши респонденты надеются лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики, присущие лицам,
занимающимся предпринимательской деятельностью, % (n = 756)

Характеристика	Юноши	Девушки
Готовность к риску, авантюризм	79	38
Умение обманывать и наживаться на доверчивости и безграмотности других людей	65	23
Высокая самооценка	62	73
Открытость всему новому	56	83
Умение отстаивать свои интересы	53	78
Умение осуществлять долгосрочное планирование	48	88
Коммуникабельность	37	46
Ответственность	23	33
Другие характеристики	6	5

Примечание. Вопрос множественный.

Значительная часть девушек отметили, что предприниматели — это целеустремленные люди с высокой самооценкой, которые открыты всему новому, умеют строить долгосрочные планы. Большая часть юношей полагают, что предприниматели — это авантюристы, пользующиеся доверчивостью людей, чтобы быстрым способом обогатиться.

По мнению П. Бурдьё, люди формируют свои ожидания с учетом своих возможностей. Например, занятие бизнесом предполагает наличие какого-либо капитала у родителей. Человек, который растет в семье бизнесмена, готовит себя к предпринимательской деятельности (см.: [Современная социальная теория, 1995: 31]). По этой причине мы решили выяснить, у какого количества студентов есть родители, занимающиеся бизнесом. «Социальное поле», по П. Бурдьё, это среда, в которой осуществляются социальные отношения, т. е. ее составляют не только родители, но и братья, сестры, друзья. Поэтому нас интересовало, занимаются ли братья и сестры респондентов бизнесом, а также сколько знакомых предпринимателей у студентов среди близких друзей (табл. 2).

Таблица 2

Ответ на вопрос «Много ли среди ваших родных, друзей и знакомых предпринимателей?», % (n = 756)

Предпринимательской деятельностью занимается	Юноши	Девушки
Мама	6	8
Папа	8	13
Брат	7	12
Сестра	–	8
Друг	11	14
Подруга	5	–
Нет родных, друзей и знакомых среди предпринимателей	63	45

Как видно из таблицы, в Ярославле небольшой процент студентов, у которых родители являются предпринимателями.

В рамках опроса мы установили, что девушки, у которых мать занимается предпринимательской деятельностью, планируют после окончания вуза иметь свой бизнес. Юноши, у которых предпринимателем является отец, желают заниматься аналогичной деятельностью. Данные подтверждают выводы П. Бурдьё о том, что люди формируют свои ожидания с учетом своих возможностей. Поэтому неудивительно, что предпринимательской деятельностью хотят заниматься те студенты, у которых есть экономический капитал (собственность, бизнес, деньги родителей). Кроме того, проведенные ранее исследования доказывают, что состоятельные родители предпочитают, чтобы их дети учились за границей либо в Москве и Санкт-Петербурге [Таланов, 2014]. Соответственно в вузах Ярославской области не очень большой процент студентов с высоким экономическим капиталом. Если бы мы имели возможность опросить студентов московских и санкт-петербургских вузов, которые приехали учиться из Ярославской области, вероятно, получили бы иные данные.

Исследования, проведенные среди учеников школ Ярославля в 2014—2016 гг., показали, что родители даже при наличии значительного экономического капитала стремятся к тому, чтобы их дети в будущем не занимались его увеличением, а приобрели либо символический капитал, либо культурный, т. е. состоятельные родители активно работают на социальный капитал своих детей [Таланов, 2017]. Наиболее распространенной стратегией таких родителей является стратегия, направленная на приобретение некой «охранной грамоты» — статуса, позволяющего иметь связи во властных структурах или самому входить в них

и таким образом, как минимум, сохранить тот экономический капитал, который уже есть у семейной группы. Очень многие родители из состоятельных семей желали бы видеть своих детей в будущем в качестве государственных служащих. С помощью репетиторов они обеспечивают детям высокие результаты ЕГЭ, победы в олимпиадах. Это, в свою очередь, позволяет им поступить, например, в Московский университет или Высшую школу экономики, тем самым приобретает культурный капитал. Трудоустройство в Правительстве РФ или мэрии Москвы обеспечивает еще более устойчивый социальный капитал (принадлежность к высокостатусной группе).

Какая же стратегия у родителей и их детей из бедных слоев общества? В этом случае родители пытаются создать своим детям условия приобретения культурного капитала (авторитет вуза, образование). В основном родители мечтают, чтобы они получили высшее образование хоть в каком-нибудь вузе, а далее через так называемый черный вход реализовать стратегию, при которой увеличивается культурный капитал. После окончания какого-либо регионального вуза их дети поступают в магистратуру МГУ, ВШЭ или другого престижного вуза и в лучшем случае получают степень магистра.

Но одно дело стратегия родителей. А как сами студенты планируют свое будущее, хотят ли они приобретать большой экономический капитал, чем у их семьи, или мечтают о большем культурном капитале, чем у их родителей? Чтобы это понять, мы сначала попытались выяснить, как студенты относятся к предпринимателям (табл. 3).

Таблица 3

Отношение студентов к предпринимателям, % (n = 756)

Отношение	Юноши	Девушки
Негативное	65	23
Позитивное	19	62
Нейтральное	16	15

Значительная часть студенток-девушек к предпринимателям относятся позитивно. С чем данное обстоятельство связано? С потребностью все время соответствовать моде, для чего необходимо много денег? Или проблема в том, что эти девушки живут в бедных семьях и не способны в обществе потребления соответствовать стандартам успеха? Интересно, что чем старше студентки, тем более положительно они относятся к лицам, занимающимся мелким и средним бизнесом.

Далее мы выяснили у студентов, как относятся их родители к предпринимателям (табл. 4).

Таблица 4

Отношение родителей студентов к предпринимателям, % (n = 756)

Отношение	Юноши	Девушки
Негативное	65	32
Позитивное	14	21
Нейтральное	21	47

65 % юношей и 32 % девушек отметили, что их родители негативно относятся к предпринимателям, и пояснили, с чем именно это связано. С точки зрения родителей данной группы студентов, предприниматели — это лица, систематически обманывающие других людей и наживающиеся на их доверчивости и безграмотности. Студентки-девушки из несостоятельных семей указали, что их родители негативно относятся к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью. Девушки из семей среднего достатка отметили позитивное отношение родителей к предпринимателям. Такая же связь обнаружена в ответах юношей: чем беднее живет семья, тем негативнее отношение родителей к бизнесменам, и чем она состоятельнее, тем лучше данное отношение.

Мы определили также, как относятся к предпринимателям друзья наших респондентов (табл. 5).

Таблица 5

Отношение друзей студентов к предпринимателям, % (n = 756)

Отношение	Юноши	Девушки
Негативное	60	35
Позитивное	24	38
Нейтральное	16	27

60 % юношей и 35 % девушек отметили негативное отношение друзей к предпринимателям. Выявлено, что студенты-юноши из несостоятельных семей общаются преимущественно с лицами, обладающими примерно таким же экономическим капиталом (хватает только на еду, коммунальные платежи, транспортные расходы, но не на приобретение дорогих вещей, машин и квартир).

У девушек более фрагментарное представление о друзьях. Студентки относят к друзьям не только тех, кто с ними духовно близок, готов их всегда поддержать, заботится о них, имеет такие же ценности и интересы, но и тех, кто с ними поддерживает систематические контакты. (Нельзя любого мужчину считать другом только на том основании, что он периодически общается с девушкой. Для этого есть другие названия: «коллега по работе», «однокурсник», «знакомый» и т. п.) В результате такого представления о дружбе у девушек очень много «друзей», причем из разных социальных групп. Друзья девушек из обеспеченных семей очень хорошо относятся к предпринимателям, из менее обеспеченных — негативно.

Далее мы хотели бы привести данные о материальном состоянии семей наших респондентов (табл. 6).

Мы анализировали также материальное положение студентов. Результаты нашего исследования показали, что не получают стипендию и не подрабатывают 64 % юношей и 27 % девушек (живут на деньги родителей, на доходы своей второй половины). Только 10 % юношей и 18 % девушек не получают стипендию, но работают в свободное от учебы время. Значительная часть девушек указали, что пытались контролировать свои расходы, но безуспешно. В то же время девушки активно изыскивают финансовые ресурсы (финансовая помощь со стороны родителей, родственников, поклонников и т. п.). Из студентов, которые получают стипендию, 86 % юношей и 46 % девушек указали, что, даже если их по каким-либо причинам лишат стипендии, они все равно не планируют подрабатывать в свободное от учебы время.

Таблица 6

Характеристика материального положения семей студентов, % (n = 756)

Характеристика	Юноши	Девушки
Доходов семьи не хватает даже на качественное питание	2	5
Доходов семьи хватает на текущие расходы, но не хватает, чтобы покупать новую одежду	7	14
Доходов семьи хватает на текущие расходы, но не хватает, чтобы приобрести новую бытовую технику	20	21
Доходов семьи хватает на текущие расходы, но не хватает на новую автомашину	32	19
Доходов семьи хватает на текущие расходы, но не хватает, чтобы приобрести новую квартиру	29	18
Моя семья не испытывает материальных затруднений	10	23

Важно не только то, каким экономическим капиталом обладает семья того или иного студента, но и личная идентификация. Студенты, которые причислили себя к среднему классу, более позитивно относятся к предпринимателям, даже при том, что доходы их семьи ниже уровня доходов среднего класса. Кроме того, установлено, что чем более успешными позиционируют себя юноши, тем более индифферентно они относятся к предпринимателям, и чем более успешными себя считают девушки, тем лучше их отношение к бизнесменам. Определено также: чем старше студенты-юноши, тем более индифферентно они относятся к предпринимателям.

Далее мы выяснили, как понимают наши респонденты мотивацию людей, занимающихся предпринимательской деятельностью (табл. 7).

Таблица 7

Ответ на вопрос «Как вы считаете, зачем люди занимаются бизнесом?», %
(n = 756)

Ответ	Юноши	Девушки
Чтобы разбогатеть	92	89
Желают стать независимыми	77	65
Хотят самореализоваться	34	60
Привлекает не слишком жесткий график работы	30	15
Родители оставили бизнес детям или вовлекли в занятие бизнесом	14	21
Чтобы иметь возможность сделать что-то полезное для страны и людей	–	9
Это вынужденная мера (например, сократили на работе и т. п.)	6	7
Другое	5	6

Примечание. Вопрос множественный.

Респонденты считают, что основной мотив предпринимателей — желание разбогатеть. Интересно, что некоторые студенты (6 % юношей, 7 % девушек) рассматривают предпринимательство как вынужденную деятельность (сокращения, увольнения). Опрошенные пояснили, что занятие бизнесом очень рискованное дело. Кроме того, для ведения бизнеса требуются особые навыки и умения, которых, как правило, нет у большей части населения.

Мы изучали также мнение студентов относительно перспектив развития предпринимательства в РФ (табл. 8).

Таблица 8

Оценки студентов перспектив развития предпринимательства в России, % (n = 756)

Перспективы	Юноши	Девушки
Малый и средний бизнес не ведет к росту ВВП, не способствует повышению уровня и качества жизни населения. Поэтому нет смысла стимулировать его развитие	43	8
Все зависит от внешних условий (экономические санкции, военные угрозы и т. п.). Скорее всего, государство будет поддерживать ВПК	34	32
Никаких перспектив для развития предпринимательства не существует. Государство в лице правительства только делает вид, что поддерживает малый и средний бизнес. В реальности все наоборот	14	25
Малый и средний бизнес в структуре экономики РФ будет занимать больший удельный вес, чем в настоящее время, так как без предпринимательства нет развития экономики	9	35

14 % юношей и 25 % девушек не видят перспектив для развития предпринимательства. Только 9 % юношей и 35 % девушек уверены в том, что без предпринимательства невозможны рост ВВП и развитие экономики РФ.

Далее мы анализировали, получают ли студенты в рамках обучения в вузе знания, умения и навыки, необходимые для предпринимательской деятельности (табл. 9).

Таблица 9

Необходимые для предпринимательской деятельности знания, умения, навыки, получаемые студентами при обучении в вузе, % (n = 756)

Знания, навыки, умения	Юноши	Девушки
Самостоятельность, потребность в независимости	57	48
Коммуникабельность	52	43
Умение приобретать полезные связи	41	62
Деловитость (способность рационально воплощать в жизнь собственную трудовую деятельность)	24	27
Умение быстро осваивать новый вид деятельности	20	16
Умение осуществлять долгосрочное личное финансовое планирование	13	9
Расчетливость (умение адекватно оценивать риски)	10	13
Экономические знания	11	12
Предприимчивость (способность действовать в быстро меняющихся неопределенных условиях)	9	14
Бережливость	7	15

Примечание. Вопрос множественный.

К сожалению, только 11 % юношей и 12 % девушек отметили, что в рамках обучения в вузе они приобретают экономические знания. 9 % юношей и 14 % девушек указали, что получили навыки, связанные с предприимчивостью.

Мы выяснили также, кем в будущем планируют стать наши респонденты (табл. 10).

Таблица 10

Ответ на вопрос «Кем бы вы хотели стать в будущем?», % (n = 756)

Ответ	Юноши	Девушки
Наемным работником	86	80
Предпринимателем	9	14
Не решил(а)	5	6

Из ответов респондентов видно, что заниматься предпринимательской деятельностью в основном планируют те, у кого бизнесменами являются родители или родственники. 21 % юношей и 20 % девушек пояснили: если бы были созданы комфортные условия для развития малого и среднего бизнеса в стране (дешевые кредиты, меньше административных барьеров и т. п.), то они стали бы заниматься предпринимательской деятельностью.

Затем мы опрашивали лиц, которые не собираются иметь свой бизнес. Нас интересовало, почему они не планируют заниматься предпринимательской деятельностью (табл. 11).

Таблица 11

Ответ на вопрос «Почему вы не хотите заниматься предпринимательской деятельностью?», % (n = 756)

Ответ	Юноши	Девушки
Отсутствуют необходимые знания, умения и навыки	89	88
Нет необходимых связей	86	39
Нет стартового капитала, сложности при получении кредита	84	80
Предпринимательская деятельность очень рискованная, нет гарантий в стабильности доходов, накоплений, пенсии и т. п.	79	38
Пугают большие налоги и сложности при их оплате	41	51
Нет поддержки со стороны муниципальных властей	38	40
В нашей стране в принципе нет перспектив для развития предпринимательства	14	25
Другое	6	7

Примечание. Вопрос множественный.

79 % юношей и 38 % девушек считают, что предпринимательская деятельность очень рискованная по своей сути и соответственно не подходит для стабильной и комфортной жизни.

Мы анализировали также, что именно необходимо сделать, с точки зрения самих студентов, чтобы изменить отношение общества и государства к предпринимателям (табл. 12).

Таблица 12

Ответ на вопрос «Что необходимо сделать, чтобы изменить к лучшему отношение общества и государства к предпринимательству?», % (n = 756)

Ответ	Юноши	Девушки
Необходимо повысить финансовую грамотность населения	83	80
Предприниматели должны вовремя и в полном объеме платить налоги в бюджет	67	25
Предпринимателям необходимо нести социальную нагрузку (заниматься благотворительностью)	65	23
Следует улучшить законодательную базу в сфере предпринимательства	60	44
Нужно уменьшить административные барьеры	59	69
Надо через СМИ популяризировать образ бизнесмена	44	51
Все вышеперечисленное	38	44
Другое	6	8

Примечание. Вопрос множественный.

Далее нам бы хотелось привести некоторые высказывания из биографических интервью студентов:

Я стал заниматься бизнесом совершенно случайно. Мой отец занимался предпринимательской деятельностью. Когда он неожиданно умер после непродолжительной болезни, бизнес возглавил мой старший брат. Это был самый тяжелый год в моей жизни... через несколько месяцев мой старший брат погиб в ДТП. Несмотря на то что я учился на дневном отделении в ЯГПУ, я возглавил семейный бизнес. А именно возглавил кафе по продаже роллов и суши. Не прошло и года, как мне пришлось продать машину БМВ, доставшуюся мне в наследство, а затем продать и кафе. Я разорился, потому что мне не хватило экономических знаний и опыта (Олег, 22 года, студент 4-го курса);

Я рано вышла замуж. Как только меня зачислили на первый курс очной формы обучения, Владимир мне сделал предложение. Вова меня старше на 13 лет, уже был в браке, и от первого брака у него был сын Андрей. Владимир занимался продажей автозапчастей. Несмотря на то что мои родители были против нашего брака, мы все равно поженились. Потом, как выяснилось, Вова мне периодически изменял, кроме того, периодически употреблял спиртное и все время ревновал. В результате мы развелись. Я решила доказать своим родителям и бывшему мужу, что я могу быть финансово независимой. По этой причине я зарегистрировалась в качестве индивидуального предпринимателя и стала продавать автозапчасти. Правда, пришлось перевестись на заочную форму обучения (Елена, 22 года, студентка 4-го курса).

Данные высказывания показывают, что решение о занятии предпринимательской деятельностью в той или иной мере связано с экономическим капиталом (по П. Бурдье).

В рамках нашего исследования было проведено интервью с экспертами с целью анализа перспектив развития предпринимательства в России. Эксперты пояснили: *Необходимо, чтобы главным заказчиком для вузов было не Правительство РФ, а бизнес-структуры. Вузы должны быть подстроены не под конкретные*

отрасли экономики, как в СССР. В современных условиях важно объединять вузы не по профилю, а по задачам кластеров, которые формируются в стране. Кроме того, во многих вузах на государственном экзамене и защите ВКР присутствуют преподаватели данного же вуза, пусть даже всего лишь в пропорции 50 %, это в любом случае неправильно. Необходимо, чтобы оценивали подготовку студентов только работодатели.

Заключение

В результате исследования выявлен гендерный дисбаланс. Значительная часть студенток к предпринимателям относятся позитивно. Они допускают, что лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, нарушают закон, но считают это вынужденной реакцией людей на несовершенство законодательства в сфере предпринимательства. Юноши оценивают предпринимателей как людей, стремящихся любой ценой обогатиться (не платить налоги и т. п.), а не как людей, которые стараются сделать что-то полезное для страны и общества.

Установлено, что значительная часть студентов ориентированы на работу по найму. Только каждый пятый из них хотел бы посвятить свою жизнь предпринимательству, и то лишь в случае если в стране будут созданы определенные комфортные условия для развития малого и среднего бизнеса (дешевые кредиты, меньше административных барьеров, совершенное законодательство в сфере предпринимательства и т. п.). У большинства студентов нет навыков личного финансового планирования, низкий уровень финансовой дисциплины. У юношей в большей степени, чем у девушек, развиты патерналистские позиции. Несмотря на пассивное отношение к контролю за своими финансами, девушки активно изыскивают денежные ресурсы (финансовая помощь со стороны родителей, родственников поклонников и т. п.).

В этой связи следует отметить, что при таком низком уровне финансовой грамотности студентов, прежде чем мотивировать обучающихся заняться предпринимательством, важно повысить их элементарную финансовую грамотность.

С целью усиления мотивации студентов к получению знаний, умений, навыков в сфере предпринимательства, а также для повышения общего уровня их финансовой грамотности необходимо:

— предусмотреть в учебном плане больше часов на изучение экономических дисциплин, таких как предпринимательское право, микроэкономика, мировая экономика, экономическая социология;

— организовать повышение квалификации профессорско-преподавательского состава вузов в сфере предпринимательства;

— с участием представителей банков и ряда других структур проводить научно-практические конференции и круглые столы, главной целью которых будет являться повышение финансовой грамотности студентов и преподавателей, а также пробуждение интереса к предпринимательству;

— издать учебно-методические пособия и разработать коммуникационные продукты по приоритетным направлениям в сфере финансовой грамотности и предпринимательства;

— систематически и целенаправленно проводить социологические исследования для оценки уровня финансовой грамотности студентов.

Библиографический список

- Кудашов В. Н., Таланов С. Л. Особенности экономической социализации студентов вузов // *Alma mater: (вестник высшей школы)*. 2016. № 6. С. 34—39.
- Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 119 с.
- Таланов Н. С. Настоящее и будущее в представлении учащихся школ города Ярославля // *Старт в науке*. 2017. № 1. С. 67—69.
- Таланов С. Л. Трудоустройство выпускников вузов как критерий оценки эффективности их деятельности // *Alma mater: (вестник высшей школы)*. 2014. № 3. С. 35—39.

References

- Kudashov, V. N., Talanov, S. L. (2016) Osobennosti ekonomicheskoi sotsializatsii studentov vuzov [Features of economic socialization of university students], *Alma mater: (Vestnik vyssheĭ shkoly)*, no. 6, pp. 34—39.
- Sovremennaiia sotsial'naia teoriia: Burd'ë, Giddens, Khabermas* (1995) [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas], Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.
- Talanov, N. S. (2017) Nastoiashchee i budushchee v predstavlenii uchashchikhsia shkol goroda Iaroslavl'ia [Present and future in the minds of school students in Yaroslavl], *Start v nauke*, no. 1, pp. 67—69.
- Talanov, S. L. (2014) Trudoustroĭstvo vypusknikov vuzov kak kriteriĭ otsenki éffektivnosti ikh deiatel'nosti [Employment of universities' graduates as a criterion for evaluating the effectiveness of their activities], *Alma mater: (Vestnik vyssheĭ shkoly)*, no. 3, pp. 35—39.

Статья поступила 09.01.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Таланов Сергей Львович — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль, Россия, talanov_sergei@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Political Studies, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation).

Гаджибабаева Александра Александровна — соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль, Россия, asya.vasilenko.73@mail.ru (Applicant for an academic degree of the Candidate of Sociological Sciences at the Department of Social and Political Studies, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 64—76
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 64—76
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ (На материалах социологического исследования)

О. Н. Калачикова, М. А. Груздева

Вологодский научный центр, Российская академия наук,
г. Вологда, Россия, onk82@yandex.ru

Исследуются представления мужчин и женщин о современной семье, основах брака, распределении семейных обязанностей и ролей. Анализ основан на данных мониторинговых социологических опросов по репродуктивному поведению и здоровью, проведенных в Вологодской области в 2011, 2014 и 2017 гг. Показаны трансформация института семьи, рутинизация сожительства, изменение мотивов вступления в брак. Сделан вывод о том, что женщины придерживаются более традиционных взглядов на семью, нежели мужчины. В обществе сохраняется доминирование патриархального типа семьи, однако молодые люди все чаще реализуют в семейных отношениях принцип полного равенства супругов и солидарной ответственности. Выявлено противоречие действующего стереотипа о роли и обязанностях жены в браке с реальностью: женщина, выполняющая основную часть домашней работы, все чаще становится главой семьи и добытчицей, что обуславливает ее двойную нагрузку. При этом большинство мужчин, разделяя с женами обязанность материального обеспечения семьи, не стремятся взять на себя часть «женских» дел, что способствует формированию протестных настроений, провоцирует нестабильность брака.

Ключевые слова: семья, брак, сожительство, брачно-семейные обязанности, роли супругов, гендер.

GENDER STEREOTYPES IN THE MODERN FAMILY: WOMEN AND MEN (On the basis of a sociological research)

O. N. Kalachikova, M. A. Gruzdeva

Vologda Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russian Federation, onk82@yandex.ru

Family is the main institution for the rendition of values and norms, socialization of new generations and, ultimately, it determines the face of the society. Although the traditional monogamous family retains its positions in the mass consciousness, it has been transforming steadily being affected by the changing reality. The article explores the ideas of men and women

about the modern family, the grounds of marriage, the distribution of family responsibilities and roles. The analysis is based on the results of monitoring opinion polls on reproductive behavior and health carried out by the Vologda Scientific Centre in the territory of Vologda region in 2011, 2014 and 2017. It has been assumed that the family in Russia relies on a fairly clear understanding of the role of husband and wife and their duties. Traditionally, the “wife” is the mother, the sexual partner, the homemaker, the mistress. The “husband” is the father, the sexual partner, the protector, the man, the head of the family and the breadwinner. However, in today’s reality, women acquire the role of the breadwinner and the head of the household in more than 50 % of the families. At the same time, the range of responsibilities of a wife is substantially greater than that of husbands. We observe a situation in which women combine activities of different spheres: moneyed assistance, work outside the family and ensuring the internal well-being of the family (bringing up children, taking care of the family members’ health and psychological comfort, organizing leisure, sustaining family bonds), which requires no less effort. The effect of traditional stereotypes provokes discomfort in women who make a significant contribution to the maintenance of the family. On the one hand, the stereotype gives rise to doubts about one’s own femininity, on the other — entails the depreciation of a man. Women carry out both “female” and “male” duties, and men — not only confine themselves to their own ones, but also willingly share them with women. Thus, the issue is no longer about the role, but about the contribution of the spouses to family well-being. This approach and the principle of solidarity is implemented by the majority of the young families interviewed, allowing us to hope that a compromise between “male” and “female” in the family is still possible.

Key words: family, marriage, cohabitation, marriage and family responsibilities, the role of spouses, gender.

Постановка проблемы

Начиная с середины XX в. происходят существенные трансформации в сфере общественных отношений. Они не обошли стороной и институты семьи и брака, расширив спектр форм и принципов организации партнерских отношений. Современная российская семья приобрела целый ряд черт: высокую разводимость, распространение сожительства, гостевых браков, откладывание родительства, сознательный выбор бездетности, а также постепенно закрепляющееся общественное признание данных практик. Эти тенденции усиливают демографические угрозы развития страны [Шпаковская, 2012; Захаров, 2006; Семья с детьми... , 2008; Шабунова, 2014].

Куда движется наше общество в сфере брачно-семейных отношений, будут ли «новые веяния» способствовать благополучию личности и социума в целом — это стратегически важные вопросы, требующие внимания как науки, так и государственного управления. Особое место занимает проблема положения женщины, выполняющей львиную долю семейных обязанностей наряду с трудовой деятельностью. При общем признании гендерного равенства вопрос остается открытым: россиянки продолжают нести двойную нагрузку, полностью реализуют женские роли и при этом разделяя с мужчинами обязанность материального обеспечения семьи.

Цель статьи заключается в сравнительном анализе представлений мужчин и женщин о семье и семейной жизни.

Методология исследования

Вектор гендерных исследований преимущественно направлен в сторону женской половины населения планеты, ее проблем и достижений. Это логично объясняется тем, что довольно долгое время в силу различных обстоятельств (религиозные особенности, традиции, политические уклады) женщины находились в подчиненном положении, не имели части гражданских прав, были всецело зависимы от мужской воли. Изменение экономического уклада, переход к промышленному производству открыли женщинам путь во внесемейную трудовую деятельность, которая со временем привела их к осознанию собственных возможностей и способности вносить вклад в общественное развитие.

Уже к концу 80-х гг. XX в. в зарубежных странах, в первую очередь в США, активно велись гендерные исследования, сформировалась обширная информационная база, функционировали женские центры и специальные женские издания и т. д. Результаты зарубежных гендерных исследований играли и продолжают играть значимую роль в формировании управленческих решений, становятся катализатором изменений в воспитании, образовании, адаптации и социализации детей, заметно меняя социальную реальность.

Принято считать, что гендерные исследования в России начали развиваться в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., когда стали возникать первые феминистские группы и независимые женские организации, а в журналах появились первые публикации и переводы работ по гендерной проблематике. Напечатанная в 1989 г. в журнале «Коммунист» статья А. И. Посадской, Н. М. Римашевской и Н. К. Захаровой «Как мы решали женский вопрос» стала своего рода программным документом нового направления в науке и общественном женском движении, которое было названо «новой эрой феминизма в России» [Безрукова, 2011].

До этого социология пола рассматривала в основном вопросы сферы труда, быта, досуга и семьи, учитывались половозрастные особенности респондентов. С конца XX в. в России наблюдается рост исследовательского интереса к гендерной проблематике, ее изучение становится более системным [Рябова, Овчарова, 2016]. Эту тему рассматривают экономисты, социологи, психологи, сексологи. Кроме того, именно с конца 90-х гг. XX столетия в большей части регионов России появляются общественные организации и женские движения, проводится большая работа по преодолению гендерного неравенства [там же]. В современных реалиях изучение гендерных особенностей еще более актуально. «Создание условий для обеспечения равноправия полов в государственной повседневной деятельности — основа и базис демократического общества, вступившего в двадцать первый век», — утверждает Н. М. Римашевская [Римашевская, 2006].

Среди современных отечественных исследователей гендерный аспект рассматривают Н. М. Римашевская, З. А. Хоткина, М. М. Малышева, М. П. Пислакова-Паркер, Н. В. Русанова, Г. Г. Силласте, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина, В. Лиманская, Ю. С. Задворнова, Т. Б. Рябова, О. Г. Овчарова, А. П. Багирова и многие другие. Работы посвящены правам и свободам женщин, дискриминации по гендерному признаку, проблемам семейного насилия, социальной активности женщин в различных сферах жизнедеятельности, особенностям социально-экономического положения городских и сельских женщин, трансформации гендерных ролей, гендерной стратификации общества. Важными инструментами

исследований чаще всего являются статистический анализ (гендерная статистика) и социологические методы (выявление реального положения людей и изучение их мнения) [Папа, 2012; Хоткина, 2007; Кузьмина, 2008].

Можно констатировать, что к концу XX в. в российской науке сложилось несколько подходов к изучению социального положения женщин — социологический, психологический, исторический, культурологический, правовой, лингвистический, антропологический [Безрукова, 2011].

Тема семьи относится к числу тех социально-демографических тем, изучение которых не утрачивает своей актуальности с течением времени, напротив, в условиях депопуляции семья стала объектом повышенного внимания со стороны государства и общества. При этом глубинная проблема малодетности связана с ролью женщины в семье, ее отношением к деторождению, мужчине, обязанностям мужа и жены. Изучению гендерных ролей в современной семье посвящены работы Ю. С. Задворновой, в которых анализируется трансформация моделей семьи, выделяются неопатриархальная (спонсорская), бикарьерная, эгалитарная и советская модели, рассматривается гендерная асимметрия в распределении домашних обязанностей, формулируются рекомендации по утверждению гендерного равноправия в семье [Задворнова, 2013, 2014]. Гендерные аспекты с позиции идентификации и анализа родительского труда раскрываются в работах А. П. Багировой и О. М. Шубат [Багирова и др., 2015]. Методологические основы исследований включают социологические методы — массовые опросы и интервью. В настоящей работе использован схожий подход к изучению гендерных стереотипов в современной семье.

Эмпирическую основу статьи составляют данные мониторинга репродуктивного потенциала населения, проводимого в Вологодской области Вологодским научным центром РАН с 2005 г.¹ Вопросы, выявляющие распределение ролей и обязанностей между супругами, включены в программу исследования в 2017 г.²

Результаты исследований

Семья является непреходящей ценностью для каждого человека, играет важную роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса. Поэтому и мужчины и женщины отводят первостепенную роль в иерархии ценностей счастливой и дружной семье (табл. 1), что подтверждается и другими российскими исследованиями³. На втором месте находится здоровье, значимость которого за последние

¹ В статье представлен анализ тенденций, сделанный на основе исследований за последние семь лет.

² Каждый год опрашивались 1500 человек в возрасте 15 лет и старше из двух крупных городов и восьми муниципальных районов Вологодской области, выборка квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3 %. В 2017 г. опрошено 738 мужчин и 762 женщины в возрасте от 15 лет; 53 % мужчин (391 чел.) и 54 % женщин (411 чел.) состояли в зарегистрированном браке.

³ Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? 2017. 7 июня. № 3391. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264 (дата обращения: 01.03.2018); Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад. Ч. 2 // Политические исследования. 2008. № 2. С. 81.

годы выросла и для женщин и для мужчин почти на 30 п. п., на третьем — родительство, причем женщины больше ценят материнство (70,5 %), нежели мужчины отцовство (54,7 %).

Таблица 1

Наиболее важные жизненные ценности жителей Вологодской области, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	Год			Изменение (2017 к 2011)	Год			Изменение (2017 к 2011)
	2011	2014	2017		2011	2014	2017	
Счастливая и дружная семья	86,5	86,7	87,1	0,6	83,6	81,0	83,9	0,3
Здоровье	52,9	71,9	80,7	27,8	44,2	64,7	72,8	28,6
Материнство/отцовство	71,0	65,2	70,5	-0,5	63,0	48,0	54,7	-8,3
Деньги, карьера	26,5	21,5	23,0	-3,5	34,9	32,3	34,1	-0,8
Любимая профессия	18,2	15,0	14,0	-4,2	22,3	17,1	17,1	-5,2
Образование	10,0	4,7	6,6	-3,4	10,9	5,4	7,0	-3,9
Общественное признание, популярность	3,0	1,0	1,6	-1,4	2,5	3,2	3,7	1,2

Примечание. Респонденты должны были выбрать не более трех вариантов ответа.

Официально зарегистрированный брак остается предпочтительной формой партнерских отношений для 74,8 % респонденток, сожительство без регистрации приемлют 8,4 % вологжанок (табл. 2). Мужчины в данном вопросе менее традиционны: 58,1 % отдают предпочтение официальной регистрации, 13,7 % готовы к сожительству. Стоит отметить, что женщины более уверены в своей позиции, им в большинстве своем важны подкрепленные обязанностями отношения, тогда как 27,8 % мужчин затрудняются определить собственное мнение по этому вопросу.

Таблица 2

Вида брака, предпочитаемые жителями Вологодской области, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	Год			Изменение (2017 к 2011)	Год			Изменение (2017 к 2011)
	2011	2014	2017		2011	2014	2017	
Зарегистрированный брак	76,6	74,6	74,8	-1,8	65,3	57,4	58,1	-7,2
Совместное проживание без регистрации в ЗАГСе (сожительство)	8,3	11,1	8,4	0,1	13,9	20,3	13,7	-0,2
Затрудняюсь ответить	14,5	13,3	15,9	1,4	19,1	22,0	27,8	8,7
Другое	0,6	1,0	0,9	0,3	0,8	0,3	0,4	-0,4

У большинства мужчин и женщин взгляды на основы брака сходятся: это любовь и взаимное уважение супругов (табл. 3). Несмотря на объективную значимость экономических условий для создания и успешного существования семьи, чувства, по мнению вологжан, остаются главным фундаментом брачного союза, причем у женщин данная точка зрения более выражена (82,2 против 74,0 % ответов мужчин). Иногда подобная романтизация брака говорит о неготовности молодой семьи к реалиям совместной жизни. Об этом свидетельствует статистика: каждый шестой брак заканчивается разводом, порядка 36 % мужчин и 41 % женщин, состоящих в браке, посещают мысли о прекращении отношений.

Таблица 3

Мнение жителей Вологодской области о том, что составляет основу брака, %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	Год			Изменение (2017 к 2011)	Год			Изменение (2017 к 2011)
	2011	2014	2017		2011	2014	2017	
Любовь	76,3	81,4	82,2	5,9	77,4	76,0	74,0	-3,4
Уважение друг к другу	81,1	82,0	82,4	1,3	76,5	71,1	72,9	-3,6
Финансовое состояние	38,8	35,7	33,9	-4,9	37,7	36,8	28,7	-9,0
Физическое и психическое здоровье партнеров	34,2	26,9	29,8	-4,4	35,2	23,7	27,8	-7,4
Здоровый расчет	5,8	5,2	6,6	0,8	3,9	7,5	7,2	3,3
Хорошее положение в обществе	7,2	4,3	4,5	-2,7	6,1	4,7	6,0	-0,1
Религиозные убеждения	0,9	0,8	1,4	0,5	1,8	0,6	0,9	-0,9
Другое	1,4	0,6	1,2	-0,2	0,3	0,4	0,3	0,0
Затрудняюсь ответить	0,1	1,5	3,1	3,0	0,1	4,7	7,6	7,5

Весомой угрозой демографическому развитию является высокая доля внебрачных рождений (в XXI в. она составляет примерно 30 %). Опросы показывают, что такая практика становится социально одобряемой, постепенно сокращается число людей, считающих вступление в брак обязательным условием для воспитания детей. Если в 2011 г. это было важным для 60,5 % женщин, то в 2017-м такое мнение разделяют уже 51,2 % (на 9 п. п. меньше;

табл. 4). У мужчин также происходит снижение доли сторонников этого суждения (51,4 % в 2011 г., 45,1 % в 2017 г.), и она всегда меньше, чем у женщин. Помимо сокращения числа ожидаемых рождений, укоренение тенденции воспитывать детей вне полной семьи ставит проблему социализации будущих поколений; отсутствие реального примера полной семьи и вариантов взаимодействия супругов будет способствовать трансляции данного опыта будущим поколениям.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?», %

Вариант ответа	Женщины				Мужчины			
	Год			Изменение (2017 к 2011)	Год			Изменение (2017 к 2011)
	2011	2014	2017		2011	2014	2017	
Да	60,5	59,0	51,2	-9,3	51,4	46,0	45,1	-6,3
Нет	24,2	24,0	26,6	2,4	22,8	23,8	21,1	-1,7
Не думал(а) об этом	10,9	9,0	14,2	3,3	16,8	20,0	23,4	6,6
Затрудняюсь ответить	4,4	8,0	8,0	3,6	8,9	10,2	10,3	1,4

С вступлением в брак человек приобретает новые социальные роли (супруг, родитель) и обязанности. От их фактического распределения и соответствия изначальным ожиданиям зачастую зависит гармония и успешность отношений между супругами. Как было выяснено в результате социологического опроса, большинство респондентов выбирают совместную ответственность супругов за выполнение семейных обязанностей (табл. 5). Вместе с тем существует их четкое распределение по полу: за мужчинами, безусловно, оставляют исполнение работ по ремонту дома, бытовой техники и прочего, а также вынос мусора. Для женщин список обязанностей шире и в основном базируется на решении ежедневных бытовых задач: приготовлении пищи, уборке, стирке и глаженье белья. Кроме того, к женским занятиям относят помощь детям в выполнении домашнего задания. Стоит отметить: единодушие мнений мужчин и женщин по поводу такого четко увязанного с полом распределения обязанностей супругов свидетельствует об устойчивости в российских семьях патриархального стереотипа о том, что большую часть семейных обязанностей должна выполнять женщина. Так, с ролью жены ассоциируется в разы большая ответственность за распределение семейного бюджета, воспитание детей, организацию досуга и развлечений, заботу о здоровье и благополучии членов семьи, обеспечение психологического комфорта, поддержание родственных связей, покупку продуктов и необходимых товаров.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Если Вы состоите в браке, укажите, как между Вами и Вашим/Вашей супругом/супругой распределяются следующие брачно-семейные обязанности», %, N = 802

Обязанность	Вариант ответа	Среднее по области	Возраст				Пол	
			15—19 лет	20—24 года	25—34 года	Старше 35 лет	М	Ж
Распределение семейного бюджета	Муж	13,0	50,0	4,5	12,6	13,5	18,0	8,3
	Жена	26,9	0,0	22,7	22,5	30,5	23,2	30,4
	Совместно	60,1	50,0	72,7	64,9	56,0	58,9	61,3
Уход за детьми и их воспитание	Муж	4,5	0,0	21,1	5,0	3,4	3,7	5,3
	Жена	39,0	0,0	26,3	35,5	42,2	38,2	39,7
	Совместно	56,5	100,0	52,6	59,4	54,4	58,2	54,9
Материальное обеспечение семьи	Муж	30,8	50,0	18,2	34,5	28,6	36,6	25,2
	Жена	7,2	0,0	27,3	4,6	8,2	5,5	8,8
	Совместно	62,0	50,0	54,5	60,9	63,3	57,9	65,9
Организация семейного досуга (отдых, развлечения)	Муж	6,6	0,0	18,2	5,5	6,8	8,1	5,2
	Жена	28,9	50,0	27,3	28,9	28,9	28,2	29,6
	Совместно	64,5	50,0	54,5	65,5	64,3	63,7	65,3
Забота о здоровье и благополучии членов семьи	Муж	5,1	0,0	9,1	4,0	5,7	7,1	3,2
	Жена	41,9	50,0	27,3	43,1	41,7	36,4	47,1
	Совместно	53,0	50,0	63,6	52,9	52,6	56,5	49,8
Обеспечение психологического комфорта	Муж	6,7	0,0	9,1	6,8	6,6	8,9	4,7
	Жена	40,5	50,0	13,6	38,5	43,2	32,9	47,5
	Совместно	52,8	50,0	77,3	54,8	50,1	58,2	47,8
Выполнение домашнего задания совместно с детьми	Муж	7,7	0,0	28,6	6,4	7,7	7,2	8,2
	Жена	52,0	0,0	28,6	50,5	54,4	48,1	55,6
	Совместно	40,3	100,0	42,9	43,1	37,9	44,7	36,2
Поддержание родственных связей	Муж	3,8	0,0	4,5	4,3	3,4	4,5	3,2
	Жена	18,5	0,0	4,5	14,9	21,9	15,7	21,0
	Совместно	77,7	100,0	90,9	80,8	74,7	79,8	75,7
Покупка продуктов и прочих товаров	Муж	9,0	0,0	13,6	11,4	7,0	8,1	9,9
	Жена	32,7	0,0	36,4	26,8	37,0	30,3	35,0
	Совместно	58,3	100,0	50,0	61,8	55,9	61,6	55,2
Приготовление пищи	Муж	6,9	0,0	27,3	6,8	5,9	7,9	5,9
	Жена	66,6	100,0	59,1	64,3	68,5	66,7	66,5
	Совместно	26,6	0,0	13,6	28,9	25,6	25,5	27,6
Уборка	Муж	5,6	0,0	22,7	5,6	4,8	5,7	5,4
	Жена	68,2	100,0	50,0	69,1	68,3	67,1	69,3
	Совместно	26,2	0,0	27,3	25,3	26,9	27,2	25,3
Стирка и глажение белья	Муж	6,9	0,0	22,7	6,8	6,2	6,8	6,9
	Жена	81,7	100,0	72,7	82,4	81,5	81,3	82,0
	Совместно	11,5	0,0	4,5	10,8	12,3	11,8	11,1
Работы по ремонту дома, бытовой техники и прочего	Муж	75,6	50,0	68,2	75,5	76,1	77,7	73,5
	Жена	8,9	0,0	27,3	9,0	8,0	9,9	7,9
	Совместно	15,5	50,0	4,5	15,5	15,9	12,3	18,6
Вынос мусора	Муж	44,2	0,0	42,9	47,5	42,1	45,5	43,0
	Жена	14,5	50,0	23,8	13,4	14,7	13,7	15,3
	Совместно	41,3	50,0	33,3	39,1	43,2	40,8	41,8

Также было выяснено, что распределение обязанностей зависит от возраста членов семьи. Для молодых людей (15—19 лет) оно либо сильно дифференцировано по гендерному признаку, либо базируется на принципе одинаковой ответственности. Первая группа скорее стремится копировать устои традиционной модели семьи с четким определением «мужских» и «женских» дел, тогда как вторая — выстроить равноправные отношения, основывающиеся на принципах эгалитарной семьи. В целом можно заключить, что молодые супруги склоняются к равенству полов, признают совместное равноценное участие супругов в семейной жизни, что говорит о формировании в молодежной среде нового стереотипа о распределении семейных обязанностей.

В России женщина традиционно существует в контексте роли матери, а не самостоятельного субъекта, у которого могут быть заботы, не связанные с семьей, личные интересы и мотивы. Качества, которые ценятся в женщинах, сводятся к хозяйственности, хорошей внешности, заботливости, верности, порядочности. Апелляция к традиционным ценностям, сохранение устойчивых стереотипов о разделении труда (450 профессий запрещены для женщин, в ряде сфер присутствует негласная гендерная дискриминация при приеме на работу, разница в оплате труда мужчин и женщин, занимающих одинаковые должности), объявление верховенства патриархальных и маскулинных установок еще больше фиксируют такой образ российской женщины в сознании самих женщин и мужчин [Кочергина, 2017].

Таблица 6

Мнение жителей Вологодской области о том, какие роли в браке должны выполнять супруги и какие выполняют в реальности, %

Роль	<i>Жена должна выполнять роль...</i>	<i>Жена выполняет роль...</i>
Матери	88,1	87,8
Сексуального партнера	81,8	81,3
Хранительницы очага	79,1	79,1
Хозяйки	78,4	78,9
Главы семьи	19,1	54,7
Добытчицы	20,9	58,5
Друга	57,5	59,2
Другое	1,2	2,2
	<i>Муж должен выполнять роль...</i>	<i>Муж выполняет роль...</i>
Отца	65,4	83,4
Сексуального партнера	60,7	81,4
Защитника	62,2	76,6
Хозяина	56,9	71,8
Главы семьи	42,9	75,2
Добытчика	45,2	78,3
Друга	43,1	59,0
Другое	1,0	1,7

Однако с трансформацией института семьи изменяются и роли супругов. Как показали результаты опроса, мужчина зачастую уже не считается единственным добытчиком и главой семьи (табл. 6). Так, 19,1 % респондентов полагают, что

женщина должна выполнять роль главы семьи, а 54,7 % женатых мужчин констатируют, что в их семье жена уже является главой. Только 20,9 % мужчин считают роль добытчицы обязательной для женщины, а 58,5 % отмечают, что она реально выполняет такую роль. Однако, несмотря на это, главными женскими ролями являются роли матери, сексуального партнера, хранительницы очага и хозяйки.

Мужчина де-факто большинством респонденток определяется как отец, сексуальный партнер, защитник, хозяин, глава семьи, добытчик. Заметно меньшее число женщин, ответивших на вопрос о том, какие роли должен выполнять муж, косвенно свидетельствует о том, что эти роли ими пересматриваются: если женщина достаточно определено дополнительно к традиционным наделяется ролями, ранее считавшимися чисто мужскими, то с установлением ролей мужа все не так однозначно.

Явно просматривается конфликт приверженности женщин бытующим стереотипам и их реальному положению. Жена, обеспечивающая семью материально, испытывает дискомфорт, ощущение «ненормальности», несправедливости. Это связано с эскалацией сомнений, с одной стороны, в собственной женственности, с другой — в маскулинности мужчины. Признание равноправия (а лучше бы — солидарной ответственности) в обеспечении материального благополучия семьи, не сопровождающееся разделением мужчинами «женских» обязанностей, провоцирует протест женщин, обесценивание значения мужчины для семьи. Именно в этом заключается опасность гендерных стереотипов, действующих в новой социальной реальности.

Выводы

Исследованные тенденции демонстрируют противоречивость матримониальных установок и реально выполняемых ролей. Несмотря на признание ценности семьи, растет число россиян, не считающих брак обязательным условием для воспитания детей. Зарегистрированный брак по-прежнему предпочтителен для большинства, однако сожительства рутинизированы, более того, легитимируются (взять хотя бы перепись 2010 г., в переписном листе которой вместо понятия «сожительство» используется «гражданский брак», а также регистрацию отцовства по заявительному принципу).

Женские и мужские взгляды на семью трансформируются, женщины более привержены традиционным представлениям о браке, большинство из них предпочитают регистрировать его в органах ЗАГСа, тогда как мужчины все чаще проявляют неуверенность в этом вопросе. Инерционность демографических установок привела к тому, что, добившись права на «престижный мужской труд» (хотя не без гендерной дискриминации в его оплате), женщины стали нести двойную нагрузку [Шабунова, 2017; Силласте, 2016; Хоткина, 2007]. Так, женщина, помимо роли хозяйки и хранительницы очага, выполняет мужские роли добытчика и главы семьи. Кроме того, список ее брачно-семейных обязанностей намного шире и ответственность за них больше, нежели у мужчин. В условиях рыночной экономики одной из сложных проблем семей стала вынужденная дискретность трудовой занятости матерей, порождающая, в свою очередь, материальные и психологические проблемы [Силласте, 2016]. Женщина в период рождения и ухода за ребенком теряет основную часть дохода, становится

материально зависимой от мужчины (мужа, если он есть), испытывает ряд субъективных и объективных трудностей, связанных с возвращением в трудовую деятельность. Необходимость сочетать заботу о детях с работой, подстраиваться под новые требования и условия работодателя, вынужденные отказы от прежней специальности, переход в сферу неквалифицированного труда, требование повышать квалификацию или вовсе безработица делают материнство менее привлекательным.

Можно уверенно констатировать, что женщины успешно справляются с «мужскими» задачами, ставя вопрос уже не о роли супругов, а о их вкладе в семейное благополучие. И вместе с тем они остаются уязвимыми во многих сферах своей деятельности. Тенденция повышения физической, психологической, экономической нагрузки скрывает потенциальный риск для современных семей, женщины вполне обоснованно могут испытывать недовольство завышенными к ним требованиями, несоответствием представлений о браке с реальной семейной жизнью, что впоследствии способно усугубить ситуацию с разводимостью.

Определенный позитив вносят результаты опроса молодых людей: реальное положение дел ими осознается, они все чаще склоняются к солидарности в семейных отношениях и справедливому делению обязанностей или совместному их выполнению. Одной из наиболее предпочитаемых форм организации партнерских отношений становится эгалитарная модель семьи, хотя спектр женских обязанностей все равно остается заметно более широким. Пересмотр роли мужчины в браке, повышение его участия во внутренних делах семьи — объективная необходимость и главный путь ее укрепления. Именно поэтому стоит особое внимание уделять гендерным исследованиям современных практик брачного и репродуктивного поведения, изменению социальной, демографической и семейной политики с учетом новых реалий.

Библиографический список

- Багирова А. П., Быкова Д. Г., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В., Шубат О. М. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / под общ. ред. А. П. Багировой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 171 с.
- Безрукова А. А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1. С. 203—206.
- Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32—40.
- Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Захаров С. В. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 01.03.2018).
- Кочергина Е. Место женщины в современной России // Вестник общественного мнения. 2017. № 3—4. С. 180—186.
- Кузьмина К. А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2. С. 201—216.
- Папа О. М. Сожительства как альтернатива браку // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/papa.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).

- Римашевская Н. М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Динамика гендерных стереотипов в современной России. М.: Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН, 2006. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/> (дата обращения: 20.03.2018).
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3—23.
- Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет: коллективная монография / под ред. Л. Н. Овчаровой, Л. М. Прокофьевой. М.: Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН, 2008. 112 с.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2016. 640 с.
- Хоткина З. А. Стереотипы и дискриминация на рынке труда // Гендерные стереотипы в современной России. М.: МАКС-Пресс, 2007. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/726/698/1219/Hotkina.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).
- Шабунова А. А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7—17.
- Шабунова А. А., Попов А. В., Соловьева Т. С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 49. С. 124—144.
- Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. URL: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf (дата обращения: 16.02.2018).

References

- Bagirova, A. P., Bykova, D. G., Voroshilova, A. I., Il'ves, E. V., Shubat, O. M. *Roditel'skii trud: usloviia realizatsii, motivy i rezul'taty* (2015) [Parent work: conditions of implementation, motives and results], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Bezrukova, A. A. (2011) *Gendernye issledovaniia v Rossii: problemy stanovleniia i razvitiia* [Gender studies in Russia: problems of formation and development], *Novye tekhnologii*, no. 1, pp. 203—206.
- Khotkina, Z. A. (2005) *Stereotipy i diskriminatsiia na rynke truda* [Stereotypes and discrimination in the labor market], *Gendernye stereotipy sovremennoi Rossii*, Moscow: MAKS-Press, available from <http://ecsocman.hse.ru/data/726/698/1219/Hotkina.pdf> (accessed 20.03.2018).
- Kochergina, E. (2017) *Mesto zhenshchiny v sovremennoi Rossii* [Place of women in modern Russia], *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, no. 3—4, pp. 180—186.
- Kuz'mina, K. A. (2008) *Transformatsiia modelei sem'i i potrebnostei v sotsial'noi zashchite v usloviakh sotsial'no-demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh peremen* [Transformation of family models and needs for social protection in the situation of socio-demographic and socio-economic change], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, no. 2, pp. 201—216.
- Ovcharova, L. N., Prokof'eva, L. M. (eds) (2008) *Sem'ia s det'mi v sovremennoi Rossii: ekonomicheskii i sotsial'nyi portret* [Family with children in modern Russia: an economic and social portrait], Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiĭskoi akademii nauk.
- Papa, O. M. (2012) *Sozhitel'stva kak al'ternativa braku* [Concubinage as an alternative to marriage], *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, no. 2, available from <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/papa.pdf> (accessed 12.03.2018).

- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiiia v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender Studies in Russian Political Sciences: current status, problems, and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Rimashevskaiia, N. M. (2006) Gendernye stereotipy i logika sotsial'nykh otnosheniĭ [Gender stereotypes and the logic of social relations], in: *Dinamika gendernykh stereotipov v sovremennoi Rossii*, Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiiskoi akademii nauk, available from <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/> (accessed 20.03.2018).
- Shabunova, A. A. (2014) Obshchestvennoe razvitie i demograficheskie vyzovy sovremennosti [Public development and demographic challenges of the present], *Problemy razvitiia territorii*, no. 2, pp. 7—17.
- Shabunova, A. A., Popov, A. V., Solov'eva, T. S. (2017) Potentsial zhenshchin na rynke truda regiona [The potential of women in the regional labor market], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 49, pp. 124—144.
- Shpakovskaia, L. L. (2012) Nezaregistrirovannye soiuzy: brachnye strategii molodykh predstavitelei gorodskogo srednego klassa [Unregistered alliances: marriage strategies of younger representatives of urban middle class], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, available from http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf (accessed 16.02.2018).
- Sillaste, G. G. (2016) *Gendernaia sotsiologiia i rossiiskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M, INFRA-M.
- Zadvornova, Iu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh rolei v sovremennoi rossiiskoi sem'e [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—40.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and modern trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zakharov, S. V. (2006) Rasshiriaiuschiesia granitsy braka [Expanding boundaries of marriage], *Demoskop Weekly*, available from <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (accessed 01.03.2018).

Статья поступила 26.04.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, onk82@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Deputy Director, Vologda Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation).

Груздева Мария Андреевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, mariya_antonovarsa@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Vologda Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 77—86
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 77—86
ББК 76.032.6
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

Е. Н. Гоголева

Тульский государственный университет, г. Тула, Россия, elenagog@yandex.ru

Приводятся доказательства, что телевизионная реклама, помимо продвижения товаров и услуг, активно формирует в социуме установки, детерминирующие нормы и стили социального поведения людей, а также определяющие ценностные аспекты их существования. Это становится возможным благодаря использованию гендерных стереотипов, с помощью которых происходит категоризация, упрощение и схематизация социальной действительности. Социологический анализ невербального поведения телевизионных рекламных персонажей позволил выявить способы конструирования и специфику репрезентации гендерных стереотипов. Внимание акцентируется на том, что закономерности полоролевого поведения главных героев в телевизионных рекламных сообщениях являются детерминантами гендерной стратификации, определяющими отношения гендерного неравенства в российском обществе.

Ключевые слова: гендерный стереотип, телевизионная реклама, невербальная коммуникация, гендерное неравенство, гендерная стратификация.

GENDER STEREOTYPES IN TELEVISION COMMERCIALS AS A GENDER INEQUALITY REFLECTION

E. N. Gogoleva

Tula State University, Tula, Russian Federation, elenagog@yandex.ru

The facts provided in the article show that a TV commercial, besides the task of goods promotion, actively contributes to formations of definite norms and styles of human social behavior in society. It seems possible because gender stereotypes categorize, simplify and schematize social reality. The sociological analysis of nonverbal behavior of the television commercial characters has revealed the formation and specifics of gender stereotypes representation. At the same time, the male and female images in TV commercials differ in the importance of the nonverbal communication mechanisms. Therefore, the emphasis is on physiognomics in the female images while in the males' it is on proxemics and kinesics.

Stereotyped male and female images define: firstly, qualities and characteristics by which it is possible to describe appearance of men and women; secondly, the standard examples of interpersonal, intergroup and professional behavior that are traditionally attributed to men or women; thirdly, the arsenal of social roles culturally determined by the modern Russian society. At the same time, the means of nonverbal communication reproduce the gender asymmetry of the modern Russian society which is shown in strengthening of the relations of domination and submission between men and women. As a result, the gender inequality becomes stronger on television, that consolidates position of existing social hierarchies.

Key words: gender stereotypes, television commercials, nonverbal communication, gender inequality, gender stratification.

Постановка проблемы

Современный период развития любого общества характеризуется высокой динамичностью, усложнением всех социальных отношений, трансформацией социальных ролей, структур и институтов. Однако в подобных условиях общество нуждается в определенных механизмах, поддерживающих его внутреннюю стабильность. Такую функцию выполняют социальные стереотипы, которые играют роль защитников существующих порядков, сложившейся системы связей и взаимоотношений. Наиболее значимыми среди социальных стереотипов являются гендерные, поскольку они представляют собой «изначальные способы выражения сущности — того, что может быть моментально передано в любой социальной ситуации, того, что попадает в самую цель при характеристике человека» [Goffman, 1979: 19]. Гендерные стереотипы формируют ценности и идеалы общества, помогают адаптироваться человеку в изменяющихся условиях, вместе с тем они устанавливают форму стратификационного поведения, которая характеризуется определенными социальными статусами, моделями поведения и средствами достижения успеха.

В настоящее время влияние средств массовой коммуникации как ретрансляторов образцов массовой культуры чрезвычайно велико. Особое значение в этом ряду имеет реклама, которая представляет собой своеобразную форму общения, взаимодействия и взаимовлияния людей. Помимо рекламирования товаров и услуг, она апеллирует к другим, неочевидным смысловым значениям, аккумулирует в себе информацию о взаимоотношениях в обществе, что, в свою очередь, способствует выстраиванию системы символических ценностей конкретного индивида. Телевизионная реклама является наиболее значимым рекламным каналом, поскольку с ее помощью в социуме активно формируются конкретные установки, детерминирующие нормы и стили социального поведения людей, а также определяющие ценностные аспекты их существования.

Цель данного исследования — анализ содержания и способов конструирования гендерных стереотипов в телевизионной рекламе посредством выявления особенностей невербального поведения мужчин и женщин в телевизионных роликах.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что современная телевизионная реклама транслирует общеизвестные гендерные стереотипы для формирования необходимых потребительских предпочтений в современном обществе, с одной стороны, и достижения необходимого рекламного эффекта —

с другой. При этом образы мужчин и женщин в телевизионной рекламе различаются по значимости механизмов невербальной коммуникации, с помощью которых они конструируются. Так, в женских образах акцент делается на физиономике, в то время как в мужских образах на первый план выходят проксемика и кинесика, позволяющие выразить социально значимые характеристики, воспроизводимые посредством правил-образов, моделей уместного в конкретной ситуации поведения и взаимодействий.

Методология и методика исследования

Воздействие телевизионной рекламы на сознание и поведение людей осуществляется чаще всего неосознанно, ситуативно и произвольно, его нельзя разделить на отдельные части, поэтому понимание ситуации возможно только при комплексном анализе особенностей невербального поведения мужчин и женщин в рекламных роликах.

В основу изучения специфики невербальной коммуникации в телевизионной рекламе положен гендерный подход, который предполагает, что различия в поведении мужчин и женщин во всех сферах жизни определяются не биолого-физиологическими особенностями, а социально-культурными нормами того или иного общества (У. Липпман, И. Гоффман, П. Бурдые, В. С. Агеев, Т. А. Репина, И. С. Клецина и др.). Это обуславливает сохранение гендерного неравенства, что обеспечивается за счет символического насилия, т. е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами [Айвазова, 2017: 9].

Принципиально важными в контексте изучаемой проблемы являются положения теории социального конструирования гендера (К. Уэст, Д. Циммерман, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина и др.) относительно возможной трансформации гендерных отношений в обществе. С одной стороны, гендерные отношения объективны, т. е. воспринимаются как данность, с другой — они субъективны, поскольку формируются социумом в повседневности. Эти положения указывают на деятельностный характер социального субъекта, который создает гендерные правила и отношения, а не только воспроизводит их [Гончарова, 2003: 83].

В контексте рассматриваемой проблемы находит свое применение и коммуникативно-дискурсивное направление исследования гендера, которое занимается изучением вопросов конструирования гендера в процессе коммуникативного взаимодействия индивидов в различных видах дискурса (Т. А. ван Дейк, Ю. С. Степанова, И. А. Гусейнова, М. В. Томская и др.). Изменчивость и многовариантность концептов феминности и маскулинности дает возможность осуществлять манипуляцию этими понятиями в коммуникационных сообщениях, например в рекламных.

В качестве эмпирического метода исследования на первом этапе был применен контент-анализ, с помощью которого изучалось невербальное поведение, демонстрируемое в современных телевизионных рекламных роликах, для выявления основных закономерностей использования его полоролевых моделей, укоренившихся в обществе. В качестве единиц анализа в исследовании выступают визуальные, кинесические, просодические, звуковые и проксемические

элементы невербального поведения в телевизионной рекламе. Телевизионные рекламные сообщения фиксировались на федеральном канале СТС в прайм-тайм (с 18:00 до 20:00) в течение ноября — декабря 2017 г. За единицы счета принимаются число выпусков телевизионных роликов с той или иной единицей анализа, число использования того или иного элемента невербального поведения, наличие заданных качеств на один рекламный ролик.

Впоследствии был сделан вывод о том, что простой фиксации элементов невербального поведения недостаточно для выявления гендерно-стереотипизированного поведения героев рекламных роликов. В ходе дальнейшего изучения проблемы был использован метод дискурс-анализа, с помощью которого интерпретировались рекламные сообщения, осуществляемые в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях. Методика применения дискурс-анализа воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от формально-количественного метода контент-анализа способна выявить не только явно присутствующие и отчетливо фиксируемые характеристики, но и скрытые, латентные смыслы сообщения.

Результаты исследования

Современное массовое общество предполагает существование в любом производимом товаре/услуге визуальной (оптической) коммуникационной составляющей. Изображение увеличивает воздействие рекламного сообщения, а в некоторых случаях полностью или частично заменяет его. В настоящее время рекламный образ создается посредством креолизованных текстов (термин введен в современную социалингвистику У. Ханнерцом) [Hannerz, 1992]. В креолизованных текстах рекламное послание трансформируется в визуальное-вербальный конструкт, в котором визуальные элементы могут быть доминирующими, а предметы выступают в качестве смысловых маркеров с преобладанием знаковых компонентов, обозначающих статусы, роли и т. п., или эмоционально-чувственных [Моргун, 2010], наглядно демонстрирующих особенности социальной дифференциации в коммуникационном пространстве.

Особенно важным элементом, наиболее полно отражающим визуальную составляющую рекламируемого товара, является образ главного героя рекламного ролика, который складывается из физических характеристик персонажей, особенностей их внешности и одежды. Именно образ главного героя направлен на потенциального потребителя и осуществляет воздействие на подсознание зрителя, способствуя отождествлению его с персонажем рекламы.

Анализируя визуальные характеристики главных героев, отметим: в рекламном ролике зритель чаще всего наблюдает мужчину с темным цветом волос (84 %), в то время как цвет волос женщины не является константой, что связано, видимо, с изменчивостью ее облика в современном обществе (хотя предпочтение все-таки отдается блондинкам — 40 к 54 %). Черты лица главных героев телерекламы определены слабо. В настоящее время большое значение придается дополнительным элементам внешнего вида: очкам, татуировкам, усам, бороде и т. д. Особенно ярко данный признак проявляется у представителей мужского пола, так, он выражен у них в более чем половине рекламных роликов (58 %). При этом в отношении женщин соблюдаются значительно более строгие требования:

в качестве дополнительных элементов физиономики присутствуют в основном очки. Реклама, даже с подчеркнуто молодежным контентом, не отображает в женских образах такие элементы внешнего вида, как татуировки, пирсинг.

Существует незначительная разница в физической подготовке героев рекламы. Спортивным телосложением обладают 74 % мужчин, неспортивным — 13 % от доли физических характеристик мужского пола в рекламе. Наименьший процент мужчин показан с излишне стройным телосложением. Фемининность в телевизионной рекламе проявляется за счет спортивного телосложения (65 %); полное или же излишне стройное телосложение для героинь в основном не характерно (5 и 10 % соответственно).

Женский образ в телевизионной рекламе особенно четко структурирован и весьма настойчиво популяризируется: спортивное телосложение, опрятный вид, умеренный макияж наглядно показывают преобладание определенных модных тенденций во внешнем облике женских персонажей. Нередки случаи применения элементов эротизма в представлении женских образов, таких как показ плеча, декольте, ног, силуэта обнаженного тела. Привлекательность рекламных героинь рассчитана как на мужчин, чье стремление к общению с красивой женщиной переплетается в сознании со стремлением к обладанию товаром, так и на самих женщин, которые хотят соответствовать определенному «идеальному типу». Это стимулирует воображение потребителей к дальнейшему достраиванию рекламного сообщения, вовлекая их в определенную игру с участием рекламируемого товара.

Визуальный образ мужчины является более свободным, меняющимся в зависимости от обстоятельств. Однако уже не вызывает удивления, что традиционное значение маскулинности трансформируется. Тот факт, что мужчины стали больше заботиться о своей внешности, находит свое отражение и в рекламе. Происходит сознательное конструирование мужского тела в соответствии с нормами культуры потребления. Ранее это считалось характерным для женщин.

Таким образом, внешний облик телегероев представляет собой определенные социальные конструкции, являющиеся следствием составного эффекта дискурсивных и визуальных репрезентаций продуктов деятельности различных общественных институций.

Особый интерес вызывает такой элемент внешнего образа рекламных телегероев, как одежда. Вне зависимости от стиля для героев телерекламы используется одежда трех классов: массовая, middle (мидл) и премиум. Преимущественно применяется одежда массовой категории и класса middle (40 и 46 % соответственно). Одежда массового класса используется для рекламирования большинства продуктов питания, безалкогольных напитков, пива. Некоторые марки одежды, косметика, парфюмерия и другое представлены middle-классом. Одежда премиум-класса (14 %) характерна для персонажей рекламных роликов, акцентирующих внимание на дорогой парфюмерии, ресторанах, драгоценностях, автомобилях.

При этом одежда женщин и мужчин имеет разное предназначение. Женская одежда оценивается прежде всего с точки зрения эстетического наполнения. Костюм, моделируя женский образ, не предполагает наличия в рекламном послании ассоциации с выполняемой социальной ролью. Мужская же одежда

четко детерминирована социальной ситуацией и необходимостью в нее вписаться, что свидетельствует о возможности использовать рекламный костюм для достижения определенной цели. Данные обстоятельства позволяют говорить о наличии гендерного неравенства как процесса, посредством которого осуществляется ранжирование индивидов по признаку пола. При этом одежда в качестве невербального компонента коммуникации определяет социальный статус женщины, выступающий как демонстративный, иллюзорный, незначительный с точки зрения социального контекста. В свою очередь, мужская одежда указывает на социальную обусловленность всего рекламного сообщения, тесно связана с социальной позицией в обществе, что предполагает усиление таких гендерных отношений, как иерархия, власть, доминирование.

Цвет и изображение — важнейшие элементы креолизованных текстов — обладают возможностью как представления содержания рекламного сообщения, так и выражения информации. Цветовые и графические компоненты участвуют в организации воздействия текста на аудиторию, способствуют полной передаче информационной емкости и влияют на закономерности восприятия. Согласно результатам исследования, в телевизионных рекламных роликах с мужчиной в главной роли цветовое оформление подобрано в темных и металлических оттенках — 52 %, в то время как цветовая гамма для женщин выполнена пастельными оттенками — 56 % (фиксация производилась по множественным критериям). Подразумевается, что маскулинные и фемининные образы во всем контрастируют, в том числе и в выборе цветовых решений, что отражает устоявшийся в обществе стереотип, свидетельствующий о состоянии полоролевой структуры российского общества: для мальчиков подходит голубой цвет, для девочек — розовый.

Особое значение при анализе гендерных отношений в телевизионной рекламе имеет кинесика, или, иначе, язык тела. Кинесика передает информацию о главных индивидуальных особенностях и качествах человека — возрасте, поле, расовой принадлежности, чувствах, установках, самооценке, социальном статусе и т. д.

Существуют серьезные различия в кинесике мужчин и женщин. Женщины используют больше жестов и поз в рекламе. Они более эмоционально проявляют свои чувства и экспрессивнее выражают свою половую принадлежность. У женщин большинство жестов направлено к себе, их жестикация саморефлективна (приведение в порядок прически, одежды, освежение макияжа и т. д.). Женская жестикация, отображенная в телевизионной рекламе, не содержит желания доминировать над собеседником, она сильно ограничена рамками своей социальной роли. Однако часто фиксируются жесты, носящие ярко выраженную сексуальную ориентацию, например прикосновение к губам, накручивание волос на палец, встряхивание волосами (почти в 40 % рекламных роликов женской направленности).

Мужчины, наоборот, более сдержанны и скупы на эмоции, не столь разнообразны в динамичном аспекте невербальной коммуникации. Однако кинесика мужчины в рекламе не может быть полностью сведена к проявлению маскулинности, скорее наблюдается выражение социального статуса и индивидуальности, что подтверждается такими элементами, как позы, мимика, направление жестов, движения рук, которые имеют коммуникативную направленность,

обращены к другому. Большинство мужчин в телерекламе активно используют жесты руками: их руки немного вытянуты от себя. Мужская жестикуляция, обращенная к конкретным людям, чаще принимает вид «символического оружия» (например, крепкое сжатие предплечья другой рукой с одновременным сведением кисти в кулак и т. д.) [Грошев, 1999: 72—74].

В этой связи важно акцентировать внимание на том, что кинесика как элемент невербальной коммуникации демонстрирует гендерно-маркированные качества, которые принято делить на две группы: «маскулинные» качества, связанные с действием и активностью (субъектные или инструментальные), и «фемининные», ориентированные на межличностное общение (экспрессивные) [Broverman et al., 1972: 65; Рябова, 2009]. В свою очередь, мужские качества априори выступают как первичные, значимые в отличие от женских.

Пространственный компонент (проксемика) невербального общения также определяет полоролевые отношения в рекламном пространстве, их структурированность и символическую детерминированность, что отражает иерархический порядок, сложившийся в обществе.

Рекламно-стереотипизированные мужчины и женщины живут в различных символических пространствах, как и в реальной жизни. Для мужчин, которые и в рекламе демонстрируют ритуалы доминирования и подчинения, характерна значительная пространственная свобода. Они почти всегда контролируют большие пространственные и личные зоны, используемые при социальном взаимодействии, и принимают значительно более расслабленные, захватывающие пространство положения: широко раздвигают ноги, сидят боком на стуле и т. д.

Согласно результатам социологического исследования, социальное поле женщин более чем в два раза меньше мужского. Позы женщин, такие как руки на бедрах, за спиной, скрещенные руки и ноги, выставленная нога, сложенные ноги и т. д., демонстрируют позицию подчиненности по отношению к мужчине и другим социальным объектам в рекламном ролике. Заметны отличия в эмоциональном наполнении и личностном «весе» индивидуального пространства: женщины более сдержанны, их движения в значительной степени детерминированы социальным контекстом.

Однако личностная дистанция между мужчинами и женщинами небольшая. В рекламе это проявляется в таких формах невербального поведения, как тесный физический контакт, например в танцах, а также в объятиях и поцелуях. Данные факты свидетельствуют об изменении в обществе норм общения между мужчиной и женщиной, включении физического контакта в личностное пространство индивидов. Это подтверждает основную идею конструктивизма относительно деятельностного характера усвоения опыта, подразумевающего возможность изменения «мужского» и «женского» пространства. Данная символическая трансформация, в свою очередь, выступает стимулом для перераспределения социальных позиций, ранее закрепленных за тем или иным гендером.

Что касается анализа акустической подсистемы речевого поведения (просодика), то внимание акцентировалось прежде всего на музыкальном сопровождении рекламного телевизионного действия и звуко-речевых особенностях поведения главных героев. Именно сочетание данных параметров позволяет проследить специфику создания того или иного эффекта для более целостного

формирования образа персонажа рекламного ролика. Результаты эмпирического исследования подтверждают наличие гендерного аспекта в использовании акустических средств в телевизионной рекламе. Так, музыкальное оформление «мужских» роликов характеризуется ярко выраженной речевой динамикой, высоким темпом и некоторой тревожностью звучания (42,3, 51,9 и 47,0 % соответственно); обычно для мужских персонажей за кадром используется баритон, реже бас (60,3 и 32,6 %), тенор практически не применяется. Представляется, что низкий диапазон голоса служит для создания впечатления серьезности, солидности, престижности, для демонстрации мощи, что увеличивает воздействие телевизионной рекламы. Как правило, мужские голоса используются тогда, когда рекламе нужно придать информативный или познавательный характер. В рекламных телевизионных сообщениях с женским участием больше присутствует мелодичность, спокойствие, соблазнительность (иногда эти переменные весьма трудно различимы). Подобный результат достигается за счет суггестивности голоса, что является действием осознанных целенаправленных модуляций природных и приобретенных качеств в их самых различных сочетаниях и степени проявления [Гирина, 2008: 63]. Помимо рекламирования собственно товаров для женской аудитории, женские голоса используются для продвижения детских товаров в целях достижения нужного эмоционального отклика у аудитории.

Итак, акустическая подсистема невербальной коммуникации демонстрирует гендерные различия в звуко-речевом воздействии: мужские голоса участвуют в организации прагматического влияния информации на потребителя, а женские голоса, определяя эмоциональное наполнение рекламного сюжета, выступают тем фоном, который способствует запоминанию продукта, а впоследствии и развитию ассоциаций с ним.

На основе результатов социологического исследования устанавливается тот факт, что в современной российской телерекламе действительно транслируются традиционные гендерные роли и стереотипы, оказывающие очевидное влияние на общество, а именно на восприятие себя, поведение, взаимоотношения с другими людьми, социальные роли и т. д. Потребители видят в главных героях рекламы не только актеров, но и носителей традиционных ролей, вызывающих доверие различных социальных групп. В итоге формируется образ социально стратифицированного общества.

Выводы

Результаты социологического исследования современной телевизионной рекламы убедительно демонстрируют доминирование стереотипизированных мужских и женских образов, которые определяют, во-первых, качества и характеристики, с помощью которых представляется возможным описать внешний вид мужчин и женщин, во-вторых, нормативные образцы межличностного, межгруппового и профессионального поведения, которые традиционно приписывают лицам мужского или женского пола, в-третьих, арсенал социальных ролей, культурно детерминированный обществом. При этом средствами невербальной коммуникации воспроизводится гендерная асимметрия современного российского общества и, как следствие, закрепляется гендерное неравенство. Таким образом, гипотеза исследования, выдвинутая в начале работы, подтверждается.

Телевизионная реклама способствует формированию определенного образа жизни, с одной стороны, и детерминирует процесс гендерной стандартизации — с другой. В данном случае речь идет о гендерной стратификации, т. е. о разделении общества на основе полоролевых установок, которые оцениваются как систематические и непрерывные. С этой точки зрения реклама участвует в оформлении жизненного пространства современного человека, формирует образ повседневного мира и общественной жизни. Поэтому можно говорить о том, что телевизионная реклама является связующим звеном между личностью и обществом и посредством транслируемых норм и образцов доминирующей культуры накладывает свой отпечаток на стереотипное восприятие окружающей действительности.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3—13.
- Гирина И. Г. Речевой голос в звучащем американском телевизионном рекламном тексте. Хабаровск: Дальневост. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 137 с.
- Гончарова Н. Л. Игра для мальчиков: (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 83—91.
- Грошев И. В. Гендерная невербальная коммуникация в рекламе // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 71—77.
- Моргун О. М. Визуальная культура невербальных коммуникаций в современной наружной рекламе: автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2010. 22 с.
- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2009. 43 с.
- Broverman I., Vogel S. R., Broverman D. M., Clarkson F. E., Rosenkrantz P. S. Sex role stereotype: a current appraisal // *Journal of Social Issues*. 1972. Vol. 28, № 2. P. 59—78.
- Goffman E. *Gender Advertisement*. New York; Hagerstone; San Francisco; London: Harper & Row Publishers, 1979. 95 p.
- Hannerz U. *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. New York: Columbia University Press, 1992. 384 p.

References

- Aivazova, S. G. (2017) *Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki* [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Broverman, I., Vogel, S. R., Broverman, D. M., Clarkson, F. E., Rosenkrantz, P. S. (1972) Sex role stereotype: a current appraisal, *Journal of Social Issues*, vol. 28, no. 2, pp. 59—78.
- Girina, I. G. (2008) *Rechevoi gos v zvuchashchem amerikanskom televizionnom reklamnom tekste* [Speech voice in the sounding American television advertising text], Khabarovsk: Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Goffman, E. (1979) *Gender Advertisement*, New York, Hagerstone, San Francisco, London: Harper & Row Publishers.

- Goncharova, N. L. (2003) Igra dlia mal'chikov: (Gendernye aspekty realizatsii kar'ernykh pritiyani) [Game for boys: (Gender aspects of realization of career claims)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 83—91.
- Groshev, I. V. (1999) Gendernaia neverbal'naia kommunikatsiia v reklame [Gender non-verbal communication in advertising], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 71—77.
- Hannerz, U. (1992) *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*, New York: Columbia University Press.
- Morgun, O. M. (2010) *Vizual'naia kul'tura neverbal'nykh kommunikatsii v sovremennoi naryuzhnoi reklame: Avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Visual culture of non-verbal communication in modern outdoor advertising: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Krasnodar.
- Riabova, T. B. (2009) *Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz: Avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Gender stereotypes in the political sphere of modern Russian society: sociological analysis: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Nizhny Novgorod.

Статья поступила 22.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Гоголева Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия, elenagog@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Politology, Tula State University, Tula, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 87—96
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.8

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 87—96
ББК 81.411.2-51
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.8

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И НЕОМИФОЛОГИЗМЫ В РЕКЛАМЕ АВТОМОБИЛЕЙ

Е. И. Медведева

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, ketmermaid@gmail.com

Анализируется образ женщины в рекламе автомобилей последних двух лет. Выбор данного сегмента обусловлен тем, что в этой рекламе ярко иллюстрируются социальные роли, гендерные клише. Вождение транслируется как присущее мужчине дело, хотя статистика ГИБДД опровергает справедливость таких установок. Для того чтобы проследить, как изменились коды в отношении роли женщины в обществе с древности до наших времен, сценарии роликов и образы героев рассматриваются в контексте мифологического сознания. Изучив 50 роликов, автор отмечает преобладание трех женских образов в современной автомобильной рекламе: искусительницы, няньки, глупышки. Архетипические сюжеты продолжают активно использоваться в автоиндустрии: мужчина изображается мифическим героем, женщина — объектом. Учитывая способность рекламы отражать и консервировать социальные установки, следует констатировать, что популярность таких сценариев доказывает высокий уровень сексизма в современном обществе.

Ключевые слова: образ женщины в рекламе, гендерный стереотип, сексизм, мифологическое сознание, сказочный сюжет, теория архетипов.

A WOMAN'S IMAGE IN THE CAR ADVERTISEMENTS: STEREOTYPES AND SEXISM

E. I. Medvedeva

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, ketmermaid@gmail.com

A woman's image in the car advertisements of the last two years has been analyzed in the paper. This segment was chosen because the car advertising is very illustrative of the social roles and gender stereotypes. Driving is presented as a man's intrinsic matter though statistics of traffic police disclaims this belief. To trace the changes in cultural codes with respect to the woman's role from ancient times down to our days the author reviews ad video scenarios and heroes identity in the context of mythological consciousness. Having studied 50 videos the author reveals three dominating images of a woman in modern car advertisements, namely:

lady vamp, caregiver, silly girl. Recurrent themes continue to be widely used in car ads: men are myth heroes, while women are objects. Considering the fact that ads are known to capture and crystalize social preferences, it can be concluded that the popularity of such scenarios prove a high level of sexism in the modern society.

Key words: woman's image in ads, gender stereotype, sexism, mythological consciousness, fairy story, archetype theory.

Введение

В последние два десятилетия число женщин-автомобилисток в России стремительно растет. Автошколы не делятся на женские и мужские, женщина за рулем, равно как и женщина-таксист и женщина-автоинструктор, уже давно никого не удивляет. Так что внешне гендерного неравенства в этой области не проявляется, и кажется, что стереотип об обезьяне с гранатой давно неактуален. Но это не так. Обратившись к анализу рекламы авто, мы увидели: женщина не фигурирует в ней как полноправный и полноценный участник дорожного движения (как объект культуры — да, как субъект — нет). Современные отечественные и западные рекламные ролики поддерживают устоявшееся представление о том, что вождение — мужское дело. Насколько это справедливо и объективно? Какая причина в этом превалирует?

Долгое время статистика ГИБДД учитывала только количество и тяжесть аварий по регионам. С января 2015 г. инспекцию обязали вести учет ДТП по большему количеству параметров, в том числе по гендерному признаку. И появились интересные данные. Женщины за рулем на самом деле составляют меньшинство (в 2016 г. в России из 35 млн водителей было 4 млн женщин), при этом процентное соотношение аварий, произошедших по вине женщин и мужчин, практически одинаковое. Но в подавляющем большинстве случаев женщины попадают в легкие аварии, связанные с несоблюдением правил перестроения и маневрирования, в то время как мужчины становятся виновниками ДТП с тяжелыми последствиями, нарушая скоростной режим [Показатели состояния безопасности... , 2017]. Эти же данные подтверждает статистика страховых компаний. Женщины-водители обходятся им на 10 % дешевле водителей-мужчин [Медведева, 2017: 154].

Понятно, что если не по количеству, то по качеству вождения женщины не уступают мужчинам, а кое в чем даже превосходят. В связи с изложенным важно исследовать, изменили ли установленные бесспорные факты восприятие женщины-автомобилистки в современном обществе. В статье мы рассмотрим, проявляется ли эта объективная данность в культурных кодах, выраженных в рекламных сообщениях. Мы будем говорить об осмыслении образа женщины-автомобилистки в культуре и культурных контекстах, связанных с ней, сквозь призму мифологического мышления. Такой подход позволит выявить сходства и различия в восприятии социальной роли женщины в древнем и современном обществах, а также проследить, насколько актуальны в XXI в. гендерные стереотипы наших предков и как они модифицировались. В качестве материала исследования используем рекламные отечественные и зарубежные ролики компаний — производителей автомобилей.

Автоиндустрия активно использует в рекламе архетипические сценарии. Мифологическое видение автомобиля и водителя (колесницы и наездника) остается характерным для современного общества и выражается в неосознанном желании выйти за пределы человеческих возможностей. Э. Грили заметил: «Достаточно посетить ежегодный автомобильный салон, чтобы понять — это настоящий религиозный ритуал. Цвета, освещение, музыка, почтение восхищенных посетителей, присутствие храмовых жриц (манекенщицы), блеск и роскошь, расточительство, множество народа — все это в иной культуре можно было бы назвать настоящей литургической службой... Культ священного автомобиля имеет своих последователей и своих посвященных» [Greeley, 1961: 19]. Эти слова были написаны в 1961 г., однако и сейчас «культ священной колесницы» находит свое выражение в визуальной продукции, которой в числе прочего являются и рекламные ролики.

Предлагаем на примере конкретных рекламных роликов исследовать, как персонаж проявляется в ритуале, в каких формах реализуется мифологическое сознание и архетипические сюжеты, какие мифы являются самыми востребованными в гендерном контексте.

Мифологическое мышление

Живучесть мифологического мышления связана с тем, что оно дает возможность устранять коллизии сознания, вызванные необъяснимостью каких-то событий, выходящих за пределы рационального. Мифология позволяет передавать менее понятное через более понятное, неумопостигаемое через умпостигаемое. Функция мифологии не сводится просто к удовлетворению любопытства, ее задача в другом, она дополняет рациональное мышление, придает ему полноту, обеспечивая целостный подход к мировосприятию, при котором элементам хаотичности и неупорядоченности не остается места и есть возможность на каждый жизненно важный вопрос получить ответ [Мелетинский, 2012: 152].

Мифологическое мышление существовало всегда, существует и в наше время. «Мифологическое мышление, — пишет М. Элиаде, — может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным кодам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [Элиаде, 1995: 175].

Многие ученые, разделяя миф и сказку, сходятся в том, что их отличия лежат не столько в области формы, сколько в социальных функциях: задача сказки — развлечь и научить, а мифа — объяснить мир. Именно попытка фундаментально объяснить все явления мира, космические, земные, общественные и т. п., наиболее отличает миф от сказки. Некоторые авторы считают, что миф — это один из возможных источников сказки, т. е. сказками стали раздробленные на фрагменты мифы [Пропп, 2000: 13]. Хотя персонажи мифов в основном являются богами и сверхъестественными существами, а персонажи сказок — героями и животными, наделенными волшебными свойствами, у тех и других есть нечто общее: они не принадлежат миру повседневного. Религиозный характер этого опыта есть следствие того факта, что актуализируются легендарные события, события возвышенного характера, исполненные чрезвычайной значимости. Мы как бы заново присутствуем при творческих актах сверхъестественных существ, мы покидаем мир обыденности и проникаем в мир, пронизанный их

невидимым присутствием. Речь идет не о коллективном воссоздании в памяти мифических событий, но об их воспроизведении. Мы ощущаем личное присутствие персонажей мифа и становимся их современниками.

Вряд ли можно говорить об исчезновении мифологического мышления. Как мы вскоре увидим, оно выжило и сохранилось, радикальным образом изменившись. Если говорить о сути, то миф о супермене удовлетворяет тайным вожделениям современного человека, который, осознавая себя обездоленным и малосильным, мечтает о том, что однажды он станет героем, исключительной личностью, сверхчеловеком [Элиаде, 1995: 183]. Современные мифы — культурные явления, обладающие мифологической природой, но зародившиеся в культуре научно-рационального общества. Явление современного мифа соотносится с процессами ремифологизации — стратегией интерпретации мифа как значимого, автономного, ценного опыта и универсального культурного принципа.

В XX в. в работах В. П. Руднева и ряда других ученых (С. П. Батракова, В. Б. Мириманов, Е. М. Мелетинский, А. К. Якимович) появляется термин «неомифологизм», понимаемый как творческое заимствование древних мифологических мотивов и сюжетов, уподобление художественного языка мифологическому праязыку с его полисемантизмом и ассоциативностью, создание собственных (авторских, идеологических) мифологических миров и образов [Руднев, 1997: 184—185]. Какие признаки роднят древние мифы с мифами современными? Во-первых, мифологическое мышление всегда противопоставляется рациональному. Во-вторых, миф оперирует образами, включенными в унифицированные сюжеты. В-третьих, главный персонаж мифа олицетворяет собой определенную ценность.

Р. Барт утверждает, что современная масскультура в цивилизованном обществе несколько не менее мифологична, чем первобытная культура. Суть мифа остается та же — обращение продуктов культуры в «природные вещи». Миф питает сознание людей, живущих в мире вещных ценностей. Миф, согласно Барту, является инструментом идеологии, выполняет функции убеждения, миф — это знак. По мнению ученого, носителем мифического слова способно служить все — не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, реклама [Барт, 2008].

П. Н. Барышников отмечает, что, хотя идея современного мифотворчества не нова и рассматривалась многими крупными исследователями (Е. М. Мелетинский, В. М. Найдыш, К. Хюбнер, К. А. Богданов, С. Ю. Неклюдов, Н. Г. Брагина), а также целым рядом авторов из Центра типологии и семиотики фольклора при Российском гуманитарном университете, традиционное понятие мифа связано с особой архаичной формой культуры, первобытными верованиями, древней устной традицией, не имеющей ничего общего с объективной действительностью. Как показывают современные исследования, миф, являясь неотъемлемой частью культуры, принимает новые формы воплощения в зависимости от социально-исторического фона того или иного периода. Поэтому представляется вполне закономерным в период научно-технического прогресса всплеск неомистицизма, околонучных форм знания, деятельности деструктивных сект и т. д. Эти социальные тенденции являются естественной реакцией социально-культурного пространства на посягательство со стороны

рациональной науки и высоких технологий на сакральную сторону бытия [Барышников, 2006]. «Мы являемся свидетелями того, — пишет С. Ю. Неклюдов, — как по идущим из глубины веков архаическим моделям в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках» [Неклюдов, 2000: 23].

Женские и мужские образы в видеорекламе автомобилей

В рекламной продукции всегда присутствуют знаки счастья и успеха. В рекламе автомобилей мужчина представлен успешным, а женщина — счастливой. Успех для него — это автомобиль, который он ведет. А счастье для нее — автомобиль, в котором ее везут. И действительно, рекламы, в которой женщина является полноценной участницей дорожного движения или хотя бы получает удовольствие от вождения, практически не существует.

В авторекламе можно выделить три основных женских образа:

- 1) эскорта — подчеркнуто сексуальной «искусительницы», как правило являющейся статусным приложением к дорогому автомобилю;
- 2) няньки — заботливой жены и матери (неотъемлемый образ в рекламе авто, позиционируемых на рынке как семейные);
- 3) глупышки — нерадивого водителя, воплощающего все гендерные стереотипы: неумение парковаться, преобладание эмоций над требованиями безопасности и т. п.

Мужчина же предстает мифическим героем. Чаще всего в рекламе авто используются сюжеты инициатических мифов. Они предполагают перерождение мальчика в мужчину, приобретение им новых способностей и качеств, т. е. превращение в полноценного человека (архетип героя и инициации). Герой мифа получает все: находит сакральные атрибуты господства над миром, берет в жены царскую дочь, добывает волшебные вещи, летает на волке или драконе, приручает жар-птицу и других диковинных созданий. Внешне он такой же, как все, но особый. Смысл существования образа в том, чтобы мы могли с ним идентифицироваться и преодолеть естественные пределы собственного бытия.

Герой в рекламе господствует над волшебными вещами: «пожирает» пространство на автомобиле и получает свой приз. Однако он получает приз не просто так, а должен его заслужить — сформироваться как личность. Чтобы стать независимым и обрести власть, необходимо сначала примирить конфликтующие элементы своей личности и достичь той целостности, которая и делает героя хозяином как самого себя, так и мира. Получается, что мужчина устроен сложнее и ему надо примирять разные аспекты собственной личности. В то время как женщина выглядит однонаправленной, простой и понятной, не имеющей внутренних противоречий.

В архаических обществах принципиально также наличие испытаний, с помощью их юноша доказывал, что он стал мужчиной, человеком. Они входили в ритуал, который называется инициация. В разных культурах и в разное время он реализовывался по-разному. Где-то кандидата запирали в хижине, где-то отправляли в лес, в других культурах его подвергали болезненным процедурам. В мифе эти этапы инициации отразились как наиболее частые элементы: временная изоляция от социума, контакты с иными мирами и их демоническими

обитателями, мучительные испытания, смерть с последующим возрождением в новом статусе, поглощение стихией или животным.

В традиционных инициатических мифах главным призом, который получал герой, было признание его человеком, полноценным членом общества. Сейчас ценности сменились. Целью инициации является обретение истинного себя. Таким образом, миф, в котором традиционные элементы замещены сегодняшними символами успеха (автомобиль), служит манифестации и укреплению современных ценностных установок и символов счастья. Поменялись и другие ценностные установки: вместо традиционной социализации — насыщенная жизнь, острые ощущения, преследование мечты, индивидуализм.

Реклама берет на вооружение сказочный сюжет, построенный на инициатическом мифе. Основным элементом этой инициации является приобретение волшебного помощника, которым оказывается автомобиль. В современном массовом сознании инициатический миф трансформировался: право называться человеком, которое давал обряд инициации, теперь заместили правом отказаться от обычного, рутинного, общепринятого, что представляется в различного рода испытаниях, стремлении к неизвестному, принятии нетрадиционных решений. Цели поменялись. Но при этом остались атрибуты. Инициация — это символическое перерождение через смерть, может быть метафорическую, и воскрешение уже в другом качестве [Мелетинский, 1994: 21—23].

Подтверждением этого является серия новых рекламных роликов «Toyota Rav 4» с участием титулованных российских серфера, сноубордиста и фрирайдера¹. Серфер Евгений Исаков использует автомобиль для поездок к океану. Каким образом автомобиль как предмет замещает здесь один из элементов инициатического мифа? Машина — замкнутое пространство, где герой обнажается и меняет облик (надевает гидрокостюм). Не правда ли, похоже на поглощение героя животным? Например, в Библии Иону поглотил кит. Дальше серфер проходит испытания холодом, ветром, одиночеством и даже переживает метафорическую смерть — его поглощает стихия, он ныряет в бушующий океан и выплывает живым. В другом ролике сноубордист Игорь Ильиных рассказывает, как пережил две снежные лавины и чуть не задохнулся, но выбрался живым². Таким образом, мы обнаружили элементы, имеющие параллели в инициатическом мифе, связанном с поглощением. Важной деталью рекламы, отсылающей нас к мифу, является закадровый текст: «Никогда не катайся один», но в тот момент в кадре никого, кроме спортсмена и машины. Однако это не просто машина, это защитник и друг, который помог герою стать тем, кто он есть, обрести свой путь. И животное-поглотитель, и животное-помощник. Эдакий Сивка-Бурка.

Схожий пример качественного перерождения в «истинного себя», в лучшую версию себя посредством машины мы видим в подавляющем большинстве современных роликов.

Женщина не появляется в рекламе автомобилей как архетипический герой, часть инициатического мифа, превозносящего его персонаж. Складывается ощущение, что она вообще отсутствует в рекламе авто как культурный субъект. Понятия «женский автомобиль», а соответственно и «реклама женского автомобиля»

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yE81jgU9huM> (дата обращения: 20.12.2017).

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S4WvvGodugA> (дата обращения: 20.12.2017).

нет в индустрии [Медведева, 2017: 155]. Кроме того, реклама, содержащая женские образы, выставляет женщину в негативном свете, объективирует ее. Ярким примером использования женского образа является реклама BMW с режимом автопарковки³. Женщине приходится применить чудеса пластики, чтобы выбраться из своего автомобиля, запаркованного вплотную к соседнему, в то время как мужчина просто нажимает кнопку автоматической парковки на пульте. Машина паркуется, он наблюдает. Очевидны стереотипы о превосходстве мужского над женским. Женщина, загнав себя в трудную ситуацию, прибегает к «женским» способам из нее выбраться и использует возможности своего тела. Женщине приходится работать телом, а мужчине — мозгами. Главный принцип сексизма налицо.

В рекламе «Fiat 500S» разработчики тестируют авто на устойчивость к ударам женской сумочки по лобовому стеклу и хлопанию двери⁴. Таким образом женщина позиционируется как угроза автомобилю и материальному благосостоянию в целом из-за своего неразумного и неадекватного поведения. Мужчина предстает предусмотрительным, способным обеспечить безопасность своей ответственности. Опять мужчина поработал мозгами, а у женщины одни эмоции.

В другом рекламном ролике этой же модели со слоганом «Размер имеет значение» эксплуатируется сексуальный женский образ⁵. Девушка счастлива ехать с мужчиной в маленьком авто, потому что, во-первых, авторы рекламы намекают: физиологические размеры, которыми обладает сам мужчина, ее более чем устраивают, а во-вторых, столь компактная машина отлично помещается на его яхте. В конкретном случае женщина предстает еще и меркантильной.

В рекламе «Skoda Octavia 2017» со слоганом «Вся семья в сборе» мы видим другую типичный женский персонаж. Она носит платье и длинные волосы, восхищается выбором мужа, заботливо складывает вещи в багажник перед длительной поездкой, усаживает ребенка в автокресло и выражает абсолютную удовлетворенность своей жизнью⁶. Мы видим няньку.

Таким образом, в рекламе авто женщина чаще всего появляется как объект, а не субъект. Насколько глубоко закрепилось это неравенство? Можно ли обобщать? Есть ли альтернатива? Для полной картины рассмотрим редкие, но все же существующие ролики, где женщины играют главную роль. В них можно обнаружить признаки гендерного равноправия. Но поданы они весьма специфически. В рекламе «Volkswagen Golf» в главной роли бабушка, которая продает машину молодому парню⁷. Это иронический персонаж. В ролике мы узнаем, что она первоклассный водитель, владеющий техниками экстремального управления автомобилем. Однако, чтобы сделка состоялась, она предстает в образе бабушки-одуванчика и делает вид, что признает опытность и превосходство мужчин.

³ URL: https://youtube.com/watch?feature=youtu.be&v=6_ZEbt5VzY4 (дата обращения: 20.12.2017).

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?feature=youtu.be&v=BOXCJ2v91-c> (дата обращения: 20.12.2017).

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?feature=youtu.be&v=mR89ytsFBv4> (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ URL: <https://youtube.com/watch?v=Orz85LBRq7U> (дата обращения: 20.12.2017).

⁷ URL: <https://youtube.com/watch?v=OtN3jtYPn4o> (дата обращения: 20.12.2017).

Создатели ролика как бы говорят: женщина может быть круче на дороге, но в обществе заявлять об этом прямо неприлично.

Нестандартный маркетинговый ход предпринят в серии реклам «Mazda 6». Это юмористический мини-сериал про говорящую машину «Ты, я и моя машина», состоящий из пяти трехминутных серий. Женский искусственный интеллект воплощает образ мудрого стратега, более предусмотрительного и находчивого, чем мужчина-водитель. Она не только помогает ему избежать аварийных ситуаций, но и дает советы по поводу отношений с женщинами. Словно Елена Премудрая. Особенности женского темперамента ярко проявлены в поведении помощницы. Она остроумна, независима, принимает решения наперекор воле мужчины («Слишком много себе позволяет»), ревнива, уверена в себе («Я произвожу впечатление»), восхищает его друзей своей внешностью, но позволяет себе едкие шутки в их адрес, требует к себе уважения и бережного отношения, иногда выставляет мужчину в неловком свете («Ты называешь это “охренела”, я называю это системой повышенной безопасности»), но остается преданной — не заводится с другим водителем⁸. Это не живой человек, это тоже объект.

Будет несправедливым сказать, что маркетологи совсем не делают попытки уравнивать возможности женщин и мужчин — автомобилистов. Обнаружить такие попытки было крайне сложно, но они есть, например в рекламе «Audi»⁹. Высокохудожественный ролик с острым сюжетом. Два парковщика (мужчина и женщина), работающих в отеле, одинаково технично дерутся за приз — возможность отогнать на парковку роскошную «Ауди» нового постояльца. Слоган — «Прекрасные вещи стоят того, чтобы за них сражаться». Концепция ролика заключается в том, что мужчина и женщина могут бороться за лидерство, за обладание благами, за право наслаждаться жизнью. Но этот ролик создан для международного конкурса видеорекламы, следовательно, является художественным высказыванием, а не коммерческим. Что говорит само за себя.

Интересным фактом является то, что отечественный производитель — концерн «Лада» поддерживает «смелую» тенденцию гендерного равенства. В рекламе «Lada Vesta» в кадре поочередно мы видим молодую девушку и мужчину — каждый за рулем своего автомобиля¹⁰. Что немаловажно, автомобили одинаковые. Только у мужчины машина серая, а у женщины — салатная. Они едут по разным дорогам, но с одинаковой скоростью. Девушка технично и безупречно паркуется. Они знакомятся и впоследствии создают семью с двумя детьми. После чего, надо отметить, женщина становится пассажиром.

Выводы

Реклама отражает мировоззрение и представления массовой аудитории о распределении социальных ролей. Кроме того, в нее интегрированы мифологические сюжеты, архетипичные образы. Рекламные послания, как правило, основаны на устойчивых социальных представлениях или стремятся сформировать их. И если учитывать, что цель рекламы — повысить количество продаж,

⁸ URL: https://youtube.com/watch?v=iN_qYiUtkKE (дата обращения: 20.12.2017).

⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NvKXbp2YHg0> (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁰ URL: <https://youtube.com/watch?v=brhPYkswqP4> (дата обращения: 20.12.2017).

то вряд ли маркетологи не заинтересованы в активизации покупательской активности в женском сегменте. Но судя по всему, гендерные стереотипы с их патриархальными чертами по-прежнему столь сильны, что консервативных образов достаточно для поддержания экономической эффективности рекламных кампаний. Это отражает и степень лояльности женского сообщества к сложившейся картине.

Тем не менее объективация в рекламе способствует укреплению сексизма на уровне культурной репрезентации женщин. Значимость вопроса определяется тем, что социальная справедливость в ее современном звучании неразрывно связана с проблематикой социального, а также гендерного равенства и является едва ли не основным маркером, обозначающим границу между нормами традиционного и современного общества. Анализ видеорекламы автомобилей отражает глубину гендерного неравенства. Однако в последние годы маркетологи автоконцернов стали создавать рекламные ролики, продвигающие образ женщины как полноценной участницы дорожного движения. Первопроходцем в этом можно уверенно назвать компанию «Audi». Надо отметить, что и отечественная «Лада» поддерживает идею гендерного равенства в последнем рекламном ролике.

Проводя работу по исследованию рекламных мифов в автомобильном сегменте, мы обнаружили проявления тотального сексизма. Реклама отражает современные представления о социальном устройстве общества. И эти представления приравнивают нас к нашим древнейшим предкам по патриархальности взглядов. Архетипические сюжеты продолжают активно использоваться в автоиндустрии: мужчина изображается мифическим героем, женщина — объектом. Учитывая способность рекламы отражать и консервировать социальные установки, следует констатировать, что популярность таких сценариев доказывает высокий уровень сексизма в современном обществе [Медведева, 2017: 156].

Библиографический список

- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Мифологии. М.: Академ. проект, 2008. С. 188—228.
- Барышников П. Н.* Мифология современности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 1. С. 182—189.
- Медведева Е. И.* Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе современных автомобилей // Медиа в современном мире: молодые исследователи: материалы 16-й Международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. СПб., 2017. С. 154—156.
- Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 136 с.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Акад. проект, 2012. 331 с.
- Неклюдов С. Ю.* Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России: сборник / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордогова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17—38.
- Показатели состояния безопасности дорожного движения. 2017. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.12.2017).
- Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Руднев В. П.* Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1997. 384 с.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1995. 240 с.
- Greeley A.* Myths, symbols and rituals in the modern world // The Critic. 1961. Vol. 20, № 3. P. 18—25.

References

- Bart, R. (2008) Mif segodnia [Myth today], in: Bart, R. *Mifologii*, Moscow: Akademicheskii proekt, pp. 188—228.
- Baryshnikov, P. N. (2006) Mifologiya i sovremennost' [The mythology of modernity], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, no. 3, pp. 182—189.
- Éliade, M. (1995) *Aspekty mifa* [Aspects of the myth], Moscow: Invest-PPP.
- Greeley, A. (1961) Myths, symbols and rituals in the modern world, *The Critic*, vol. 20, no. 3, pp. 18—25.
- Meletinskiĭ, E. M. (1994) *O literaturnykh arkhetyпах* [About literary archetypes], Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyiĭ gumanitarnyiĭ universitet.
- Meletinskiĭ, E. M. (2012) *Poetika mifa* [The poetics of myth], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Nekliudov, S. Iu. (2000) Struktura i funktsiia mifa [The structure and function of the myth], in: Aĭmermakher, K., Bomsdorf, F., Bordiugov, G. (eds), *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii*: Sbornik, Moscow: AIRO-XX, pp. 17—38.
- Pokazateli sostoiianiia bezopasnosti dorozhnogo dvizheniia* (2017) [Indicators of road safety], available from <http://stat.gibdd.ru> (accessed 20.12.2017).
- Propp, V. Ia. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the magic tale], Moscow: Labirint.
- Rudnev, V. P. (1997) *Slovar' kul'tury XX veka: Kliuchevye poniatii i teksty* [The dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts], Moscow: Agraf.

Статья поступила 17.01.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Медведева Екатерина Игоревна — аспирантка кафедры менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, ketmermaid@gmail.com (Post-graduate student at the Management in Mass Communications Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 97—110
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.9

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 97—110
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.9

ФЕНОМЕН СОЖИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ: МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

С. А. Сукнева, А. С. Барашкова

Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера,
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, sa.sukneva@s-vfu.ru

Рассматриваются масштабы, причины и некоторые демографические последствия феномена сожительства в северном регионе. Появление устойчивой тенденции упрощения и ухудшения семейного состава населения зависит и от выбора формы брака. В настоящее время в Якутии каждая шестая пара предпочитает официально не оформлять свои отношения. С привлечением материалов всероссийских переписей населения показаны масштабы территориальной дифференциации распространения сожительства для представителей трех возрастных когорт. Проанализированы причины и возможные демографические последствия неоформленных брачных отношений по результатам анкетного опроса и групповых фокусированных интервью. Сожительство как возможность проверить данный брак выходит на первую позицию во всех вариантах ответов мужчин и женщин независимо от возраста. Установлено, что незарегистрированные брачные отношения выступают ограничивающим фактором реализации репродуктивных планов населения.

Ключевые слова: сожительство (незарегистрированный брак), возрастные когорты, анкетный опрос, групповое фокусированное интервью, причины предпочтения сожительства, промышленный район, сельский район, северный регион.

THE PHENOMENON OF COHABITATION IN THE NORTHERN REGION: EXTENT, CAUSES AND DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES

S. A. Sukneva, A. S. Barashkova

Research Institute of Regional Economics of the North,
North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, sa.sukneva@s-vfu.ru

Understanding cohabitation not only as a sign of the institutional crisis of the traditional marriage, but also as a recognition of the objectivity of this phenomenon necessitates consideration in sparsely populated remote regions of the country. At present in Yakutia every sixth

© Сукнева С. А., Барашкова А. С., 2019

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ по проекту № 26.8327.2017/8.9 и поддержанного РФФИ проекта № 17-02-00446 «Влияние трансформаций социально-экономической среды на репродуктивное поведение поколений в регионе традиционной многодетности».

married couple prefers to not register their marriage relationship and this without a doubt is one of the reasons for simplification and the deterioration of the family composition of the population of the Republic. From 2002 to 2010 the total number of married people remained almost the same, while the number of cohabitants rose 1,4 times. Very significant territorial differences can be found in the character of the changes in this indicator for both the general population and representatives of the three cohorts. Based on the materials of the survey and the group-focused interviews, causes and possible demographic consequences of the phenomenon of cohabitation are analyzed. The respondents mentioned “the opportunity to test this marriage” factor as the main one. This answer prevails in the responses of both men and women, regardless of their place of residence. Among other arguments of loyal and even sympathetic attitudes toward cohabitation, the respondents mention such notions and opportunities as: trusting each other and the ease of termination in case of failure. In each focus group, it was noted that illegitimate forms of marriage is brought from outside, is — in a way — some kind of “fashion”. This fashion for Yakuts mentality is detrimental. An important argument for the critical attitude of the society towards the phenomenon of cohabitation is also its restrictive effect on the birth-rate.

Key words: cohabitation (unregistered marriage), age cohorts, questionnaire survey, the focus group interviews, reasons for choosing cohabitation, industrial area, rural area, Northern region.

Введение

Демографическое развитие огромной по площади территории Якутии определяется влиянием как инерционных, так и динамических демографических процессов. В ряду весьма неустойчивых по характеру процессов, усугубляющих неблагоприятную демографическую ситуацию региона, особое место принадлежит процессам брачности и разводимости. Динамизм процессов брачного поведения населения во многом зависит от степени восприимчивости им новых веяний в сфере брачно-семейных отношений. Один из результатов этой восприимчивости — следование модели свободных отношений мужчины и женщины в форме сожительства (незарегистрированный брак). Считается, что образцы демографического поведения, раз возникнув, распространяются очень быстро и причина этого заключается в наличии сходных глубинных оснований новых типов поведения [Михеева, 1996: 49].

В исследованиях зарубежных и отечественных ученых доказывается, что глубинные основания новых типов поведения, включая брачное поведение, предопределены модернизацией института семьи в рамках второго демографического перехода [van de Каа, 2001; Вишнеvский, 2017]. В основе модернистского подхода лежит понимание объективности происходящих трансформаций, в том числе в плане нелегитимизации супружеских отношений. Сожительство (кохабитационный союз) рассматривается как результат эволюции брачного поведения, новая социальная норма [Голод, 2003; Захаров, 2007; Митрикас, 2004; Лактюхина, Антонов, 2015]. Сторонники данного подхода воспринимают сожительство как закономерный предбрачный этап, «пробный брак», период выбора партнера и подготовки к браку [Martin, They, 2001; Егорова, 2016] с вытекающими отсюда изменениями функций семьи, межличностных отношений, ценности семьи или всего «приватно-демографического поля» [Михеева, 2012: 42—54].

Иной позиции придерживаются сторонники теории кризиса семьи. В условиях растущих в российском обществе тенденций индивидуализма и рационализма, повышения личностного характера брачно-семейной жизни сожительство рассматривается ими как индикатор ценностного кризиса, проявление деструктивных процессов в поле брачного поведения [Харчев, Мацковский, 1978; Карлсон, 2003; Борисов, Синельников, 1996; Синельников, 2016]. Конструктивным в их подходе представляется поиск путей реставрации основных институтов и восстановления утраченных ими функций [Антонов, 2014].

Понимание сожительства не только как признака институционального кризиса традиционного брака, но и как объективного явления в существующих реалиях вызывает необходимость его рассмотрения в малонаселенных отдаленных регионах страны, к каковым относится Республика Саха (Якутия). Наш интерес к данному вопросу обусловлен также ухудшающейся семейной структурой населения республики, по сути появлением устойчивой тенденции концентрации семей недопустимо малого размера (из двух человек). Рост числа малых семей, главным образом состоящих из матери с ребенком, происходит несмотря на непреходящую ценность семьи, традиции многодетности, высокие показатели рождаемости [Sukneva, Barashkova, 2016; Сукнева, 2017]. Определенная роль в этом, видимо, принадлежит и свободе выбора формы брака. Так, в 2002 г. 13,1 % мужчин и 13,2 % женщин среди лиц, состоящих в браке, пребывали именно в незарегистрированном браке. К 2010 г. таковых оказалось 17,8 % и 17,9 % соответственно. За рассматриваемый период общая численность лиц, состоящих в браке, практически не изменилась, а численность сожителей возросла в 1,4 раза [Состояние в браке... , 2006; Возрастно-половой состав... , 2012].

Изучение вопроса распространения нелегитимных форм брачных отношений особенно интересно при сопоставлении районов, резко различающихся по самым разным параметрам (специализация экономики, территориальная мобильность жителей, этнический состав и др.). Предполагаем, что в промышленных районах, заселенных мигрантами со всех уголков бывшего Советского Союза, доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке, будет выше, чем в сельском районе. Сельские жители в мононациональном районе республики (удельный вес якутов 97,8 % среди бракоспособного населения) в целом придерживаются традиционных норм в вопросе регистрации брака. Однако будет ли отношение социума к данной форме брака и объяснение причин распространения гражданских браков диаметрально противоположным в модельных районах¹? Итак, круг решаемых в статье вопросов таков: анализ масштабов сожительства, изучение мнений жителей двух весьма контрастных районов относительно причин распространения сожительства, а также их возможного воздействия на реализацию (нереализацию) репродуктивных планов женщин.

Информационная база

Определение масштабов сожительства и направлений изменения численности сожительства осуществлено по данным всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Анализ причин распространения сожительства, а также его

¹ В качестве модельных территорий взяты один промышленный район (Нерюнгринский) и один типично сельский район (Чурапчинский) Центральной Якутии.

возможных демографических последствий основан на материалах комплексного социологического опроса². Опрос проведен в форме анкетирования по многоступенчатой квотной стратифицированной выборке в городской и сельской местности 17 муниципальных районов республики (n=1670, ошибка выборки — 2,8 %). При сопоставлении полученных ответов акцент сделан на анализе мнений представителей трех возрастных когорт — лица моложе 25 лет, 25—34-летние и 35—49-летние (n=1130). Для выявления отношения социума к незарегистрированным бракам привлечены также материалы 4 групповых фокусированных интервью в типично сельском районе.

Результаты исследования

Количественное измерение феномена сожительства

Действительно ли сожительство в Якутии стало статистически значимым явлением? Ответ, безусловно, утвердительный. Сравнение направлений изменения численности мужчин и женщин, пребывающих в разных формах брака, говорит в пользу роста абсолютной численности тех, кто не зарегистрировал свой брак (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста абсолютной численности мужчин и женщин Республики Саха (Якутия) в возрасте 16 лет и старше, состоящих в браке, за 2010—2002 гг., %³

Пол	Состояние в браке	Все население	В том числе		
			моложе 25 лет	25—34 лет	35—49 лет
Мужчины	Все состоящие в браке	0,5	10,8	3,1	-19,3
	В том числе:				
	зарегистрированном	-4,9	-5,7	-4,3	-24,6
	незарегистрированном	36,5	59,5	37,2	20,2
Женщины	Все состоящие в браке	0,4	-0,8	6,1	-19,7
	В том числе:				
	зарегистрированном	-5,0	-12,8	-1,6	-24,8
	незарегистрированном	36,1	34,7	45,6	22,6

Наиболее видимую активность в этом плане выказывают молодые мужчины (до 25 лет) и 25—34-летние женщины.

О масштабах распространения феномена сожительства можно судить по динамике доли сожителей в общей численности мужчин и женщин, состоящих в браке, и по соотношению их числа и числа зарегистрированных браков (табл. 2).

² Социологический опрос по изучению демографических, социальных, структурных особенностей и тенденций воспроизводства человеческого потенциала Республики Саха (Якутия) проведен в сентябре — октябре 2017 г. на территории республики. Руководители исследования — доктор экономических наук С. А. Сукнева и доктор социологических наук И. И. Подойницына.

³ Рассчитано по: [Состояние в браке..., 2006: 40—41; Возрастно-половой состав..., 2012: 80—81].

Таблица 2

**Динамика отдельных показателей феномена сожительства
 в Республике Саха (Якутия)⁴**

Население	2002 г.		2010 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	<i>Удельный вес сожителей, % от численности состоящих в браке</i>			
Все население	13,1	13,2	17,8	17,9
В том числе:				
моложе 25 лет	25,3	25,2	36,5	34,3
25—34 лет	17,7	16,3	23,5	22,4
35—49 лет	11,8	10,8	17,5	16,4
	<i>Количество незарегистрированных браков на 100 зарегистрированных</i>			
Все население	15,1	15,2	21,6	21,8
В том числе:				
моложе 25 лет	33,9	33,7	57,4	52,1
25—34 лет	21,5	19,5	30,8	28,9
35—49 лет	13,3	12,1	21,2	19,7

Видно, что за межпереписной период произошло повышение относительной численности сожителей по всем группам населения. Так, если в 2002 г. в самой молодой группе в незарегистрированном браке жила каждая 4-я пара, то в 2010 г. — уже каждая 3-я. Удельный вес сожителей мужчин и женщин старших возрастов не столь высок, но также не может не тревожить. Закономерным следствием обнаруженных тенденций является ухудшение ситуации и в плане соотношения числа незарегистрированных и числа официально зарегистрированных браков.

Анализ количественных параметров феномена сожительства в модельных районах⁵ позволяет заметить более выраженное предпочтение гражданского брака в промышленном районе, нежели в среднем по республике, а тем более в сельском районе (табл. 3).

Видно, что в промышленном районе форма гражданского брака более распространена (популярна) среди очень юных супругов. Так, 43,3 % мужчин и 35,8 % женщин в возрасте моложе 25 лет состоят именно в гражданском браке. Среди их ровесников — жителей сельского района лиц, останавливающих свой выбор на незарегистрированных партнерских отношениях, заметно меньше. Обнаруживается, что мужчины вне зависимости от района проживания чаще, нежели женщины аналогичного возраста, предпочитают жить в незарегистрированном союзе.

⁴ Рассчитано по: [там же].

⁵ Информация в интересующем нас разрезе (порайонный, возрастной, гендерный) имеется лишь в переписи 2010 г.

Таблица 3

Показатели феномена сожительства в модельных районах, 2010 г.⁶

Район	Мужчины			Женщины		
	моложе 25 лет	25—34 лет	35—49 лет	моложе 25 лет	25—34 лет	35—49 лет
	<i>Удельный вес сожителей, % от численности состоящих в браке</i>					
Промышленный	43,3	24,4	17,6	35,8	22,4	16,3
Сельский	18,4	12,2	8,6	17,4	11,4	7,6
	<i>Количество незарегистрированных браков на 100 зарегистрированных</i>					
Промышленный	76,3	32,3	21,3	55,9	28,9	19,5
Сельский	22,6	13,9	9,4	21,1	12,8	8,3

В определенной степени выбор незарегистрированной формы брака в промышленном районе может быть объяснен тем фактом, что его население сформировано за счет мигрантов. В их брачном поведении, вероятно, более важны те установки в отношении брака, которые преобладают в местах их выхода и привнесены в Якутию. Неснижающийся уровень миграционной подвижности населения Нерюнгринского района обуславливает то, что отношения в брачно-семейной сфере зачастую имеют временный характер.

Свободные партнерские отношения наблюдаются и в типичном аграрном районе, однако их масштабы несопоставимы с тем, что наблюдается в районе горнопромышленной специализации. Население живет здесь испокон веков, и, несмотря на усиление миграционной мобильности в последние десятилетия, причем в пределах республики, в вопросе регистрации брака придерживается преимущественно традиционных норм поведения.

Причины распространения сожительства

В инструментарий комплексного социологического обследования был включен вопрос о причинах распространения сожительства и отказа от официальной регистрации брачных отношений. По брачности нами были выделены группы респондентов, состоящие в зарегистрированном браке и официально незарегистрированном брачном союзе. Заметные различия наблюдаются в соотношении незарегистрированных и зарегистрированных браков у представителей различных поколений. По мере увеличения возраста респондентов растет преобладание официальной формы регистрации брачных отношений. В то время как в группе моложе 25 лет на 100 официальных браков приходится 57 незарегистрированных, в поколении 25—34-летних — уже 21, в 35—49-летней группе — 17. При этом доля респондентов, предпочитающих официально не регистрировать брачные отношения, в данных поколениях составляет 6,3, 11,3 и 11,4 % соответственно. Городские жители заметно опережают сельских по количеству незарегистрируемых браков. Так, среди молодых горожан на 100 респондентов, зарегистрировавших брак, приходится 64 не оформивших брачные отношения, в то время как среди молодых сельчан — 38.

⁶ Рассчитано по: [Возрастно-половой состав... , 2012: 114—115, 140—143].

Анализ гендерных различий в отношении к регистрации брака свидетельствует о том, что женщины чаще пребывают в незарегистрированном браке: на 100 официально зарегистрированных браков мужчин приходится 14 незарегистрированных, в то время как у женщин — 20. В самой младшей возрастной группе гендерные различия небольшие: у мужчин незарегистрированных браков 54, у женщин — 59. В наиболее активной в репродуктивном отношении возрастной когорте 25—34-летних показатель у женщин почти в 2 раза превышает показатель у мужчин — 29 и 15 соответственно. В поколении 35—49-летних гендерных различий в отношении к регистрации брака не наблюдается: на 100 официальных браков приходится 17 незарегистрированных.

В ходе обследования рассмотрены основные причины распространения нерегистрируемой брачности, так называемых гражданских браков. Самым частым ответом на вопрос «Почему распространены гражданские браки?» является вариант «возможность проверить данный брак» — 23,6 % от всех ответивших. Гендерные различия прослеживаются практически во всех вариантах ответов, при этом для женщин более важными являются варианты «возможность проверить данный брак», «неуверенность в партнере», «женщины более самостоятельны и не желают зависеть от мужчин». Мужчины чаще выбирают такие варианты ответов, как «безответственность», «боязнь за собственное имущество», «проявление индивидуальности». Вариант ответа «возможность в случае рождения ребенка иметь статус матери-одиночки» получил одинаково низкую поддержку мужчин и женщин — 2,4 % (рис. 1).

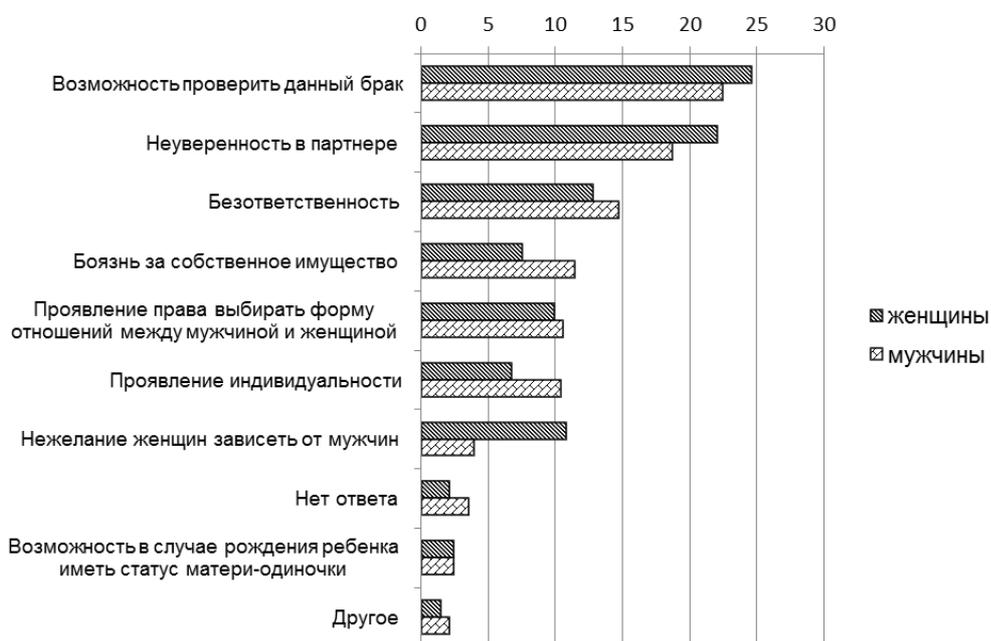

Рис. 1. Причины распространения гражданских браков, %

Различия в выборе вариантов ответов наблюдаются также и в зависимости от принадлежности к различным поколениям. Для мужчин — представителей самой младшей когорты — отношение к гражданским бракам как «проявлению индивидуальности» стоит на втором месте по значимости, на выбор данного варианта приходится 15,0 % всех ответов. У женщин моложе 25 лет на второй позиции стоит вариант ответа «неуверенность в партнере» — 17,4 %. У представительниц поколения 25—34-летних на второе место по значимости выходит вариант ответа «неуверенность в партнере» — 24,5 %, для мужской половины рассматриваемой когорты эта причина также занимает вторую позицию, хотя выбравших данный вариант ответа несколько меньше — 19,7 %. По мере взросления брачных поколений возрастает значимость такой причины, как «безответственность», причем мужчины чаще называют ее в качестве аргумента повременить с регистрацией брака. Так, в поколении 35—49-летних мужчин этот вариант ответа выбирается в 15,7 % случаев, в то время как женщины данной возрастной когорты несколько реже считают эту причину важной — 13,2 % случаев.

Сожительство и потенциал рождений

Возможные последствия распространения сожительства рассмотрены через призму репродуктивных планов респондентов. В ходе обследования получены ответы на вопрос о желаемом и ожидаемом числе детей. Среднее желаемое число детей в группе моложе 25 лет составляет 2,5, в то время как для когорты 25—34-летних оно достигает 2,85, а для 35—49-летних — 2,93. Репродуктивное поведение в значительной мере дифференцируется в зависимости от брачного статуса респондента. Так, для лиц, состоящих в зарегистрированном браке, среднее желаемое число детей составляет 3,1, в то время как в незарегистрированном браке — лишь 2,7. Еще большие различия имеются по ожидаемому числу детей: 2,12 для всех возрастных когорт и 2,33 и 2,03 соответственно для состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке.

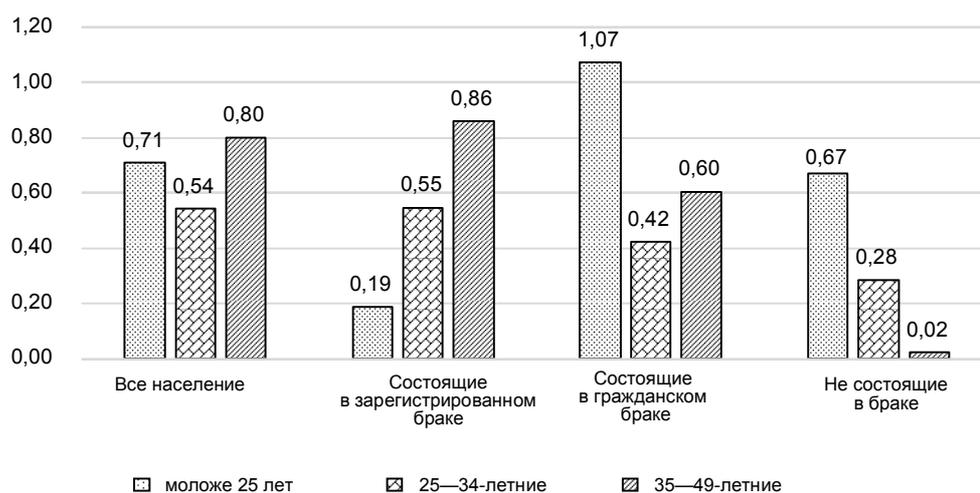

Рис. 2. Резерв роста рождений в зависимости от брачного состояния и возраста респондентов, среднее число рождений

Нами рассчитаны показатели резерва повышения рождаемости, определяемого как разница между средним желаемым и ожидаемым числом детей в соответствующей когорте (рис. 2). Как показали расчеты, потенциал рождений самой активной в репродуктивном плане возрастной когорты 25—34-летних в значительной мере уже реализован в настоящее время. В когорте моложе 25 лет самым высоким нереализованным потенциалом отличаются респонденты, состоящие в незарегистрированном браке, а также пока не создавшие семью.

Суждения участников фокус-групп о причинах сожительства

Материалы фокусированных групповых интервью, в отличие от ответов по формализованной анкете, дают более широкий спектр суждений о причинах распространения сожительства. Лишь установка модератора, что по данному вопросу участники интервью выступают в качестве экспертов⁷, позволяет им раскрыться в достаточно полной мере. Признается, что гражданский брак — признак современной жизни, свидетельство трансформации брачно-семейных отношений и чаще встречается в городе: *«Сельские люди все-таки проще, и в плане семьи нравы более жесткие. Здесь люди считают, что если создаешь семью, то должен оформить ее официально. Для сельских людей — это как закон, и они пытаются этого придерживаться. Считается, что день свадьбы — это день, когда люди делают вместе шаг в совместную семейную жизнь»* (Нина, 28 лет); *«Нет ценности семьи в понимании моего поколения, мы слишком поддались влиянию Запада. Это губительно для людей с другим менталитетом. Незрелые умы нашей молодежи быстро подхватили это»* (Мира, 49 лет).

В основном преобладает мнение, что живут без регистрации, поскольку боятся ответственности и якобы пользуются свободой. Сожительство, по мнению молодых участников интервью, проявление права выбирать. Поэтому возникает своего рода конфликт поколений, когда речь заходит о степени самостоятельности молодых в данном вопросе. Старшее поколение указывало на эгоизм, на неподготовленность к браку, на то, что молодые люди *«по-другому воспитаны, не как их отцы и матери»* (Семен, 46 лет), *«к жизни относятся как к игре, сегодня с одной, потом — с другой»* (Родион, 45 лет).

В то же время признается, что сейчас люди больше проявляют индивидуальность в этом плане, особенно женщины, которые стали увереннее, финансово могут сами себя обеспечивать, *«а мужчины, наоборот, не способны даже прокормить семью»* (Александра, 29 лет). Женщины, как правило, в безынициативности, безответственности обвиняют мужчин: *«В душе любая женщина хочет предложения руки и сердца, надеть белое платье, и значит, все зависит от мужчины»* (Акулина, 31 год). В противовес такому женскому мнению мужчины считают, что девушки стали весьма раскрепощенные, зачастую женят на себе.

Нередко причина безответственного отношения к браку обусловлена излишней опекой подрастающего юноши в родительской семье, который не готов преодолевать даже самые незначительные препятствия. Именно при сожительстве *«чуть что не так, мужчина сразу собирает вещи»*, а женщина, по всей

⁷ Якуты-селяне — закрытый народ, и только при неоднократном общении с ними или снятии психологических барьеров можно достичь доверительного разговора.

видимости, не имеет моральных и иных мотивов его удерживать. Адюльтер в законном браке, при котором «муж — собственность», недопустим, а при сожительстве кажется вполне позволительным.

Отмечается, что многие молодые не видят разницы между зарегистрированным и незарегистрированным браком, остальные боятся штампа или, наоборот, не придают ему значения. В каждой группе подчеркивались просчеты семьи в сексуальном воспитании детей, недостаточность обучения азам отношений между мужчиной и женщиной.

Все группы выразили мнение, что нелегитимные формы брака — это влияние некой моды, особенно среди молодежи. *«Живут сегодняшним днем. Вижу, студенты активно вступают в такие отношения, снимают квартиру, живут вместе. При этом не придают значения истинным супружеским отношениям с набором ответственности за каждого. Это, возвращенное в родительской семье, часто создает трещины. И ведь не придают этому никакого значения»* (Виктория, 32 года). Участников разговора волнует, что такой опыт ничего положительного с собой не несет. Зыбкость межличностных отношений, риск развода, боязнь за судьбу ребенка (детей), пожалуй, вынуждают многих женщин, как в равной степени и мужчин, не оформлять фактически существующий брак. Высказывают такое мнение чаще самые старшие по возрасту в группах.

Относительно новым веянием времени считается также меркантильность сожительствующих супругов: не узаконивать отношения, а рождение ребенка оформить, например, как внебрачное из-за большего размера пособия матери-одиночке и других привилегий. В условиях села у гражданского мужа, имеющего неплохой заработок, высок шанс на получение крупного кредита, так как он свободный, без детей.

Среди доводов лояльного и даже одобрительного отношения к гражданским бракам приводятся истинность чувств, доверие друг другу; легкость расторжения союза, который не сложился; возможность для молодежи проверить себя. Об этом рассуждают не только молодые, но и представители старшего возраста, которые чаще, чем молодые, сожительство связывают с повторными браками. В отдельных случаях проявлялось явное неприятие сожительства (*«это распущенность», «какой пример подают своим же детям, которых к тому же оставляют у родителей»*). Высказывались также мнения, что женщина, живя в гражданском браке, не всегда решится на рождение ребенка, ведь все так неопределенно, а воспитывать одной ребенка сложно. При любом отношении к данной форме организации частной жизни участники фокусированных интервью достаточно часто выражали опасения за судьбу женщины/мужчины, никак не регулирующих свои матримониальные намерения.

Выводы

Анализ официальной статистической информации показал, что сожительство в Якутии обрело масштабы статистически учитываемого явления. Оно более выражено в промышленном районе, нежели в среднем по республике и сельском районе. Это не в последнюю очередь связано с высокой миграционной подвижностью жителей, временностью проживания в районе и, как следствие, временным характером брачно-семейных отношений. Хотя случаи сожительства

фиксируются и в типичном аграрном районе, однако их масштабы несопоставимы с тем, что наблюдается в промышленном районе.

Заметные различия имеются в соотношении незарегистрированных и зарегистрированных браков у представителей различных поколений. По мере увеличения возраста респондентов растет преобладание официальной формы регистрации брачных отношений. Городские жители заметно опережают сельских по показателю распространенности незарегистрируемых браков. Наличие гендерных различий в отношении к регистрации брака свидетельствует о том, что женщины чаще пребывают в незарегистрированном браке. Сожительство как возможность проверить данный брак выходит на первую позицию во всех вариантах ответов мужчин и женщин, независимо от возраста. При этом женщины также причинами распространения незарегистрируемых браков считают неуверенность в партнере, желание быть самостоятельной и не зависеть от мужчин. Мужчины чаще выделяют такие факторы, как безответственность, боязнь за собственное имущество и проявление индивидуальности.

Анализ потенциальной рождаемости выявил ее снижение у представителей молодых поколений. Отмечено существенное влияние брачного статуса респондентов на репродуктивные планы. Так, не состоящие в браке респонденты имеют самый высокий резерв рождений, отражающий значительное расхождение между желаемым и ожидаемым числом детей. У респондентов, официально не оформляющих брачные отношения, заметно ниже среднее желаемое число детей. Видимо, неуверенность в брачном партнере, являющаяся одним из основных мотивов гражданских браков, накладывает свой отпечаток на репродуктивные планы.

В ходе фокусированных групповых интервью обнаружилось, что причины сожительства часто кроются в общей неподготовленности молодежи к браку, полноценной семейной жизни. Неуверенность в сожителе, невозможность увидеть его в качестве главы семьи в будущем побуждают женщину, несущую большую ответственность за детей, инициировать подобную форму отношений. Нерешительность в данном вопросе молодые участники фокус-групп рассматривают как итог общей неуверенности в завтрашнем дне, неснижающегося уровня тревожности населения. Отказ от регистрации фактически существующего брака, по мнению старшего поколения, — следствие трансформированного понимания молодежью свободы в сфере сексуального поведения.

Библиографический список

- Антонов А. И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5 (121). С. 68—74.
- Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1996. 117 с.
- Вишневский А. Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах: Девятое Валентеевские чтения: сборник статей и тезисов выступлений. М.: Экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 34—37.
- Возрастно-половой состав и состояние в браке населения Республики Саха (Якутия) // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2012. Т. 2. 159 с.

- Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 106—119.
- Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 12—21.
- Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСИП, 2007. С. 75—126.
- Карлсон А. Общество — семья — личность: социальный кризис Америки: альтернативный социологический подход / пер. с англ. под науч. ред. А. И. Антонова. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.
- Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4 (81). С. 82—95.
- Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65—73.
- Михеева А. Р. Сожительства в сибирской деревне: опыт ретроспективного анализа // Семья в России. 1996. № 2. С. 48—64.
- Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.
- Синельников А. Б. Гендерные и брачно-семейные различия в ценностных предпочтениях // Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса: материалы II Международной научно-практической конференции (8 декабря 2016 г.). М.: Экон-Информ, 2016. С. 228—235.
- Состояние в браке и рождаемость населения Республики Саха (Якутия) // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: статистический сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2006. Т. 7. 121 с.
- Сукнева С. А. Современные тренды рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 51—57.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы: (социально-демографическое исследование). М.: Статистика, 1978. 223 с.
- Martin C., Thery I. The PACS and marriage and cohabitation in France // International Journal of Law, Policy and the Family. 2001. № 15 (1). P. 135—158.
- Sukneva S. A., Barashkova A. S. Family in the system of Northerners life values // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Vol. 52, № 2. P. 113—130.
- Van de Kaa D. J. Demographic transition, second // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. Vol. 5. P. 3486—3488.

References

- Antonov, A. I. (2014) *Sovremennye tendentsii detnosti sem'i i tseli semejno-demograficheskoi politiki* [Modern trends of family fertility and socio-demographic policy goals], *Ekonomicheskie strategii*, no. 5 (121), pp. 68—74.
- Borisov, V. A., Sinel'nikov, A. B. (1996) *Brachnost' i rozhdmost' v Rossii: demograficheskii analiz* [Nuptiality and fertility in Russia: demographic analysis], Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut sem'i.
- Egorova, N. Iu. (2016) *Sozhitel'stvo v brachnykh strategiakh molodykh: vospriatie i praktiki* [Cohabiting in marriage strategies of young: perceptions and practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 12—21.

- Golod, S. I. (2003) Perspektivy monogamnoi sem'i: sravnitel'nyĭ mezhkul'turnyĭ analiz [Prospects of monogamous families: a comparative intercultural analysis], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 6, no. 2, pp. 106—119.
- Karlson, A. (2003) *Obshchestvo — sem'ia — lichnost': sotsial'nyĭ krizis Ameriki: Al'ternativnyĭ sotsiologicheskii podkhod* [Society — family — personality: social crisis of America: An alternate sociological approach], Moscow: Ėditorial URSS.
- Kharchev, A. G., Matskovskii, M. S. (1978) *Sovremennaiia sem'ia i eĭ problemy: (Sotsial'no-demograficheskoe issledovanie)* [Modern family and its problems: (Socio-demographic study)], Moscow: Statistika.
- Laktiukhina, E. G., Antonov, G. V. (2015) “My prosto zhivĕm vmeste”: sozhitel'stvo v sovremennoi Rossii [“We just live together”: cohabitation in contemporary Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 18, no. 4 (81), pp. 82—95.
- Martin, C., They, I. (2001) The PACS and marriage and cohabitation in France, *International Journal of Law, Policy and the Family*, no. 15 (1), pp. 135—158.
- Mikheeva, A. R. (1996) Sozhitel'stva v sibirskoi derevne: opyt retrospektivnogo analiza [Cohabitation in the Siberian village: a retrospective analysis of experience], *Sem'ia v Rossii*, no. 2, pp. 48—64.
- Mikheeva, A. R. (2012) *Chelovek v sfere chastnoi zhizni: vektory transformatsii semeinykh otnoshenii* [People in the private sphere: vectors of transformation of family relations], Novosibirsk: Institut ĕkonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Mitrikas, A. A. (2004) Sem'ia kak tsennost': sostoianie i perspektivy tsennostnogo vybora v stranakh Evropy [Family value: status and prospects of value choice in Europe], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 65—73.
- Sinel'nikov, A. B. (2016) Gendernye i brachno-semeinye razlichii v tsennostnykh predpochteniiakh [Gender and marriage and family differences in values preferences], *Novye orientiry demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii v usloviakh ĕkonomicheskogo krizisa: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (8 dekabria 2016 g.), Moscow: Ėkon-Inform, pp. 228—235.
- Sostoianie v brake i rozhdaemost' naseleniia Respubliki Sakha (Iakutiia) (2006) [Marital status and birth rate of the population of the Republic of Sakha (Yakutia)], in: *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2002 goda: Statisticheskii sbornik*, vol. 7, Yakutsk: Sakha(Iakutiia)stat.
- Sukneva, S. A. (2017) Sovremennye trendy rozhdaemosti v Respublike Sakha (Iakutiia) [The current trends of fertility in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 2 (204), pp. 51—57.
- Sukneva, S. A., Barashkova, A. S. (2016) Family in the system of Northerners life values, *Anthropology & Archeology of Eurasia*, vol. 52, no. 2, pp. 113—130.
- Van de Kaa, D. J. (2001) Demographic transition, second, in: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, vol. 5, pp. 3486—3488.
- Vishnevskii, A. G. (2017) Nereshĕnnye voprosy teorii demograficheskoi revoliutsii [Unanswered questions of the theory of demographic revolution], in: *Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaseleniia v universitetakh: Deviatye Valenteevskie chteniia: Sbornik stateĭ i tezisov vystuplenii*, Moscow: Ėkonomicheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova, pp. 34—37.
- Vozrastno-polovoi sostav i sostoianie v brake naseleniia Respubliki Sakha (Iakutiia) (2012) [Age and sex composition and marital status of the population of the Republic of Sakha (Yakutia)], in: *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda: Statisticheskii sbornik*, vol. 2, Yakutsk: Sakha(Iakutiia)stat.

Zakharov, S. V. (2007) Transformatsiia brachno-partnërskich otnoshenii v Rossii: “zolotoi vek” traditsionnogo braka blizitsia k zakatu? [Transformation of marriage and partnerships in Russia: “golden age” of traditional marriage is nearing its end?], in: *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, pp. 75—126.

Статья поступила 05.03.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Сукнева Светлана Александровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск, Россия, sa.sukneva@s-vfu.ru (Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher of the Research Institute of Regional Economics of the North, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation).

Барашкова Анастасия Спиридоновна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск, Россия, asbarashkova52@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Research Institute of Regional Economics of the North, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society

2019. No. 1. P. 111—120

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.10

Женщина в российском обществе

2019. № 1. С. 111—120

ББК 83.3(2=411.2)511-3

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.10

ОБ ИСТОКАХ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: «ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО»

Н. В. Капустин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru

«Юности честное зеркало» относится к числу знаковых культурных явлений Петровской эпохи с ее установкой на новизну. Тем интереснее связь этой книги с традицией, отчетливо обнаруживающаяся в гендерной асимметрии. Проанализировав ее проявления (на уровнях архитектоники, композиции, семантики ключевых понятий, наличия/отсутствия предписываемых форм поведения), автор статьи делает попытку объяснить причины существующих диспропорций, расходясь при этом с высказанными в специальной литературе решениями. Сделанные наблюдения и предлагаемые истолкования подводят к итоговому выводу о том, что претендующее на создание новой модели русского мира, имеющее характер предписания «Юности честное зеркало» закрепило гендерную асимметрию, оставив женщину на религиозно-нравственной высоте, но одновременно ограничив ее возможности в социуме.

Ключевые слова: «Юности честное зеркало», Петровская эпоха, инновации, традиции, гендерная асимметрия.

ORIGINS OF GENDER ASYMMETRY IN RUSSIA OF MODERN AGE: “YUNOSTI CHESTNOE ZERTSALO”

N. V. Kapustin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
nkapustin@mail.ru

“Yunosti Chestnoe Zertsalo” (“The Honorable Mirror for Youth”) belongs to the significant cultural phenomena of Peter the Great’s epoch with its orientation to innovations. The more interesting is the connection of this book with the tradition, clearly exposed in gender asymmetry. Having analyzed its manifestations (in architectonics, composition, semantics of the key notions, presence/absence of the prescribed types of behavior), the author of the article

tries to explain the causes of the existing disproportions, and his viewpoint differs from the solutions already suggested in special literature. The observations made and the interpretations offered lead to the final conclusion that “Yunosti Chestnoe Zertsalo”, claiming to the creation of a new model of the Russian world and having a prescriptive character, actually recorded gender asymmetry, leaving the woman at the religious and moral height but at the same time limiting her opportunities in the society.

Key words: “Yunosti Chestnoe Zertsalo” (“The Honorable Mirror for Youth”), Peter the Great’s epoch, innovations, traditions, gender asymmetry.

«Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717) принадлежит к числу тех книг, которые, не имея каких-либо особенных литературных достоинств, тем не менее оставили глубокий культурный след. Назвав ее «ничтожной немецкой книжонкой», В. О. Ключевский, в сущности, тут же и опроверг эту характеристику, заметив, что она ни больше ни меньше «стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина» [Ключевский, 1993: 97]. Современные исследователи усматривают в ней линии, ведущие к русской классической литературе [Прохоров, 2008: 27].

К сожалению, до сих пор точно не установлены лежащие в основе «Юности честного зеркала» европейские, вероятно не только немецкие, источники. Не решен вопрос о степени причастности к возникновению книги тех, с кем связывают ее появление (в этом ряду обычно называют преподавателя первой московской гимназии, поэта и переводчика И.-В. Паузе, фельдмаршала, известного государственного деятеля Я. В. Брюса, епископа Гавриила (Бужинского), наконец, Петра I). Вместе с тем совершенно ясно, что набранное гражданским шрифтом, с арабским обозначением цифр, трижды переизданное при жизни Петра «Юности честное зеркало» оказалось своего рода манифестом осуществляемых им культурных новаций. Тем интереснее связь этой книги с традицией, о чем стоит сказать особо.

«Юности честное зеркало» зачастую характеризуют как первый в России учебник хорошего тона, этикета, на что, собственно, настраивает и вторая часть названия («Показание к житейскому обхождению»), и содержащиеся здесь конкретные правила поведения. Это так, но и не вполне так. Специфика «Зеркала» становится особенно очевидной, если поставить его в один ряд с более отдаленными по времени руководствами хорошего тона, например «Правилами светской жизни и этикета» (1889), или даже с такими хронологически приближенными к нему изданиями, как «Наука быть учтивым» (1774) и «Искусство быть забавным в беседах» (1791). Главное отличие в том, что книга петровского времени нацелена не только на то, чтобы привить хорошие манеры. Вступая в своеобразный диалог с «Домостроем», мироустроительным сочинением-«программой» XVI в., «Юности честное зеркало» создает другую *модель* русской жизни, «проявляет принципиально иное отношение к месту человека в мире» [там же: 19]. В этом смысле перед нами направленный на модернизацию русской жизни текст, вполне репрезентативный для эпохи петровских преобразований с ее установкой на новизну. Но бесспорное в целом представление о петровских инновациях, культурной границе, разделявшей допетровскую Русь и новую Россию,

не нужно догматизировать. «Переворот, — отмечал В. М. Живов, — действительно имел место, и историческое сознание действительно подверглось преобразованию, однако объективация этого процесса требует четкого уяснения сферы его действия» [Живов, 2000: 576]. Справедливо отмечалось также, что взгляд на Петровскую эпоху как исходный пункт новой русской истории не должен отеснять на периферию исследовательского внимания «те элементы преемственности, которые существуют между явлениями допетровского и послепетровского времени — в социальных структурах, механизмах культурно-религиозного восприятия, литературном процессе...» [там же: 577].

Сказанное имеет непосредственное отношение и к «Юности честному зеркалу». Дело не только в том, что эта книга наследует жанровой традиции зеркал — характерной для Средневековья разновидности дидактической словесности, основой которой было восходящее еще к Диогену и Сократу представление о зеркале, способном сказать человеку, каков он есть и каким должен быть [Мельшиор-Бонне, 2006: 212]. Элементы старого в новом проявляют себя и в другой составляющей текста — в том, что в наше время принято называть гендерной асимметрией. Г. С. Прохоров писал: «...мир “Юности честного зеркала” разбит на множество кусочков: секулярный и религиозный, мужской и женский, дворянский и народный. И в этом разделении происходит, по-видимому, скрытая, неосознанная, но самая болезненная коллизия этого произведения и русского мира XVIII—XX веков. ...Все перечисленные аспекты объединяются в четкую, бинарно противопоставленную систему: секулярное — дворянское — мужское и религиозное — народное — женское. Первая система жестка и негуманна, а вторая — практически точное повторение традиционного мировидения, выраженного и в “Домострое”» [Прохоров, 2008: 25].

В самом общем виде разделенность разных сфер обусловлена отсутствием целостности восприятия мира. Но как объяснить конкретные противопоставления, в частности гендерную асимметрию, при которой дворянскому юноше Нового времени «Зерцало» указывает путь к придворному миру, карьере, мирской чести, а дворянской девушке отводит привычную роль добродетельного, целомудренного существа, покоящегося в колыбели традиции? По мнению Г. С. Прохорова, едва ли не впервые задавшегося этим вопросом, асимметрия объясняется тем, что для «Юности честного зеркала» придворный мир становится не идеалом, но одним из возможных полюсов. «На другом полюсе — непреходящие ценности, которые по-прежнему есть и важны, даже несмотря на то, что могут отнюдь не способствовать карьере. Чтобы как-то преодолеть разломанность мира, автор “Юности честного зеркала” и предлагает гендерное разграничение полюсов. Мужчина жертвует Богом ради государя, мирской чести и карьеры. Женщина жертвует карьерой ради Бога, семьи и вечных ценностей» [там же: 27]. Однако с таким объяснением трудно согласиться: говорить о принесении в жертву карьеры применительно к женщине начала XVIII в. не приходится, поскольку это понятие с ней никак не соотносилось (вероятно, Г. С. Прохоров имеет в виду не конкретную историческую ситуацию, а некую возможную мыслительную конструкцию). К тому же создателям «Юности честного зеркала» приписывается столь высокая степень рефлексии, включающая заботу о вечном и ощущение суетности карьеры, что невольно возникают сомнения. Возможно иное, в большей мере

учитывающее контекст петровского времени, объяснение. При этом, чтобы избежать схематизма, важно учесть некоторые существенные нюансы.

Так, в принципе соглашаясь с тезисом о резком (бинарном) противопоставлении материала книги по принципу «мужское/женское», нужно заметить, что порой оно смягчено. Ряд наставлений адресованы одновременно и юноше, и девушке. Таковы содержащиеся в начале книги обращения к детям, ребенку, хотя и здесь взгляд на адресата в большей мере смещается в сторону юноши. Ср.: «Во-первых, что самое важное, дети должны уважать и чествовать своего отца и свою мать. Когда родители им что-либо приказывают, то следует шляпу держать в руках, не надевать ее, доколе рядом с ними находятся родители» [Юности честное зеркало, 2008: 149]. Если первая часть максимы в гендерном плане нейтральна, то упоминание о шляпе направляет взгляд в сторону юноши, поскольку этот головной убор женщины начала XVIII в. еще не носили. Подобного рода случаи, когда при внешней обращенности императивов юноше и девушке одновременно реальным адресатом, тем не менее, оказывается юноша, можно заметить и далее (таковы наставления 3, 6), хотя в целом установка на общность адресата какое-то время доминирует, а гендерная нейтральность соответственно выдерживается.

Начиная с максимы 13 адресаты книги дифференцируются. Обращенность к юноше манифестируется образами «молодого отрока», далее «кавалера», «молодого человека», «молодого шляхтича или дворянина», «истинного придворного человека» и тому подобными именованьями. Так, правда с некоторыми осложнениями (в максимах 27 и 28 вновь появляется обращение к «молодым людям», а не отдельно к «отроку»), продолжается до раздела «Венец девической чести и добродетелей...», начиная с которого и до окончания книги адресатом становится дворянская девушка. При этом «мужскую» часть книги завершают выделенные среди прочих отсутствием нумерации разделы «Как молодой отрок должен поступать, когда он с другими в застолье сидит» и «Каким образом должен отрок вести себя среди чужих». В «женской» части книги последними разделами оказываются «Девическое целомудрие» и «Девическое смирение». Таким образом, уже архитектура и композиция текста свидетельствуют о значимости и контрастности его гендерной составляющей.

Гендерная асимметрия проявляется и в тех случаях, когда речь заходит о, казалось бы, общих требованиях — тех, которые предъявляются и девушке, и юноше. В частности, вера в Бога, посещение церкви или такие качества, как благочестие и смирение, предписываются обоим адресатам. В «мужской» части книги говорится и о любви к ближнему, без которой «невозможно спастись» [там же: 161]. То есть и юноша мыслится составителями книги отнюдь не только в секулярном пространстве. Однако общность понятий, с которыми соотносятся оба адресата, еще не свидетельство общности стоящих за ними смыслов. Это касается, например, смирения, о котором говорится применительно и к юноше, и к девушке.

Раздел «Девическое смирение», как было отмечено, вынесен в самый конец «женской» части, в так называемую сильную позицию текста. Сделано это, вероятно, вполне осознанно, поскольку в иерархии женских добродетелей смирению отводится особая роль: «Между другими добродетелями, которые украшают честную даму или девицу и от них требуются, *начальнейшая и главнейшая*

добродетель — *смирение* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Н. К.), которое в себе весьма многое содержит» [там же]. Далее следует его подробнейшая характеристика как христианской добродетели, превращающаяся, по сути, в религиозно-нравственный трактат. Что касается «мужской» части, то здесь смирение хотя и попадает в один контекст с гордостью (вероятно, как отзвук известного апостольского изречения «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»), оказывается в перечислительном ряду с другими добродетелями, к тому же мирскими, отчего его сакральная значимость, естественно, снижается: «Подлинно благочестивый кавалер бывает *смирен, приветлив и учтив*, ибо гордость мало добра приносит» [там же: 154]. К тому же в отличие от «женской» части текста, где смирение осмысляется как метафизическая категория, в «мужской» оно приобретает заметный прагматический оттенок, оказывается средством на пути достижения *славы* — значимого в пространстве книги понятия применительно к юноше: «Эти три добродетели — *приветливость, смирение и учтивость* — много украшают славу шляхетскую» [там же]. Ср. также: «Кто названных трех добродетелей не имеет, *тот никак не может превзойти других* и между ними просить подобно светилу в темном месте или каморе» [там же]. Примечательно и то, что значимость смирения, вновь попадающего в мирской контекст, подтверждается в «мужской» части текста ссылками не на Библию и отцов церкви, а на авторитет пословицы (что типично для этой части книги): «Немалая краса отроку, если он смирен и не сам на великую честь напрашивается, но ожидает, пока его пригласят танцевать или к столу идти вместе с другими, ибо говорится: “Смирение — молодцу ожерелие”» [там же: 159]. Таким образом, семантика смирения, которым должны обладать юноша и девушка, в «Юности честном зеркале» существеннейшим образом разнится. Если над смирением «дамы» и «девицы» и витает дух петровских перемен, то проявляется он разве что в непривычном еще для русского сознания именовании «дама» и в характере отсылок к авторитетам. Среди них наряду с привычными именами и цитатами можно найти апелляции не только к почитаемым Русской православной церковью католическим святым, но и к античности (подробнее см.: [Прохоров, 2008: 198—206]).

К сказанному нужно добавить, что и само понятие добродетели — центральное для «женской» части книги, где названы двадцать добродетелей (от стремления и любви к слову Божьему и любви к Богу — до молчаливости), в его «мужской» части имеет другую наполненность. Если в первом случае оно ведет к спасению души, то во втором обеспечивает мирские потребности человека Нового времени: «Отрок должен стараться и думать о том, как бы стать благочестивым и добродетельным. Становиться таким ему важнее, чем детям, взрослым и старикам, потому что не славная фамилия, не высокий род *приводят его в шляхетство*, но благие, честные и достохвальные поступки. <...> В этом состоит истинное *избавление от убожества*, прямая опора и непреложная *основа богатства*» [Юности честное зеркало, 2008: 153—154]. В таком контексте понятно, почему стыдливость, которая в случае с девушкой оказывается проявлением христианского целомудрия, применительно к юноше может сыграть отрицательную роль: «Кто при дворе бывает стыдлив, тот уходит с пустыми руками от двора, ибо когда кто-то верно господину служит, то ему необходима верная

и надежная награда. А кто служит, ища милости, того награждают только милосердием. Ради милости никто никому служить не должен, кроме как Богу. Государю служат чести ради и прибыли для, а также для временных милостей» [там же: 155]. Закономерно, что образ юноши соотносится со смелостью, бодростью, отвагой, самостоятельностью, с умением фехтовать («шпажной битвой») и ездить на коне.

Замечено, что «Юности честное зерцало» принадлежит к тем книгам, в которых «этикетные правила соседствуют с моральными наставлениями» и «конкретные алгоритмы действия в определенных ситуациях отходят на второй план» [Капкан, Лихачева, 2017: 117]. Это верно как по отношению к «мужской», так и «женской» частям книги. Однако конкретных рекомендаций (алгоритмов), предназначенных для юноши, гораздо больше, чем адресованных девушке. Обращенные к ней максимы в подавляющем большинстве случаев конкретики лишены (на первом плане оказываются нравственно-религиозные добродетели). Исключение — раздел «Девическое целомудрие», где охарактеризованы конкретные проявления вынесенного в заглавие качества.

Часть советов манифестирует неотделимую от целомудрия, измеряемую высокой библейской мерой стыдливость: «Стыдливая девица потупляет свои очи, как Ревекка, увидев еще издали идущего к ней Иакова. <...> И ты, когда на тебя человек взирает, покраснев, не поднимай глаза свои, а свой взгляд опускай в землю»; «Стыдливая девица не только краснеет в лице, но и имеет стыдливые уши. Смутится, когда бесстыдное слово услышит или легкомысленные, искусные издевки и скверные песни. Истинная девица потупляет свое лицо, будто бы не понимает смысла, или, встав, отходит подальше» [Юности честное зерцало, 2008: 176, 177]. Ср. также: «О состоянии и нраве свидетельствует девическая походка: по тому, что девица выступает павою, сразу видно, что она хочет себя людям показать, даже если она прошла всего одну улицу» [там же: 178]. О том же «состоянии и нраве» говорит и способность правильно, обдуманно одеться («легкомысленная одежда... показывает легкомысленный нрав»), а также уйти из-за стола, если «случится сидеть возле грубого невежи, который ногами сучит и несмирно сидит...» [там же: 180]. Этим вознесенным на аксиологический пьедестал формам проявления целомудрия противостоит семиотика иного, негативно окрашенного типа поведения, по контрасту с которым формируется представление о должном: «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегают, разиня пазуху, по причинным местам и улицам, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, не сидит смирно, поет блудные песни, веселится и напивается пьяной, скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, как стерва» [там же: 178—179]. Ср. с менее саркастическим, но также недвусмысленно выраженным авторским отношением к показному смирению («некоторые девицы с виду ради чести смиренны») и кокетству: «Молодая жена, которая кокетничает с молодым мужчиной и неудачно с ним шутит, тайно в уши что-то шепчет, — кто такую может оправдать от подозрений» [там же: 178]. Вот, собственно, и весь женский поведенческий репертуар. Его бедность на фоне достаточно разветвленных форм мужского поведения (см. о них: [Капкан, Лихачева, 2017: 117, 120 и др.]) очевидна. Закономерно встает вопрос о причинах такой диспропорции.

Казалось бы, ответ прост: публичная сфера русской дворянки начала XVIII в. еще довольно ограничена. Однако этот вариант ответа вряд ли может удовлетворить полностью. Во-первых, потому, что «Юности честное зеркало» — это нормативный текст, который, подобно другим «зерцалам», не столько идет за реальностью, сколько формирует ее. Во-вторых, такой ответ не вполне учитывает реальную сложность культурно-исторической ситуации. Дело в том, что в русской жизни конца XVII — первой трети XVIII в. начинается ломка привычных представлений о жизненном пространстве женщины, ее месте и роли в обществе.

По наблюдениям Н. Л. Пушкаревой, изменения проявились и во внешнем облике женщин (приказано носить одежду европейского кроя), и в их модели поведения (предписывалось участие в официальных торжествах и празднествах, несколько позднее в ассамблеях и ночных балах). «Девушек на выданье» полагалось вывозить «в свет», что привело к изменению форм знакомства молодежи из зажиточных семейств [Пушкарева, 1997: 144—147 и др.]. К этому стоит добавить, что Петр являл новый тип сознания не только в указах, но и письмах к Екатерине I. Это обнаруживается в характере обращений («Катеринушка, друг мой, здравствуй!», «друг мой сердешнинькой», «лапушка» и др.) [там же: 176], в информации о нерадивых «помочниках», переходах от серьезности к юмору, в самоиронии, в бытовых частностях, вроде сообщений о посылаемых Екатерине часах «новой моды», бутылке венгерского, «устерсах» (устрицах) [Письма русских государей..., 1861: 16, 18, 21, 23, 24, 25, 31 и др.]. Контраст между старым и новым особенно ощутим на фоне «Домостроя», в установлениях которого последнее было бы расценено как склонность к греховному гортанобесию (гурманству), как баловство и поощрение к пьянству. Ср.: «Важно, чтобы у жены ни под какими предлогами не было пьянящего питья: ни вина, ни медовухи, ни пива, ни гостинцев. <...> Жена пусть пьет бесхмельную брагу и квас как дома, так и в гостях» [Домострой, 2008: 77].

Таким образом, при всем том, что петровские ассамблеи «напоминали не парижские салоны того времени, а голландские таверны» [Козьякова, 2016: 92], в русской жизни начала XVIII в. возникали новые коммуникативные ситуации, формировались или предугадывались поведенческие сценарии, требовавшие этикетного наполнения. Казалось, что «Юности честное зеркало», учитывая к тому же модернистское сознание Петра, по инициативе которого оно создавалось, должно было в полной мере откликнуться на запрос времени. Однако по отношению к девушке это было сделано еще очень робко. Вопрос, почему так произошло, возникает вновь.

Ответить на него можно только гипотетически.

Затруднения связаны с тем, что в основе «Юности честного зеркала» лежат западноевропейские источники, круг которых до сих пор точно не установлен, как неизвестен в достаточном объеме и корпус бытовавших в Европе книг подобного плана. Не исключено, что у составителей «Юности честного зеркала» просто не оказалось под рукой руководства, какое смогло бы заполнить лакуны, касающиеся конкретных характеристик женского поведения. Лишь в случае обнаружения прецедентного текста (текстов) и его (их) дальнейшего изучения обретет конкретику тезис А. М. Панченко: «Петр I и его сподвижники учились

языку европейской постренессансной культуры и говорили на нем, хотя с сильным русским акцентом» [Панченко, 1984: 136], который без достаточных пока на то оснований порой проецируют на «Юности честное зеркало».

Однако дело не только в наличии или отсутствии подходящего источника как такового.

Есть устойчивые конструкты сознания, бессознательно транслируемые структуры — вечные спутники человека. Гендерные представления из их числа. Справедливо замечено, что «совпадение или смещение гендерных ролей обычно рассматривается как угроза вековым общественным устоям, как разрушение жесткой иерархической модели или как отклонение от нормы» [Крейдлин, 2005: 10]. Что касается Петровской эпохи, то даже во время Святков, с их атрибутикой ряжения и маскирования, когда легче воспринимаются разного рода перемены облика, традиционалисты видели «чудеса антихриста, явленные миру царем, который *посредством брдобрития и париков будто бы отменил различие полов*» [Покровский, 1977: 222]. В итоге получилось так, что «Юности честное зеркало», призванное изменить привычную модель русского мира, решило эту задачу только по отношению к дворянскому юноше. Что касается девушки, то представление о том, какой ей быть, осталось традиционным. Этому представлению действительно наследует русская классическая литература [Прохоров, 2008: 27], случаи гендерного равенства в которой немногочисленны и специфичны (см. об этом: [Капустин, 2016]). Тем самым претендующее на создание новой модели русского мира, имеющее, по сути, характер предписания «Юности честное зеркало» закрепило гендерную асимметрию, оставив женщину на религиозно-нравственной высоте, но одновременно ограничив ее возможности в социуме.

Библиографический список

- Домострой: Сильвестровский извод // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 31—132.
- Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 3: XVII — начало XVIII века. С. 528—583. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура).
- Капкан М. В., Лихачева Л. С. «Юности честное зеркало»: этикетные традиции и новаторство // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 114—126.
- Капустин Н. В. Творчество А. Н. Островского в гендерном аспекте: комедия «Волки и овцы» // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 2. С. 101—105.
- Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 558 с.
- Козьякова М. И. Исторический этикет. М.: Согласие, 2016. 280 с.
- Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки слав. культуры, 2005. 224 с. (Studia philologica. Series minor).
- Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 456 с.
- Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.

- Письма русских государей и других особ царского семейства: I. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. 166 с.
- Покровский Н. Н. Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 221—234.
- Прохоров Г. С. Предисловие // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 5—28.
- Прохоров Г. С. Примечания // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 187—206.
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX века). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
- Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов // Домострой; Юности честное зеркало. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 149—186.

References

- Domostroï: Sil'vestrovskii izvod (2008) [Domostroï: Sil'vestrovskii izvod], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 31—132.
- Iunosti chestnoe zertsalo, ili Pokazanie k zHITEĬskomu obkhozhdenniū, sobrannoe ot raznykh avtorov (2008) [Iunosti chestnoe zertsalo, or Code of behaviour in various life spheres collected by different authors], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 149—186.
- Kapkan, V. M., Likhacheva, L. S. (2018) “Iunosti chestnoe zertsalo”: etiketnye traditsii i novatorstvo [“Iunosti chestnoe zertsalo”: Etiquette traditions and innovations], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, serii 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury, vol. 2, no. 1 (171), pp. 114—126.
- Kapustin, N. V. (2016) Tvorchestvo A. N. Ostrovskogo v gendernom aspekte: komediia “Volki i ovtsy” [Gender aspects of A. N. Ostrovsky's works: Comedy “Wolves and Sheep”], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 22, no. 2, pp. 101—105.
- Kliuchevskii, V. O. (1993) *Russkaia istoriia*: Polnyi kurs lektsii [Russian history: A complete course of lectures], vol. 3, Moscow: Mysl'.
- Koz'iakova, M. I. (2016) *Istoricheskaia etiket* [Historical etiquette], Moscow: Soglasie.
- Kreĭmlin, G. E. (2005) *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication], Moscow: Iazyki slavianskoĭ kul'tury.
- Mel'shior-Bonne, S. (2006) *Istoriia zerkala* [The history of mirror], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Panchenko, A. M. (1984) *Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter the great's reforms], Leningrad: Nauka.
- Pis'ma russkikh gosudareĭ i drugikh osob tsarskogo semeĭstva: I. Perepiska Petra I s Ekaterinoui Alekseevnoi* (1861) [Letters of Russian sovereigns and other persons of tsarist family: I. Correspondence of Peter I and Ekaterina Alekseevna], Moscow.
- Pokrovskii, N. N. (1977) Novyiĭ dokument po ideologii Tarskogo protesta [A new document on ideology of Tara revolt], in: *Istchnikovedenie i arkheografiia Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 221—234.
- Prokhorov, G. S. (2008) Predislovie [Introduction], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 5—28.
- Prokhorov, G. S. (2008) Primechaniia [Comments], in: *Domostroï; Iunosti chestnoe zertsalo*, St. Petersburg: Azbuka-klassika, pp. 187—206.

-
- Pushkareva, N. L. (1997) *Chastnaia zhizn' russkoï zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa (X — nachalo XIX veka)* [Private life of Russian woman: a bride, a wife, a lover (the X c. — the beginning of the XIX c.)], Moscow: Ladomir.
- Zhivov, V. M. (2000) Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniï Petra I [Cultural changes in the system of reforms of Peter I], in: *Iz istorii russkoï kul'tury*, vol. 3: XVII — nachalo XVIII veka, Moscow: Iazyki russkoï kul'tury, pp. 528—583.

Статья поступила 19.12.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Капустин Николай Венальевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Russian Literature and Cultural Studies, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 121—132
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.11

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 121—132
ББК 63.521(=60)
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.11

ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ — ОБЫЧАЙ ИЛИ ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ?

М. М. Махмудова^а, А. М. Королева^а, Д. М. Махмудова^б

^а Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Россия, mahmudovamm@tyuiu.ru

^б Дагестанская специализированная коллегия адвокатов,
г. Махачкала, Россия

Исследованы причины обычая похищения невесты на Северном Кавказе. Проведен анализ таких статистических показателей, как число похищений, количество возбуждаемых уголовных дел, уровень безработицы, динамика среднедушевых доходов в регионе. Выделены три основные причины похищения невесты: отсутствие времени (или желания) на ухаживания; отсутствие денег на выкуп и проведение свадебного торжества; невозможность получить согласие на брак от родственников невесты. Особое внимание авторы уделяют социально-экономическим причинам, характеризующим уровень жизни в Северо-Кавказском регионе. Результаты социологических исследований показывают, что подавляющее большинство похищений приводят к крайне негативным последствиям — несчастливым бракам, разрушенным семьям, поломанным судьбам, кровной мести, убийствам и самоубийствам и др. Для предотвращения совершения брака умыканием на территории Северного Кавказа необходимо использование комплекса инструментов — от профилактики правонарушений до уголовного преследования.

Ключевые слова: похищение невесты, традиции, обычай, брак умыканием, гендерные отношения.

BRIDE KIDNAPPING — A CUSTOM OR THE CHALLENGE OF THE TIME?

M. M. Makhmudova^а, A. M. Koroleva^а, D. M. Makhmudova^б

^а Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, mahmudovamm@tyuiu.ru

^б Dagestan Specialized Bar Association, Makhachkala, Russian Federation

The reasons for the custom of bride kidnapping in the North Caucasus are investigated. The analysis of statistical indicators of the number of kidnappings, the number of criminal cases, the unemployment rate, the dynamics of per capita income in the region. There are three main reasons for the bride's abduction: lack of time or desire for courtship; lack of money for redemption and holding a wedding celebration; the inability to obtain consent to the marriage of the bride's relatives. The authors pay special attention to the socio-economic reasons that

characterize the standard of living in the North Caucasus region. The results of sociological research show that the vast majority of abductions lead to extremely negative consequences — unhappy marriages, broken families, broken lives, a vendetta, murder and suicide, etc. To prevent this it is necessary to make use of complex approach: from crime prevention to criminal prosecution.

Key words: bride kidnapping, traditions, customs, marriage by abduction, gender relations.

Введение

Развитие современного общества характеризуется глубокими динамичными переменами системного характера. Меняются государственные, политические и экономические формы, усложняется социальная структура общества, обостряются социальные противоречия.

Стабильное развитие общества подвержено существенному влиянию социально-экономических, демографических, политических и криминально-правовых факторов. В Конституции Российской Федерации государство гарантирует права и свободы человека и гражданина, а в Уголовном кодексе РФ приоритетом выступает охрана человека, его прав и свобод.

Россия является участницей международных соглашений в области прав человека, что обязывает российские власти защищать, уважать и соблюдать права лиц, находящихся под юрисдикцией РФ. В современном мире права женщин являются неотъемлемой частью международного права. Соответственно любое насилие по отношению к женщинам выступает прямым нарушением этих прав. На страны — участницы международных соглашений возложены четкие и конкретные обязанности по принятию мер по борьбе с насилием в отношении женщин.

Методология исследования

В ходе исследования авторы использовали общенаучные методы: на базе научного абстрагирования осуществлен ретроспективный анализ статистических показателей похищения людей; посредством графической интерпретации данных и метода их группировки дана характеристика социально-экономических показателей развития Северо-Кавказского региона. Проведен контент-анализ интернет-источников и анализ эмпирических данных, характеризующих положение женщин и гендерное насилие в регионе.

Анализ статистических показателей похищения человека

Похищение человека издревле считалось серьезным преступлением, требующим сурового наказания. Например, в Древней Руси посягательство на свободу человека характеризовалось как преступное и наказуемое деяние уже в договорах с греками. Однако в уголовный кодекс похищение человека как самостоятельное преступление было внесено лишь в конце XX в., что связано с резким ростом числа хищений людей.

Так, в период распада Советского Союза число похищений в России было велико. Согласно статистическим данным, за период с 1986 по 1993 г. число зарегистрированных фактов преступлений против свободы личности возросло

в 9 раз [Нуруллин, 2016]. После 2006 г. наблюдается тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений (рис. 1).

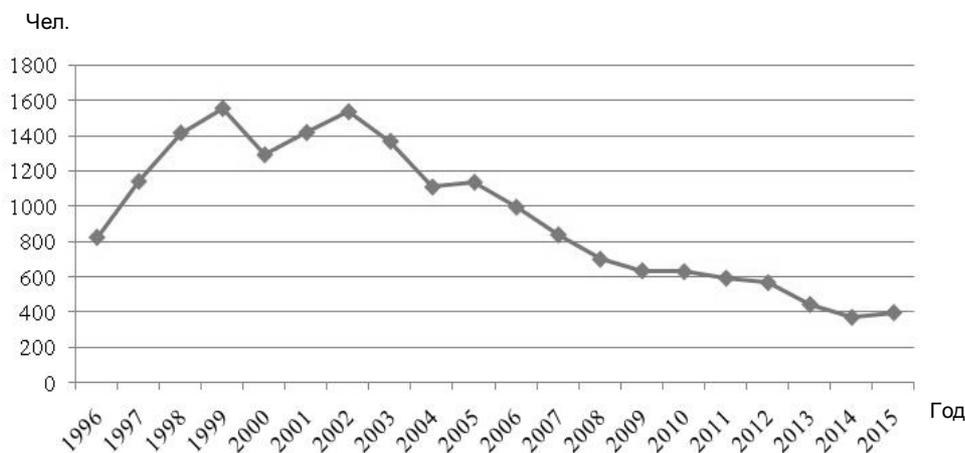

Рис. 1. Динамика числа похищений в России за 1996—2015 гг.
[Официальный сайт... , 2017]

Северный Кавказ занимает лидирующие позиции по количеству совершаемых преступлений против личности [Сердюкова, 2011]. Основными факторами здесь выступают экономические, этнические, демографические причины [Махмудова, 2013]. В своем исследовании, посвященном похищению людей на Северном Кавказе, З. Л. Шхагапсоев отмечает, что «сегодня никто не может быть уверен, что по разным причинам не будет вовлечен в преступный бизнес, связанный с похищением людей. Лиц материально обеспеченных похищают из корыстных побуждений; детей — с целью получения выкупа от их родителей; молодых девушек — с целью вовлечения в занятие проституцией, нередко без их воли к тому; одиноких пожилых людей — с целью завладения их жилплощадью; молодых и физически сильных людей — с целью привлечения без их согласия для тяжелой работы» [Шхагапсоев, 2012: 240].

В соответствии с исследованием Д. М. Гаджиева, свыше 40 % похищений совершаются с целью получения выкупа, почти треть — ради женитьбы, 14 % — с целью возврата долгов, 16 % — по другим причинам [Гаджиев, 2014а].

Похищение невесты является наиболее известной «кавказской традицией», которая, однако, к традиционным нормам шариата не имеет никакого отношения.

За период с 1999 по 2007 г. поступило свыше 650 сообщений о похищении с целью женитьбы, из которых только в 25 % случаев были возбуждены уголовные дела, а в остальных — отказано в возбуждении [Гаджиев, 2014б]. При этом, несмотря на снижение общего числа похищений, количество совершаемых похищений невест растет. В 2007 г. прокурор Республики Дагестан И. В. Ткачев указал на изменение мотивов похищений: «Если до 2003 года люди похищались организованными преступными группами с целью получения

выкупа, то с 2003 по 2006 г. жертвами данных преступлений становятся молодые девушки, которых похищают с целью женитьбы. По статистике, примерно 47—48 % зарегистрированных сообщений о похищениях и возбужденных уголовных дел по Республике Дагестан составляют похищения с целью женитьбы» (цит. по: [Акаев, 2008: 106]).

Как утверждают организации по правам человека, лишь четвертая часть похищений невесты происходит с ее согласия [На почве традиций... , 2010]. Если семья похищенной девушки забирает ее обратно, почти в 60 % случаев конфликт заканчивается кровной мстью или «убийством чести». Таким образом, подобная «красивая традиция» приводит к искалеченным судьбам и гибели женщин.

Основные причины похищения невесты

На наш взгляд, все многообразие случаев похищения невесты можно объяснить следующими причинами:

- отсутствием времени (или желания) на уговоры и ухаживания;
- отсутствием денег на выкуп и проведение свадебного торжества;
- невозможностью получить согласие на брак от родственников невесты.

Проведенный дагестанской общественной организацией «Лига защиты матери и ребенка» опрос показал, что основной причиной похищения девушек с целью женитьбы в настоящее время стало прежде всего неумение парня оказывать внимание, ухаживать и добиваться взаимности, а также желание прослыть бесстрашным героем и поднять свой авторитет среди сверстников [там же]. Несмотря на то что в современном обществе молодые люди скорее имитируют похищение, украденная жертва в глазах общества по восточным традициям все равно оказывается виноватой больше, чем преступник-похититель. В случае ее несогласия на брак она будет считаться опозоренной. К тому же факт похищения является большим стрессом и не может не сказаться на психике самой жертвы.

Достаточно часто к похищению подталкивают и экономические мотивы — возможность жениху не платить калым и не играть пышную свадьбу. Объективное существование такой причины описывается показателями уровня жизни населения Северного Кавказа.

Представим сравнительную характеристику уровня жизни населения трех регионов Северного Кавказа, где наиболее часто происходят случаи похищения невест: Республики Дагестан, Республики Ингушетия и Чеченской Республики [Регионы России, 2018].

В рассматриваемых регионах по отношению к среднероссийским показателям превышен уровень безработицы (рис. 2) и уровень бедности (рис. 3). Так, при уровне безработицы в национальной экономике в 5,5 % от экономически активного населения в Ингушетии этот показатель в анализируемый период традиционно оставался высоким и составил в 2017 г. более 30 %. Показатель безработицы в Чеченской Республике в три раза превышает общероссийское значение.

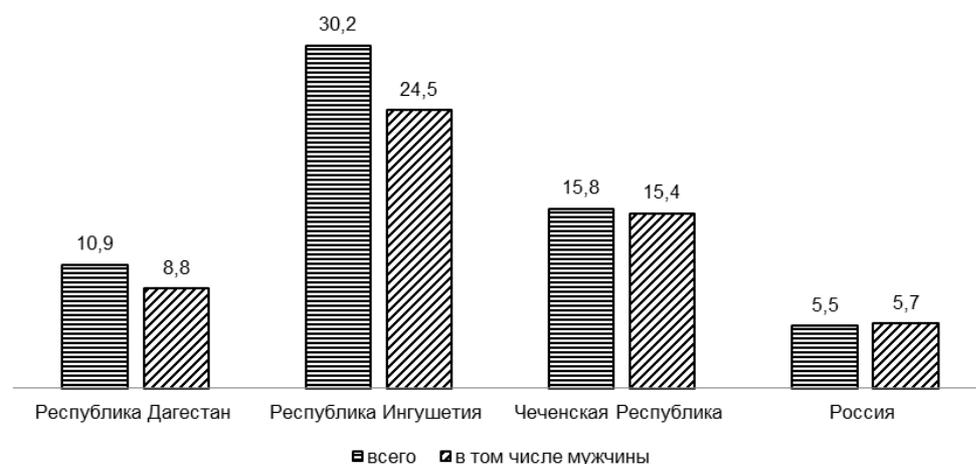

Рис. 2. Уровень безработицы в регионах Северного Кавказа и в России в 2017 г., % от экономически активного населения

При этом в регионах Северного Кавказа высок уровень безработицы среди наиболее активного населения — в возрасте от 20 до 29 лет (табл.).

Состав безработных по возрастным группам в 2017 г., %

Регион	Возраст, лет						Средний возраст, лет
	15—19	20—29	30—39	40—49	50—59	60—72	
Российская Федерация	4,2	35,6	24,0	16,9	16,2	3,1	35,8
Республика Дагестан	7,7	44,9	23,6	14,1	9,3	0,5	32,0
Республика Ингушетия	3,8	55,5	23,7	12,3	4,5	0,3	30,2
Чеченская Республика	27,6	51,6	10,9	6,2	3,7	—	25,8

Так, если в целом по стране в данной возрастной группе зафиксировано 35,6 % безработных граждан, то в Республике Ингушетия более 55 % молодых людей не имеют постоянного места работы. Критическое значение данного показателя и в Чеченской Республике, и в Республике Дагестан.

Анализ величины денежных доходов населения региона также демонстрирует низкий уровень благосостояния жителей Северного Кавказа, актуальные социальные проблемы экономически неблагополучных территорий округа. К примеру, более трети населения Ингушетии проживает за чертой бедности и располагает денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (рис. 3). Превышено значение среднероссийского показателя и на территории Чеченской Республики, где в 2017 г. денежные доходы более 17 % населения региона не достигли величины прожиточного минимума.

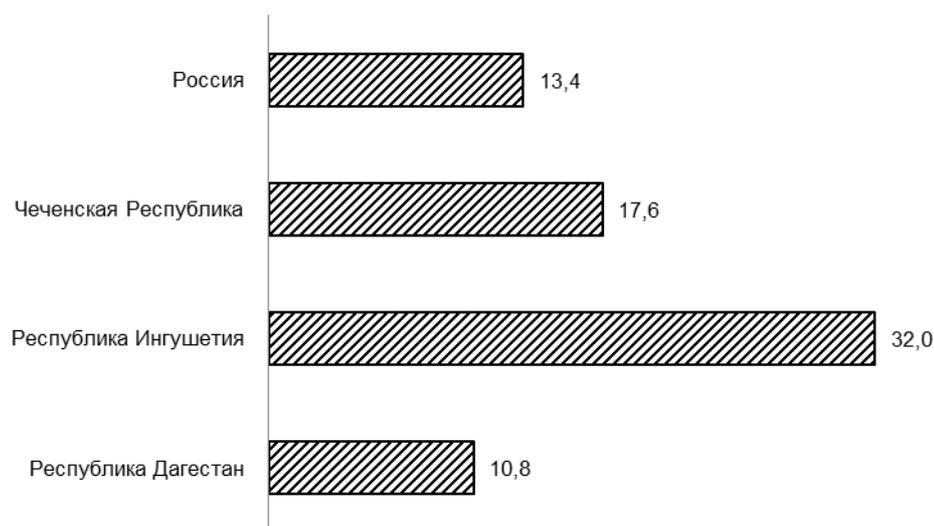

Рис. 3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2017 г., %

Предположение о низком уровне жизни населения Северного Кавказа подтверждается размером среднемесячной заработной платы в регионе. Так, жители рассматриваемых регионов в 2017 г. в месяц получали в среднем не более 22,5 тыс. рублей, что составляет лишь 56 % среднероссийского значения размера заработной платы (рис. 4).

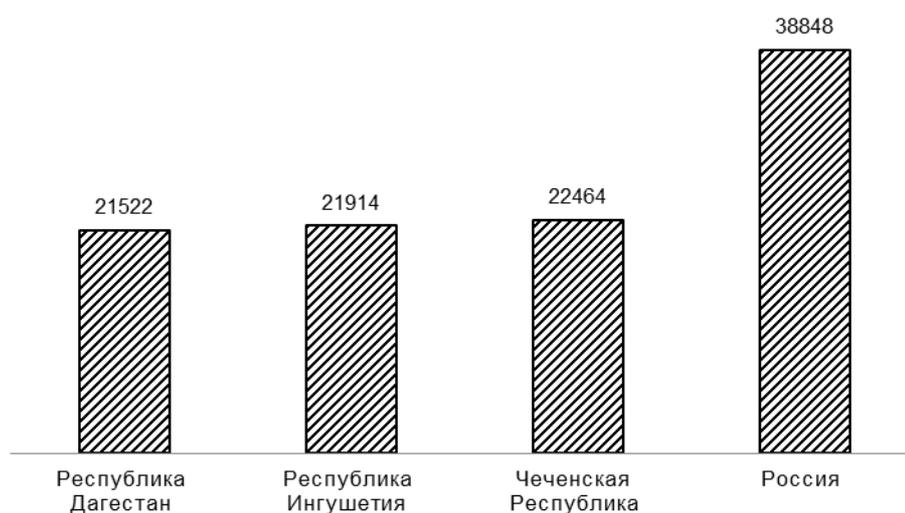

Рис. 4. Размер среднемесячной заработной платы в отдельных регионах Северного Кавказа и в России в 2017 г., руб. в мес.

Величина среднедушевых денежных доходов республик представлена на рис. 5. Данный показатель в Дагестане приближается к общероссийскому значению, что позволяет ему занимать 27-е место среди регионов страны, а вот в Ингушетии его значение в два раза ниже общероссийского уровня и меньше показателя среднемесячной заработной платы. Ингушетия, таким образом, по размеру душевых доходов населения располагается на 83-м месте среди регионов России. Низкий уровень доходов и благосостояния населения Чечни подтверждается 60-м местом в рейтинге регионов страны.

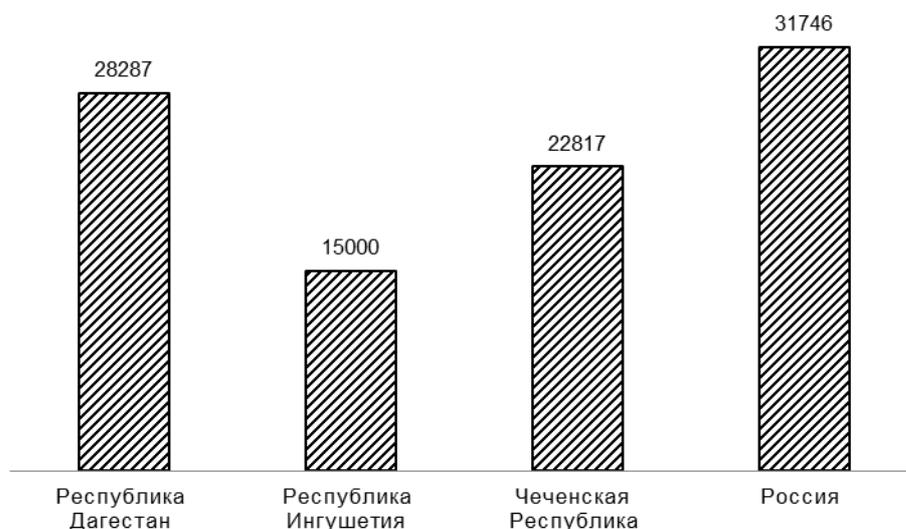

Рис. 5. Размер среднедушевых денежных доходов в отдельных регионах Северного Кавказа и в России в 2017 г., руб. в мес.

Конечно, такой уровень жизни может выступать фактором, подталкивающим мужчин к совершению похищения, однако не оправдывает его. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров справедливо отметил: «Если мы таким образом будем выгораживать похитителей, то у нас ничего не получится. Мы же не можем оправдывать того, кто ограбил банк в целях улучшения своего благосостояния. Нужно понимать, что похищение человека — уголовное преступление. Да и вообще, союзы, заключенные подобным путем, бывают недолговечны. Об этом свидетельствует высокая статистика разводов» [В Ингушетии вводят огромные штрафы... , 2013].

При этом, однако, показатель соотношения браков и разводов значительно ниже общероссийского уровня (рис. 6).

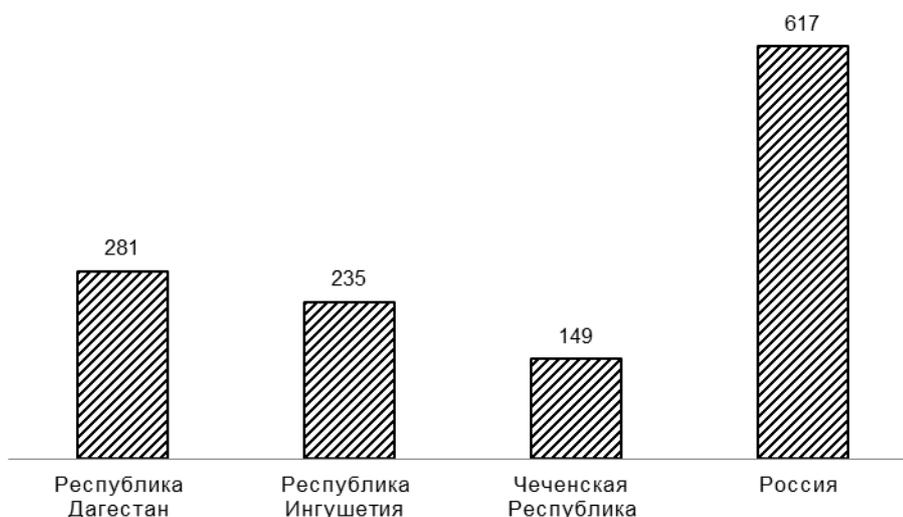

Рис. 6. Соотношение браков и разводов в отдельных регионах Северного Кавказа и в России в 2017 г., на 1000 браков

В соответствии с указанными выше причинами можно выделить три обстоятельства похищения невесты: когда все согласны, согласна невеста, против все.

Если в первом случае похищение — просто дань традиции, во втором — это скорее тщательно спланированный женихом и невестой спектакль. Третий же вариант равносителен настоящему похищению человека, но тем не менее практикуется во многих странах мира.

Меры противодействия похищению невесты

Основным международным документом, подписанным и ратифицированным Российской Федерацией и отражающим права женщин, является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1993 г. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин определяет насилие следующим образом: «...термин “насилие в отношении женщин” означает любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни» [Декларация... , 1993].

В соответствии с базовыми международными правовыми нормами, женщины должны пользоваться равными правами в отношении осуществления и защиты всех прав человека и основных свобод во всех сферах — политической, экономической, социальной, культурной, гражданской и других. Конституция Российской Федерации также устанавливает государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина.

Для предотвращения кражи невесты на территории Северного Кавказа используются различные инструменты — от профилактики правонарушений до уголовного преследования.

Профилактические меры включают формирование негативного образа традиции похищения посредством СМИ, осуждение религиозными деятелями, снижение размера калыма, просветительскую работу с подростками в школах и вузах, воспитательные беседы в семье.

Методы борьбы делятся на социально-экономические и уголовно-административные. К социально-экономическим относится наложение штрафа на похитителя и сообщников; наложение штрафа на девушку, выступающую инициатором похищения; публичное осуждение похитителя и его рода; изгнание виновного в краже из родового тейпа. Уголовно-административные меры подразумевают лишение свободы на срок от 5 до 15 лет, введение в УК РФ статьи о похищении невесты.

В настоящее время и научные, и религиозные деятели отказались от взгляда на похищение как на древнейшую форму заключения брака [Сиражудинова, 2017]. Более того, ислам (на чьи каноны зачастую ссылаются современные женихи-похитители) категорически против этого обычая. Канонически похищение невест запрещено и в соответствии с мусульманскими законами может расцениваться как разбой. Поэтому исламское духовенство на Кавказе пользуется своим влиянием как рычагом воздействия на похитителей. Например, Духовное управление мусульман Дагестана в 2007 г. провело собрание алимов, где было принято решение о том, что в дагестанских мечетях шариатский брак — *никах* — между сбежавшими влюбленными без согласия родителей невесты заключать не будут.

Важно уделять внимание профилактике совершения подобных правонарушений. В частности, необходимо коренным образом менять романтическое представление об обычае похищения невесты с помощью разъяснительной работы среди читателей исламских и светских средств массовой информации.

Ни для кого не секрет, что ведущую роль в формировании общественного мнения призваны играть СМИ, которые еще называют четвертой властью. Примерно четвертую часть времени бодрствования человек испытывает их воздействие. Информацию о случаях похищения невесты, о последствиях этого следует делать достоянием гласности, размещать в социальных сетях, высказывать негативное отношение к данной традиции.

Духовным лидерам необходимо чаще выражать осуждение традиции похищения в проповедях и фетвах, а также тесно взаимодействовать со СМИ.

В отдельных случаях возможно снижение размера калыма, который в настоящее время составляет от 30 до 50 тыс. рублей. Для регионов Северного Кавказа, где более чем пятая часть населения проживает за чертой бедности, зачастую это неподъемная сумма.

Необходимо проводить подобную разъяснительную работу на местах посредством взаимодействия участковых и подростков, чтения лекций в старших классах школ и в вузах о последствиях кражи и тяжести правонарушений.

Несомненно, колоссальную роль в решении данного вопроса играет семья. Родителям следует больше времени уделять беседам о правильности поведения девушки и юноши, следить за скромностью в одежде своих дочерей и самим выступать примером в следовании законам ислама.

Мужчинам необходимо помнить, что настоящий мусульманин всегда пресекает недостойное отношение к женщине, сознавая, что на ее месте может

оказаться его мать, сестра, жена или дочь. Поэтому настоящий кавказский мужчина не будет принуждать женщину к браку, поскольку это противоречит и религиозным, и морально-этическим канонам.

Выводы

Проведенное авторами исследование позволяет сделать следующие выводы.

Традиция похищения невесты зародилась достаточно давно, первые упоминания о ней возникают еще в библейские времена. В настоящее время в подавляющем большинстве стран — России, Киргизии, Казахстане, Китае и др. — похищение невесты рассматривается как преступление.

Все многообразие случаев похищения невесты можно объяснить такими причинами, как отсутствие времени (или желания) на уговоры и ухаживания; отсутствие денег на выкуп и проведение свадебного торжества; невозможность получить согласие на брак от родственников невесты.

Объективное существование экономической причины, т. е. возможность жениху не платить калым и не играть пышную свадьбу, определяется показателями уровня жизни населения Северного Кавказа: высоким уровнем безработицы и бедности, низкими среднедушевыми денежными доходами, значительной дифференциацией зарплаты по отраслям.

В соответствии с указанными признаками можно выделить три обстоятельства похищения невесты: когда согласны все стороны и похищение представляется как спланированное действие; когда согласна невеста, но против родители; когда против все. В большинстве случаев девушка ни о чем не подозревает и не хочет становиться объектом похищения.

Похищение невесты осуждается Кораном. Для проведения шариатской свадьбы необходимо разрешение опекуна девушки, а также ее личное согласие.

Подавляющее число жителей Северо-Кавказского региона рассматривают похищение невесты не как обычай, а как недостойное действие, преступление, с которым необходимо бороться. Старейшины Кавказа утверждают, что кража молодым человеком невесты делает его недостойным ее любви.

Рассмотренные случаи похищения невест свидетельствуют о том, что большинство похищений приводят к крайне негативным последствиям: несчастливому браку, разрушенным семьям, поломанным судьбам, кровной мести, убийствам, самоубийствам и др.

Для предотвращения кражи невесты на территории Северного Кавказа используются различные инструменты — от профилактики правонарушений до уголовного преследования.

Кавказские мусульманки рассказывают, что наиболее счастливые семьи в их регионе — те, которые являются аутентично исламскими, т. е. такие семьи, которые создаются на основе взаимной договоренности и прозрачности отношений, добровольности брачного договора с обеих сторон, уважения друг друга.

Изживание предрассудков и стереотипов поведения, противоречащих шариату, — сложная и многомерная задача. Необходимо воспитывать исламское мировоззрение, при этом стараясь не задеть некие болезненные точки национального самосознания. Чем выше уровень исламского самосознания общества, чем больше приверженность людей шариату, тем меньше возможностей для проявления такого пережитка, как похищение невесты.

Библиографический список

- Акаев Д. К. Проблемы борьбы с похищениями человека в современных условиях // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 106—107.
- В Ингушетии вводят огромные штрафы за похищение невесты. 2013. URL: <http://www.newsru.com/russia/09nov2013/ingushetia.html> (дата обращения: 10.04.2018).
- Гаджиев Д. М. Безопасность Дагестана: криминальные угрозы и меры противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014а. № 2 (33). С. 57—61.
- Гаджиев Д. М. Криминологическая картина похищений человека в Республике Дагестан // Власть. 2014б. № 4. С. 113—117.
- Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.html (дата обращения: 10.04.2018).
- Махмудова Д. М. Похищение невесты в свете концепции прав человека. Тюмень: Печатник, 2013. 156 с.
- На почве традиций. «Традиционное» насилие. Национальный центр по предотвращению насилия «АННА». Вовлечение молодежи в движение против насилия в отношении женщин. М., 2010. 240 с.
- Нуруллин А. А. Расследование похищения людей и незаконного лишения свободы в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Экономические и юридические науки. 2016. № 3. С. 376—382.
- Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 15.04.2018).
- Регионы России: социально-экономические показатели, 2017. М.: Росстат, 2018. 1402 с.
- Сердюкова Е. В. Криминологический взгляд на проблему похищения женщин в Республике Дагестан // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 14—20.
- Сиражудинова С. В. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 26—35.
- Шхагапсоев З. Л. Некоторые вопросы криминалистической характеристики похищения людей в Северо-Кавказском регионе // Общество и право. 2012. № 1. С. 239—245.

References

- Akaev, D. K. (2008) Problemy bor'by s pokhishcheniiami cheloveka v sovremennykh usloviyakh [Problems of combating kidnapping in modern conditions], *Biznes v zakone*, no. 3, pp. 106—107.
- Deklaratsiia ob iskorenenii nasiliia v otnoshenii zhenshchin (1993) [Declaration on the elimination of violence against women], available from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.html (accessed 10.04.2018).
- Gadzhiev, D. M. (2014a) Bezopasnost' Dagestana: kriminal'nye ugrozy i mery protivodeistviia [Dagestan security: criminal threats and countermeasures], *Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra*, no. 2 (33), pp. 57—61.
- Gadzhiev, D. M. (2014b) Kriminologicheskaiia kartina pokhishchenii cheloveka v Respublike Dagestan [Criminological picture of kidnapping in the Republic of Dagestan], *Vlast'*, no. 4, pp. 113—117.
- Makhmudova, D. M. (2013) *Pokhishchenie nevesty v svete kontseptsii prav cheloveka* [Bride kidnapping in the light of the concept of human rights], Tiumen': Pechatnik.

- Na pochve traditsii. "Traditsionnoe" nasilie. Natsional'nyi tseñtr po predotvrashcheniiu nasiliia "ANNA". Vovlechenie molodezhi v dvizhenie protiv nasiliia v otnoshenii zhenshchin* (2010) [On the basis of traditions. "Traditional" violence. National centre for the prevention of violence "ANNA". Involving young people in the movement against violence against women], Moscow.
- Nurullin, A. A. (2016) Rassledovanie pokhishcheniia liudei i nezakonnogo lisheniia svobody v Rossiiskoi Federatsii [Investigation of kidnapping and unlawful deprivation of liberty in the Russian Federation], *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 376—382.
- Regiony Rossii: Social'no-ekonomicheskie pokazateli, 2017* (2018) [Regions of Russia: Social and economic indicators, 2017], Moscow: Rosstat.
- Serdiukova, E. V. (2011) Kriminologicheskii vzgliad na problemu pokhishcheniia zhenshchin v Respublike Dagestan [Criminological view on the problem of abduction of women in the Republic of Dagestan], *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, seriia Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 14—20.
- Shkhagapsoev, Z. L. (2012) Nekotorye voprosy kriminalisticheskoi kharakteristiki pokhishcheniia liudei v Severo-Kavkazskom regione [Some questions of criminalistic characteristics of kidnapping in the North Caucasus Region], *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 239—245.
- Sirazhudinova, S. V. (2017) "Ya ne mogu skazat'!": k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) ["I cannot say!": on the problem of domestic and sexual violence in the republics of the North Caucasus: (Based on sociological research in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.

Статья поступила 30.01.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Махмудова Мухаббат Мадиевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия, mahmudovamm@tyuiu.ru (Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation).

Королева Анна Михайловна — старший преподаватель кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия, annalitik@mail.ru (Assistant Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation).

Махмудова Джамиля Махдиевна — кандидат юридических наук, помощник адвоката, Дагестанская специализированная коллегия адвокатов, г. Махачкала, Россия, pravo0706@gmail.com (Cand. Sc. (Jurisprudence), Assistant Lawyer at the Dagestan Specialized Bar Association, Makhachkala, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2019. No. 1. P. 133—144

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.12

Женщина в российском обществе

2019. № 1. С. 133—144

ББК 74.0(2)5-421

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.12

ГЕНДЕРНАЯ РЕ(Э)ВОЛЮЦИЯ КОММЕРЧЕСКИХ УЧИЛИЩ В РОССИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Т. А. Магсумов^{a, b}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, г. Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

^b Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны, Россия, nabonid1@yandex.ru

Предприняв попытку исследовать гендерные новации в сфере образования в позднеимперской России, автор сконцентрировался на теме совместного обучения. Практика совместного обучения, не нашедшая активной поддержки в политических и общественных кругах России начала XX в., внедрялась в частном порядке в средней школе в основном на базе коммерческих училищ. Бросив вызов традиционному режиму гендерных отношений, совместное обучение прижилось благодаря активности передового учительства и постепенному принятию со стороны средних слоев городского населения. Групповое сознание этих слоев начало сдвигаться в сторону идей «новой», свободной профессионально ориентированной школы, в которой они могли осуществлять контрольно-корректирующую функцию. Отрицание старого образца раздельного обучения сопровождалось многочисленными трансформациями на микроуровне повседневных практик взаимодействия и общения между детьми разного пола. Педагоги сделали первые обобщения гендерных различий в образовании, выявили их относительный характер. Большого распространения практика совместного обучения не получила, но рост численности таких школ был высоким.

Ключевые слова: Российская империя, образование, коммерческое училище, совместное обучение, гендерная сегрегация, гендерные отношения.

GENDER RE(E)VOLUTION OF COMMERCIAL SCHOOLS IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

T. A. Magsumov^{a, b}

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research,
Washington, United States of America

^bNaberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation, nabonid1@yandex.ru

In an attempt to study gender innovations in education in the late imperial Russia, the author has focused on co-education in commercial schools. The practice of co-education, that failed to find strong support in the political and social circles of the late imperial Russia, was introduced privately in the secondary school institutions, mainly in commercial schools. Being a challenge to the traditional mode of gender relations, co-education took hold thanks to the advanced teaching staff as well as gradual acceptance by the urban middle class, whose group consciousness began shifting towards the ideas of a “new” free profession-oriented school, the one where they could carry out a control and corrective function. Disregard to the old pattern of separate education was accompanied by numerous transformations at the micro level of everyday practices of interaction and communication between children of opposite sexes. It was the teachers who made the first generalizations of gender differences in education, as well as revealed their relative nature. The practice of co-education was not eventually widely spread, but the growth in the number of such schools was quite rapid.

Key words: Russian Empire, education, commercial school, co-education, gender segregation, gender relations.

Введение

Развал советской модели государственно-общественного устройства поставил на повестку дня множество социальных и ментальных проблем. В 1990-х гг. оживился «женский вопрос», усилилось внимание к человеческой индивидуальности, а развернувшиеся на этом фоне дебаты о раздельном и совместном обучении привели к появлению однополых и элитарных школ. Ослабление социальной и гендерной поляризации в начале XXI в. «амортизировало» на микроуровне многие подобные учебные заведения, вынудив их отказаться от чрезмерной сегрегации учащихся по признакам пола, интеллекта или дохода. Усилившаяся гендерная нейтрализация социальных ролей привела к противоположным явлениям: в профессиональном образовании традиционно однополые специальности стали пополняться представителями другого пола.

Трансформация традиционного гендерного порядка, сопровождавшаяся модернизацией России эпохи поздней империи, неизбежно вызывала новые явления в образовательной сфере, первым из которых стало введение среднего, а затем и высшего женского образования. Эти вопросы получили достаточно подробное освещение в историографии, тогда как гендерные новации в образовании начала XX столетия остались вне фокуса исследовательского интереса. В их числе

было совместное обучение в средней школе. Причина тому заключена вовсе не в упущениях. Эксперимент по совместному обучению охватил к 1913 г. лишь 143 средних учебных заведения в стране [Белянова, 2014: 82].

Попытка заполнить лакуны в исследовании новых гендерных порядков в российских средних школах начала XX в., составившая цель данной статьи, фокусируется на изучении их реализации в учебных заведениях нового типа — коммерческих училищах.

Раздельно или вместе? Маленький эксперимент в большой стране

Процессы женской эмансипации, затронувшие сферу образования пореформенной России, привели к определенным положительным результатам. К началу XX столетия было трудно кого-либо удивить женской гимназией, прогимназией или епархиальным женским училищем: наблюдается их количественный рост и территориальное распространение, они выходят из пределов губернских столиц в центры уездов. Это породило и рост числа женщин-педагогов. Однако общеобразовательной модели средней и высшей женской школы, ограничивающей возможность профессиональной реализации выпускниц только сферой образования, в условиях постепенного роста социальной активности женщин было уже недостаточно. Параллельно осуществлялась политика по развитию профессионального образования, рассматриваемого властными структурами как ресурсная база для модернизирующейся экономики. В силу ограниченности средств власти переходят в этой сфере к государственно-общественной модели, облегчая возможность открытия профессиональных школ на местах различным обществам и частным лицам, предоставляя им и некоторую автономию в управлении такими учебными заведениями. Хронологическое совпадение этих тенденций привело к тому, что поток девочек хлынул в профессиональную школу. К 1910 г. в средних и низших профессиональных учебных заведениях страны число учениц составляло 29,19 % от общего количества учащихся, а в училищах Казанского учебного округа (КУО) — 25,78 % [Сборник статистических сведений... , 1910a: VI, 29, 31].

Во многом еще традиционалистское общество закрывало глаза на совместное обучение детей при получении начального образования, но в отношении средней школы такие факты были редким исключением. Гораздо лучше, в сравнении с общеобразовательной школой, дело обстояло в профессиональном образовании. Так, в 1910 г. из 334 средних и низших профессиональных учебных заведений шести губерний КУО в 29 (8,68 %) практиковалось совместное обучение (в этом числе — восемь коммерческих учебных заведений), из них пять школ были средними (две музыкальные и по одной художественной, фельдшерской и коммерческой) [Сборник статистических сведений... , 1910a: 2—3; 1910b: 6—9, 68—87, 130—149, 338—353, 392—409]. Средняя профессиональная школа, готовившая кадры для экономики, в силу своей специфики практически полностью была мужской по составу не только учащихся, но и педагогов. Единственное исключение в ней составляли коммерческие училища. В КУО к 1914 г. лишь два коммерческих училища (Вятское и Балаковское) реализовывали совместное обучение мальчиков и девочек, не было ни одного женского.

Первая русская революция, вскрывшая существенные проблемы школы, стала прологом к широкому обсуждению образовательной реформы. Экс-министр просвещения И. И. Толстой, позиционируя себя сторонником совместного обучения, считал, что решение данного вопроса должно состояться после широкой апробации в школе, причем для этого он предлагал выделить хотя бы несколько казенных средних школ, а в негосударственной «немедленно разрешить, в случае желаний учредителей, такое совместное обучение, в зависимости от воли родителей и воззрения на вопрос педагогов каждого данного учебного заведения» [Толстой, 1907: 67—68]. Аналогичного мнения о невозможности массового введения совместного обучения придерживался земский деятель педагог В. И. Чарнолуский, предлагавший отдать решение этого вопроса на местный уровень [Чарнолуский, 1909: 109]. За частичное введение совместного обучения выступала Н. К. Крупская, ограничивавшая возможность подобной практики лишь обновляющимися свободными школами [Крупская, 1957: 146—147].

Именно коммерческая школа, негосударственная в своей основе и во многом новаторская для того времени, становится «локомотивом» внедрения совместного обучения, обнаруживая наиболее быстрые темпы роста: число общественных коммерческих училищ с совместным обучением в период 1907—1913 гг. увеличилось в пять раз, а их доля в общей численности коммерческих училищ возросла втрое, тогда как число женских коммерческих училищ практически не изменялось, а их доля даже снизилась (табл. 1) [Статистические сведения... , 1909: 46—51; 1912: 28—35; 1916: 30—37].

Таблица 1

**Феминизация общественных коммерческих училищ России
и их педагогического состава, начало XX в.**

Показатель	Учебный год		
	1907/08	1910/11	1913/14
Общее количество училищ	69	104	121
В том числе:			
женские училища	7 (10,14)	12 (11,53)	11 (9,09)
училища с совместным обучением	9 (13,04)	28 (26,92)	48 (39,66)
Численность преподавательниц:			
в составе штатных преподавателей	21 (4,15)	59 (9,11)	112 (13,13)
составе преподавателей по найму	188 (14,61)	366 (25,12)	512 (29,66)
общем составе преподавателей	209 (11,66)	425 (20,19)	624 (24,19)

Примечание. В скобках указано процентное значение.

Современники отмечали, что совместному обучению препятствовала главным образом ханжеская забота о половой нравственности «путем чисто внешних мер “предупреждения и пресечения”» [Чарнолуский, 1909: 107] (см. также: [Жакова, 1906: 7]). Сторонники совместного обучения апеллировали

к реалиям жизни: общение между девочками и мальчиками возможно и вне школы [там же]. Они полагали, что «раздельная школа выпускала юношей и девушек с различными уровнями научных знаний... с различными интересами и устремлениями», поэтому «у юношей и девушек было мало общего, их взаимоотношения в массе своей были бедны по содержанию и в большинстве случаев принимали банальный характер — отношений кавалера и барышни» [Чунихина, 1958: 21—22].

Иной была ситуация в провинциальной периферии. Небольшие уездные города и крупнейшие села были заинтересованы в совместных средних учебных заведениях, поскольку на «мужское и женское порознь у них не хватало средств» [Жакова, 1906: 8]. Так произошло в с. Балаково Николаевского уезда Самарской губернии, где существовали только начальные школы, а мужские и женские средние учебные заведения имелись лишь в соседних Николаевске и Екатериненштадте [Памятная книжка... , 1911: 141—144]. Насущную необходимость в средней школе здесь показал набор учащихся: в первый же год училище открылось в составе приговорительного, первого и второго классов.

Однако «предрассудки, страхи “как бы чего не вышло”, нерешительность и недоверие свили себе прочное гнездо» [Жакова, 1906: 6]. Полторы сотни школ на всю страну оставались частной инициативой либеральных педагогов или починном органов самоуправления небольших населенных пунктов. Коммерческие училища, создававшиеся изначально со смешанным обучением, стали базой для реализации этого начинания в силу либеральной образовательной программы, проводившейся Министерством торговли и промышленности, в ведении которого они состояли. Известные представители реформистских и революционных сил в общественно-педагогическом движении считали совместное обучение преждевременным для внедрения в массовую практику. С другой стороны, сеть средних школ Министерства народного просвещения была уже выстроена, а само министерство считалось одним из оплотов консерватизма, который выступал резко против реализации подобных устремлений.

Первые шаги совместной школы

Начало совместного обучения было трудным, причем сложности, по косвенному замечанию одной из преподавательниц, были скорее не педагогическими, а социальными. Вспоминая о подробных обсуждениях проблем совместного обучения на педагогических совещаниях, она акцентирует внимание на потребности «показать родителям и городской общественности преимущества совместного обучения перед раздельным» (см.: [Чунихина, 1958: 18]). Более откровенно говорит одна из бывших учениц: «Обывателям казалось это чем-то кощунственным» [там же: 153]. Совместное обучение в отдельных школах ломало традиционный (именно в глазах местного социума) гендерный порядок средней школы, для части детей же оно в некотором смысле оставалось привычным в силу наличия подобного опыта в начальной школе.

Первый год новой системы был для детей временем адаптации: «К концу года... как мальчики, так и девочки перестали дичиться одни других. Отношение мальчиков к девочкам было вполне корректное, и лишь изредка некоторые из мальчиков позволяли себе вначале подсмеиваться и дразнить девочек, но благодаря бдительному надзору за подобными выходками, такие явления становились

постепенно реже и реже и к концу года почти совсем прекратились» [Учебно-воспитательный отчет... , 1911: 28]. Преподаватели Вятского училища тоже отмечали, что «достигалось это, конечно, большой работой педагогов, длительным и напряженным вниманием к жизни детей», но все же признали, что успехов в преодолении дивергенции полов добивались «не сразу и не всегда легко» (см.: [Чунихина, 1958: 22]). Так, например, получилось с рассказыванием разнополых детей по партам вместе, которое педагоги произвели самостоятельно с целью уменьшения половой сегрегации. В одном из классов Вятского училища это вылилось в открытый конфликт двух детей, решение которого педагог осуществил посредством договора с ними, согласно которому они «через неделю вновь скажут об этом своем желании и к тому же обдумают, чем они друг другу не нравятся и почему не хотят сидеть вместе» [там же: 23]. Возможно, здесь роль сыграли особенности темперамента детей: девочка характеризовалась как стремительная, а мальчик — медлительный. Куда важнее то, что девочки легче коммуницируют с мальчиками, склонны к уменьшению конфликтов и следованию правилам и нормам [Бендас, 2006: 286—287], а в случае отказа девочки от прямого конфликта мальчику сложнее стать его инициатором, поскольку это наносит удар по его маскулинности.

Выявление доли учениц в общем составе учащихся коммерческих училищ с совместным обучением может отразить уровень принятия средними слоями общества такой системы (в виде реализованной готовности родителей отдать своих дочерей в подобное учебное заведение). Так, в Вятском и Балаковском училищах за годы их существования наблюдается ежегодное увеличение числа учениц, причем в первом отмечается и пропорциональный рост. К началу Первой мировой войны их численность в обоих училищах достигла 32 % от общего состава учеников (табл. 2) [Статистические сведения... , 1912: 28, 32, 84, 88; 1916: 30, 34, 78, 81].

Таблица 2

**Половой состав учащихся и преподавателей
Вятского и Балаковского коммерческих училищ**

Показатель	Вятское училище		Балаковское училище	
	Учебный год			
	1910/11	1913/14	1910/11	1913/14
Общее число учащихся	126	188	100	176
Число учениц	33 (26,19)	60 (31,91)	30 (30)	56 (31,81)
Общее количество преподавателей	11	13	6	11
В их числе:				
женщины	6 (54,54)	6 (46,15)	1 (16,66)	2 (18,18)
штатные женщины-преподавательницы	0	0	1	1
штатные мужчины-преподаватели	0	0	3	6
женщины — преподавательницы по найму	6	6	0	1
мужчины — преподаватели по найму	5	7	2	3

Примечание. В скобках указано процентное значение.

Пропорциональный рост числа девочек в Вятском коммерческом училище педагогический комитет отмечал «как явление очень желательное, так как в таком большом количестве девочки чувствуют себя лучше, имеют более определенную

физиономию и оказывают более определенное благотворное влияние на мальчиков» [ГАКО, д. 42, л. 178 об.]. Отчет училища за 1913/14 учебный год показывает равное количество мальчиков и девочек в старшем и младшем отделениях приготовительного класса, в 1—4-х классах девочки составляли 1/3, а в 5—6-х — 1/6 от количества учащихся данных классов [Вятское коммерческое училище, 1915: 16]. Эта динамика подтверждает постепенный рост числа учениц со времени открытия училища, однако их более высокая доля в приготовительных классах в сравнении с остальными, наблюдавшаяся и в Балаковском училище [Учебно-воспитательный отчет... , 1911: 56], может свидетельствовать об относительно низком базовом образовании учениц, недостаточном для поступления сразу в первый класс.

Дивергентные наблюдения, конвергентные «потуги» и взаимоотношения школьников

В силу новой организации обучения коммерческая школа стала «лабораторией» и первых научных педагогических и психологических обобщений гендерных различий в образовании. Так, в Балаковском училище отметили более высокую академическую успеваемость девочек в сравнении с мальчиками, равно как и большую дисциплинированность [Балаковская народная энциклопедия, 2007: 207—209]. Сравнительно высокая успеваемость учениц Вятского училища подтверждается результатами перевода в следующий класс без экзаменов: это коснулось 74,6 % девочек и 64,1 % мальчиков [Вятское коммерческое училище, 1915: 16, 20]. Успешность учениц, особенно в младших классах, педагоги относили за счет их большей «аккуратности и исполнительности в работе». Была отмечена и стеснительность учениц («В большинстве случаев девочки о себе и своих мыслях заявляют несколько застенчиво» [ГАКО, д. 42, л. 181]), а также некоторая напряженность в учебной деятельности: в классах, где девочек было мало, они слабо проявляли себя и чувствовали себя более скованно [Вятское коммерческое училище, 1915: 21].

Педагоги Вятского училища указывали на разницу в гендерной чувствительности к видам учебной деятельности и учебным дисциплинам, зависящую от господствующих гендерных стереотипов: «мальчики... с большим интересом относились к практическим работам и особенно к работе в мастерских», девочки были менее успешны и в лабораторных работах по естественным наукам (см.: [Чунихина, 1958: 24—25]). При этом подчеркивался относительный характер отличий в когнитивных процессах, его зависимость от индивидуальных особенностей, направленности интересов и педагогической коррекции. Факторами успешной учебной мотивации девочек назывались социально-психологические: «Отставать не хотелось, самолюбие не позволяло, и девочки подтягивались» [там же]. Однако эти же факторы создавали и психологические трудности для девочек: индивидуальный разбор отчетов по практическим занятиям в классе «был хорошим поводом для сравнений и критики»: «Это заставляло девочек подтягиваться, чтобы не сплеховать при ответах на вопросы» [там же: 25].

Единичный не вполне удачный методический прием не умалял работу учителей по уменьшению гендерной сегрегации. Организация образовательного процесса строилась на совместной деятельности мальчиков и девочек: «Вместе работали, играли, налаживали классную и вообще школьную жизнь» [там же: 24].

При этом учитывались и особенности половозрастного развития. Так, в втором классе на уроках ручного труда, в силу еще слабого физического развития девочек, была введена «пластическая резьба из мягкого дерева», а столярный ручной труд начинался с третьего класса [Вятское коммерческое училище, 1915: 193—194]. Особенно стоит отметить, что линия на конвергенцию полов выстраивалась не только в учебном процессе, но и в активной внеучебной работе школы, даже вечером становившейся центром детской жизни.

Организованная педагогами обстановка постоянного взаимодействия учеников и учениц, понижающая сегрегацию в формализованных контактах, сопровождалась рядом тенденций к конвергенции полов в свободных контактах между детьми.

Взаимоотношения разнополых обучающихся строились в целом соответственно возрасту. Как отмечали классные наблюдатели Балаковского училища, в 1911/12 учебном году во втором классе «девочки уже не сторонились мальчиков, а принимали все больше и больше участия в их компаниях», в третьем — «девочки временами пробовали принять участие в играх мальчиков, но, видимо, не могли привыкнуть к той резкости движений, быстроте и силе, которыми отличаются мальчики в этом возрасте» и поэтому все же «предпочитали играть отдельно» [Балаковская народная энциклопедия, 2007: 209]. То есть попытки включения в еще сохраняющиеся однополые мальчишеские игровые ядра периферийных участников — девочек были, но пока недостаточно успешные. Стремление к участию проявили только девочки, тогда как попыток мальчиков включиться в игровые группы девочек в источниках не обнаружено, что косвенно указывает на различия в группировках мальчиков и девочек: девочки гибко воспринимают маскулинные аспекты в поведении других девочек, в то время как для мальчиков фемининное поведение считается неприемлемым [Бендас, 2006: 286]. Мальчики остались в центре игрового поля, а девочки — на периферии.

Тенденция к конвергенции полов успешно продолжилась в старших классах, выразившись в формировании романтических отношений. В четвертом классе Вятского училища во втором полугодии 1910/11 учебного года (подростки 14—15 лет) «между мальчиками и девочками отчасти своего класса, а главным образом второго (в дальнейшем по источнику стало ясно, что третьего. — *Т. М.*) завязалась переписка сентиментально-романтического характера». Записки передавались в основном через третьих лиц, иногда — лично. Прямых разговоров избегали, «видимо наиболее интересным была именно эта прелесть таинственности». Воспитательница провела с ними беседу, «девочки довольно просто указали, кому они писали, что писали, как передавались записки и пр. подробности». Беседа свелась к освещению этого вопроса «с точки зрения желательных человеческих отношений, основанных на естественном стремлении людей к общению и на их взаимном уважении» [ГАКО, д. 77, л. 108—108 об.].

Явное отсутствие полового воспитания (просвещения) в дореволюционных школах вело ко многим отрицательным последствиям. Однако куда более деструктивными были раннее начало половых контактов, беспорядочные половые связи и, как следствие, распространенность венерических заболеваний в молодежной среде.

На следующий учебный год переписка в этом классе (подростки 15—16 лет) не возобновлялась, начался переход в стадию более взрослых отношений: девочки и мальчики «перешли из общения на “ты” в обращение на “Вы”, стала наблюдаться большая сдержанность в играх, и вообще во взаимных отношениях не обошлось дело без некоторых случаев легкого кокетства и мелких услуг мальчиков девочкам» [там же, л. 108 об.] (см. также: [Вятское коммерческое училище, 1914]).

Первые итоги совместного обучения

Школа не могла преодолеть тенденцию к дивергенции полов, и педагоги четко это понимали, в заслугу ей можно поставить явное смягчение гендерной сегрегации в школьном детском коллективе. Во взаимоотношениях между мальчиками и девочками Вятского училища «не замечалось никаких нежелательных уклонов; правда, была бы желательна большая общительность: наблюдается некоторая обособленность одних от других, но резко выраженного характера это не носит, и во всех случаях учебной и вообще училищной жизни те и другие просто и спокойно участвуют на равных основаниях» [ГАКО, д. 42, л. 186].

Подводя итоги совместного обучения, на торжественном акте по случаю первого выпуска в Вятском училище было отмечено, что оно «смягчает и облагораживает одних, расширяет кругозор других, предохраняет от многих грубых, нежелательных увлечений и пороков юношей, устанавливая... простые и дружеские отношения...» [Акт... , 1916]. Одна из выпускниц вспоминала: «После окончания школы мы, девочки, остались хорошими друзьями с мальчиками» (см.: [Чунихина, 1958: 153]). Открытие школы с совместным обучением дало несомненно положительный эффект в виде появившейся возможности «повысить образование девочек (сравнительно с женскими гимназиями)» [там же: 13]. Законодательные реалии образовательной сегрегации при одинаковом уровне получаемого образования не позволяли уравнивать права выпускников и выпускниц. Последним предоставлялось лишь право на дальнейшее образование — возможность поступления в вузы, уравнивая с правами выпускниц женских гимназий ведомства императрицы Марии [Права... , 1912].

Временное правительство в апреле 1917 г. разрешило министру просвещения открывать гимназии, прогимназии и реальные училища с совместным обучением [Сборник указов... , 1917: 203—204]. Во всех учебных заведениях оно стало вводиться с 1918/19 учебного года, однако в КУО осуществление совместного обучения на татарском языке натолкнулось на серьезные препятствия, вызванные религиозными мотивами и традициями, поэтому в том же учебном году наряду с татарскими совместными школами продолжали существовать мужские и женские школы. Традиция оказалась сильнее демократических веяний.

Выводы

Становление совместного обучения в незначительном количестве учебных заведений явилось результатом частной педагогической или местной инициативы небольших городов, реализовавших эту идею в создаваемых ими же коммерческих училищах — либеральных школах нового типа. Популярность такой формы была обусловлена чисто экономическими причинами — невозможностью

для небольших населенных пунктов сформировать отдельные средние школы и профессиональной направленностью коммерческих училищ, открывавшей новые пути профессионально-социальной реализации выпускниц.

Новая форма обучения стала вызовом активным агентам, опирающимся в числе прочего и на селекцию североатлантических образовательных идей и практик, вызовом, брошенным коллективному режиму воспроизводства старых отношений между полами и разделенному обучению. Такие прецеденты «неуместных» форм поведения разрушали привычный гендерный порядок на микроуровне локальных институций и территорий. Этот новый опыт все же приживался, легитимировался и набирал обороты. Увеличивается количество подобных учебных заведений и учащихся в них, наблюдается пропорциональный рост числа девочек в ученическом контингенте, что говорит о начавшейся трансформации традиционного мировоззрения, в первую очередь среди средних городских слоев, превращающихся в некие социально-территориальные анклавы нарастающей модернизации.

Совместное обучение, на первых порах затруднявшееся на микроуровне социальным недоверием родителей и повышенной гомосоциальностью детей, в рамках относительно демократического коммерческого образования и разносторонней работы педагогов расширяло круг совместной деятельности детей в учебном процессе, сближало их интересы в коллективно-творческих делах, ослабляло сегрегацию в общении и межполовых отношениях, усиливая взаимовлияние и взаимовоспитание мальчиков и девочек. Одновременно сохранялись и гендерные различия в образовательном процессе, связанные с более высокой успеваемостью учениц, стереотипами в мотивации, активности и направленности учебных интересов, гендерной чувствительностью к различным учебным дисциплинам; гомогенная ориентация в отношении к миру взрослых в лице учителей. Однако в условиях ослабления гендерной поляризации всех видов деятельности в рамках школы эти различия имели не абсолютный характер, варьировались с возрастом и вследствие индивидуальных особенностей.

Начавшая апробацию в средней школе в основном на базе коммерческих училищ, практика совместного обучения значительно опережала его теорию, не «обросла» необходимым методическим и психологическим аппаратом, в результате чего массовое внедрение данного обучения советской властью вызывало ряд организационно-педагогических и социальных проблем.

Библиографический список

- Акт в коммерческом училище // Вятская речь. 1916. № 112. С. 3.
Балаковская народная энциклопедия / сост. Ю. Каргин. Саратов: Приволж. изд-во, 2007. 534 с.
Белянова О. А. Совместное обучение как педагогическая проблема в России второй половины XIX — начала XX в. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2014. 136 с.
Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 430 с.
Вятское коммерческое училище // Северное слово. 1914. 25 мая.
Вятское коммерческое училище: краткий отчет за 1913/14 учебный год. Вятка: Тип. и хромофотография М. М. Шкляевой, 1915. 254 с.

- ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 218. Оп. 1.
- Жакова Г. Н. К вопросу о совместном обучении в средних учебных заведениях. СПб.: Типолитография А. Э. Винеке, 1906. 8 с.
- Крупская Н. К. Совместное обучение // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1957. Т. 1. С. 143—154.
- Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. Самара: Губ. тип., 1911. 459 с.
- Права Вятского коммерческого училища // Вятская речь. 1912. № 36. С. 2.
- Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1910а. Ч. 1. XII, 94 с.
- Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1910б. Ч. 2. [4], 669, [3] с.
- Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг.: Гос. тип., 1917. Вып. 1. [2], VI, [2], 557 с.
- Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности, 1907/08 учебный год. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1909. 356 с.
- Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности, 1910/11 учебный год. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1912. XXVIII, 391 с.
- Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности, 1913/14 учебный год. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1916. XXVIII, 418 с.
- Толстой И. И. Заметки о народном образовании в России. СПб.: Тип. Т-ва М. О. Вольф, 1907. [4], 131 с.
- Учебно-воспитательный отчет Балаковского коммерческого училища за 1910/11 учебный год. Балаково: Тип. Т-ва «Труд», 1911. 92 с.
- Чарнолуский В. И. Основные вопросы организации школы в России. СПб.: Знание, 1909. IV, 131 с.
- Чунихина Е. Н. Путь двадцатилетней педагогической работы. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 168 с.

References

- Balakovskaia narodnaia entsiklopediia* (2007) [Balakovo popular encyclopedia], Saratov: Privolzhskoe izdatel'stvo.
- Belianova, O. A. (2014) *Sovmestnoe obuchenie kak pedagogicheskaia problema v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Coeducation as a pedagogical problem in Russia the second half of XIX — the beginning of the XX c.], St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena.
- Bendas, T. V. (2006) *Gendernaia psikhologiia* [Gender psychology], St. Petersburg: Piter.
- Charnoluskii, V. I. (1909) *Osnovnye voprosy organizatsii shkoly v Rossii* [The main questions of the organization of school in Russia], St. Petersburg: Znanie.
- Chunikhina, E. N. (1958) *Put' dvadtsatiletnei pedagogicheskoi raboty* [Way of twenty years' pedagogical work], Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Krupskaia, N. K. (1957) *Sovmestnoe obuchenie* [Co-education], in: Krupskaia, N. K. *Pedagogicheskie sochineniia*: in 10 vols, vol. 1, Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, pp. 143—154.
- Pamiatnaia knizhka Samarskoï gubernii na 1911 god* (1911) [The memorable book of the Samara province for 1911], Samara: Gubernskaia tipografiia.

- Sbornik statisticheskikh svedeniĭ o sostoianii srednego i nizshego professional'nogo obrazovaniia v Rossii* (1910a) [The collection of statistical information on the state of primary and secondary professional education in Russia], pt. 1, St. Petersburg: Tipografiia A. V. Orlova.
- Sbornik statisticheskikh svedeniĭ o sostoianii srednego i nizshego professional'nogo obrazovaniia v Rossii* (1910b) [The collection of statistical information on the state of primary and secondary professional education in Russia], pt. 2, St. Petersburg: Tipografiia A. V. Orlova.
- Sbornik ukazov i postanovleniĭ Vremennogo pravitel'stva* (1917) [The collection of decrees and resolutions of the Provisional government], iss. 1, Petrograd: Gosudarstvennaia tipografiia.
- Statisticheskie svedeniia o sostoianii uchebnykh zavedeniĭ, podvedomstvennykh uchebному отделу Ministerstva torgovli i promyshlennosti, 1907/08 uchebnyi god* (1909) [Statistical data on a condition of the educational institutions subordinated to educational department of the Ministry of Trade and Industry, 1907/08 academic year], St. Petersburg: Tipografiia A. V. Orlova.
- Statisticheskie svedeniia o sostoianii uchebnykh zavedeniĭ, podvedomstvennykh uchebному отделу Ministerstva torgovli i promyshlennosti, 1910/11 uchebnyi god* (1912) [Statistical data on a condition of the educational institutions subordinated to educational department of the Ministry of Trade and industry, 1910/11 academic year], St. Petersburg: Tipografiia A. V. Orlova.
- Statisticheskie svedeniia o sostoianii uchebnykh zavedeniĭ, podvedomstvennykh uchebному отделу Ministerstva torgovli i promyshlennosti, 1913/14 uchebnyi god* (1916) [Statistical data on a condition of the educational institutions subordinated to educational department of the Ministry of Trade and Industry, 1913/14 academic year], Petrograd: Tipografiia A. V. Orlova.
- Uchebno-vospitatel'nyi otchët Balakovskogo kommercheskogo uchilishcha za 1910/11 uchebnyi god* (1911) [The teaching and educational report of the Balakovo commercial college in 1910/11 academic year], Balakovo: Tipografiia Tovarishchestva «Trud».
- Viatskoe kommercheskoe uchilishche: Kratkiĭ otchët za 1913/14 uchebnyi god* (1915) [Vyatka commercial college: The summary record in 1913/14 academic year], Vyatka: Tipografiia i khromolitografiia M. M. Shklyaevoi.
- Zhakova, G. N. (1906) *K voprosu o sovместnom obuchenii v srednikh uchebnykh zavedeniakh* [To the question of coeducation in secondary schools], St. Petersburg: Tipolitografiia A. E. Vineke.

Статья поступила 14.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Магсумов Тимур Альбертович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории мировых цивилизаций, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, г. Вашингтон, США; доцент кафедры истории и методики ее преподавания, Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны, Россия, nabonid1@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher of the Laboratory of World Civilizations, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA; Associate Professor at History and Its Teaching Methods Department, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2019. No. 1. P. 145—152

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.13

Женщина в российском обществе

2019. № 1. С. 145—152

ББК 63.3(2)634-284.3

DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.13

СТЕРЖЕНЬ Т. М. ЗАХАРОВОЙ В НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

И. В. Синова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, s-irina@yandex.ru

На основе анализа литературы и нарративных источников, зафиксированных в ходе личных бесед, показана реализация «мягкой силы» на примере деятельности Т. М. Захаровой, которая совмещала работу в должности бригадира на Ленинградском государственном заводе слоистых пластиков с народной дипломатией, являлась вице-президентом Общества дружбы СССР — США, членом Комитета советских женщин, членом правления Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Судьба и международная деятельность Т. М. Захаровой рассматриваются в статье как влияние личностного фактора на народную дипломатическую практику.

Ключевые слова: народная дипломатия, «мягкая сила» в дипломатии, международная деятельность, гендерный фактор.

T. M. ZAKHAROVA'S PIVOT IN THE PUBLIC DIPLOMACY

I. V. Sinova

St. Petersburg University of Economics, St. Petersburg,
Russian Federation, s-irina@yandex.ru

The article is based on the analysis of literature and narrative sources, including those recorded in personal conversations. On the example of T. M. Zakharova the author shows the realization of “soft power” notion. T. Zacharova combined work at the Leningrad plant of laminated plastics with public diplomacy; she was vice-president of the USSR — USA Friendship Society, a member of the Committee of Soviet Women, a board member of the Leningrad branch of the Union of Soviet Societies of Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries. Fate and international activity of Zakharova is considered in the article as the influence of a personal factor on public diplomacy practice. The example of T. M. Zakharova testifies that women at international conferences and meetings related to issues of peace and disarmament. The article cites facts connected with her ability to find convincing arguments and effective forms of explaining the policy of the Soviet Union during the Cold War. T. Zacharova managed to find such arguments and explanations in difficult situations in the course of communication with representatives of foreign countries. Her job as a representative

of public diplomacy was appreciated. She was awarded the Soviet Order of Friendship of Peoples and the Sign “Influential Woman of the World” by the United States Women’s Public Organization. The article analyzes the activity of T. M. Zakharova, and it is shown that she was a typical Soviet-era nominee for party, state and economic positions chosen on socio-party-demographic criteria. However, her personal qualities did contribute a lot to her efficiency as a representative of “soft power” in diplomacy.

Key words: public diplomacy, “soft power” in diplomacy, international activity, gender factor.

«Каждая человеческая судьба сплетается из тысячи нитей случайностей, из мыслей, поступков, из событий значительных и, казалось бы, не очень» [Захарова, 2013: 5]. Жизнь автора этих строк Татьяны Михайловны Захаровой, взятых из книги «Стержень», название которой в полной мере характеризует принципы и деятельность этой удивительной женщины, состояла преимущественно из «событий значительных». И в немалой степени благодаря совпадению непреременных в советское время при назначении на партийные, государственные и хозяйственные должности социально-партийно-демографических критериев и личных качеств, способствовавших эффективной деятельности как представителя «мягкой силы» в дипломатии.

Несмотря на мнение психологов, что именно женщина обладает качествами, способствующими предотвращению конфликтов, снятию напряженности и урегулированию споров, их число в сфере международных отношений в нашей стране за последние годы увеличилось очень незначительно, и как зеркальное отражение этого — редкие публикации по данной проблематике [Зайнуллина, Синова, 2017; Зонова, 2010]. Работы Г. Н. Галкиной формируют представление о Комитете советских женщин и его правопреемнике Союзе женщин России как «мягкой силе», действующей в интересах государства [Галкина, 2013, 2015]. В книге И. А. Мелихова «Фактор личности в дипломатической практике. История и современность» женщинам посвящено всего несколько абзацев, и это также является свидетельством их ограниченного участия в данной профессиональной области [Мелихов, 2014].

Международная деятельность и дипломатия традиционно являются сферами, в которых гендерное неравенство сохраняется, несмотря на законодательные императивы и конституционное закрепление равных прав и возможностей мужчин и женщин. Поэтому судьбы женщин, сумевших добиться признания, результатов и успеха как в официальной, так и в народной дипломатии, бесспорно, заслуживают особого внимания и отдельного исследования.

Впервые на теоретическом уровне вопрос о том, может ли женщина выполнять обязанности посла, был затронут в «Трактате о посольствах и послах», изданном в 1726 г. в Роттердаме. Сама по себе его постановка уже является свидетельством существовавших разногласий на этот счет. В трактате с осуждением отмечается, что «те, кто утверждают, будто женщина не может исполнять обязанности посла, скорее хотят поупражняться в остроумии, чем поговорить серьезно, или, возможно, они просто попали под влияние... римских законов, запрещающих представительницам прекрасного пола занимать любые

государственные и почетные должности. Увлеченные этим глупым мнением, они вообразили, будто мужчины лучше хранят государственные тайны, чем женщины, лучше применяют политические хитрости...» [Трактат о посольствах и послах, 2006: 92—93]. К сожалению, в начале XXI в. тоже отсутствует единодушие по этому вопросу.

Но и немногочисленные примеры участия женщин в международной деятельности свидетельствуют о наличии у них определенных преимуществ перед мужчинами. По мнению дипломата И. А. Мелихова, женщина «обладает более выраженной интуицией, помогающей глубже прочувствовать возможное направление развития ситуации. Ей свойствен высокий уровень ответственности, исполнительности, служебной щепетильности. Подчас ей легче получить оперативную информацию, т. к. собеседники-мужчины пытаются завышать собственный статус, демонстрировать свою компетентность и информированность. К тому же в жизненных ситуациях женщина мудрее мужчины» [Мелихов, 2014: 19].

Примером не только мудрости, но и патриотизма, гибкости, а порой и напористости является Т. М. Захарова, которая совмещала работу в должности бригадира на Ленинградском государственном заводе слоистых пластиков с народной дипломатией, являлась вице-президентом Общества дружбы СССР — США, членом Комитета советских женщин, членом правления Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и одновременно матерью троих (!) детей. На первый взгляд — типичный портрет общественного деятеля советских времен, но такое впечатление рассеивается сразу же после общения с Т. М. Захаровой. Много жизненных историй, порой невероятных, буквально чудесных, накоплено ею об участии в международных встречах и конференциях в период холодной войны.

В начале 1970-х гг. Т. М. Захарова вошла в правление Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы. В 1980 г. была избрана народным депутатом РСФСР, после чего — вице-президентом Общества дружбы СССР — США. Кроме того, она представляла свой город, Ленинград, в Комитете советских женщин.

С Ленинградского дома дружбы и мира с народами зарубежных стран Татьяна Михайловна начала осваивать основы международной деятельности. Как она сама говорит, для нее это было дело непростое, так как иностранных языков она не знала, как и правил протокола и делового этикета, основывалась только на природном чутье. Тем не менее эта работа для нее была чрезвычайно интересной*.

В канун 40-летия Победы над фашистской Германией в составе делегации Татьяна Михайловна посетила Польшу. В то время там значительным авторитетом пользовалось оппозиционное профсоюзное движение Л. Валенсы «Солидарность». На Гданьской судовой верфи, где были сильны позиции этого движения, должен был состояться митинг, на котором предложили выступить Захаровой. Когда она поднялась на трибуну, увидела множество людей в рабочей одежде и касках. Казалось, на их лицах застыл вопрос: «Что же скажешь нам, представительница советской империи?» «А что можно им сказать и как привлечь их на свою сторону?» — думала Татьяна Михайловна. И она решила начать свою

* Воспоминания Т. М. Захаровой. Хранятся в личном архиве автора. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием букв ВЗ.

речь с вопроса: «Кто знает, сколько времени нам пришлось бы молчать, чтобы почтить одной минутой память каждого погибшего в той страшной войне?» Лица рабочих стали сосредоточенными, Татьяне Михайловне удалось привлечь их внимание. «Нам пришлось бы стоять 100 лет, дорогие товарищи! Из них пятьдесят лет мы должны посвятить памяти советских людей и поляков!» Можно догадаться, что дальнейшее выступление советского представителя было воспринято на ура, а закончилось аплодисментами [Шалак, 2014: 148].

Т. М. Захарова обладала умением найти нужные слова для любой аудитории, ее голос и интонация, жестикуляция всегда давали положительный результат. Тезисы же своих выступлений она держала в голове, совсем не пользовалась написанными текстами. Как она говорит, для нее «чтение по бумажке» было трудным делом, поскольку в таких ситуациях начинаешь волноваться, что что-то пропустишь, собьешься, неправильно прочитаешь слово... Проще говорить от души. Как же был удивлен функционер одного международного мероприятия, когда он запросил у нее текст выступления, а она сказала, что никогда не пишет тексты. Тогда он попросил Т. М. Захарову озвучить то, что она будет говорить, и записал это на диктофон. Выступление было ярким, но после переложения текста на бумагу такого эффекта не получилось: слова уже не были так выразительны, слушатель не узнал в них предыдущую речь и самого оратора. Поэтому в Ленинградском обкоме КПСС было принято негласное решение, которое позволяло Т. М. Захаровой выступать без заранее подготовленного и утвержденного текста (ВЗ).

Спустя некоторое время Татьяна Михайловна участвовала в работе Всесоюзной женской конференции в роли делегата от Ленинграда и области. Некоторые руководители волновались, справится ли Т. М. Захарова с выступлением без письменного текста, уложится ли в установленный регламент, не забудет ли что-нибудь сказать. Однако за день до конференции она побывала у В. В. Терешковой, возглавлявшей Комитет советских женщин, и на встрече с Г. П. Разумовским, заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Визит был ответственным, ведь именно в данной структуре вырабатывались идеи и документы, по которым действовали партия и государство. Татьяна Михайловна сумела обстоятельно изложить «женские дела и заботы», продемонстрировала знание обстановки в городе и области, рассказала о своей международной деятельности. С этого момента никто не имел повода для волнения в связи с отсутствием у нее письменного текста (ВЗ).

Свидетельством сильного характера Татьяны Михайловны стало ее участие в поездке партийно-правительственной делегации в ГДР. Для нее это было непросто, так как невольно возникали в памяти годы войны, голодное детство, истерзанная страна и народ. Тем не менее она понимала, что идущие по улице маленькие дети, их родители, новое поколение так же хотят радоваться жизни, наслаждаться мирным небом. Поэтому, говорила она себе, ленинградская делегация будет искать точки соприкосновения с немецкой, чтобы совместно бороться за мир. Выступая на конференции, Татьяна Михайловна рассказала все, что чувствовала и видела, дала этому оценку и сделала выводы о движении двух государств к укреплению дружбы и сохранению мира на Земле. После некоторой паузы, за время которой Татьяна Михайловна успела подумать, что совершила

какую-то ошибку или переступила границы протокола, рамки международных отношений, ведь она была простой «рабочей от станка», немецкий партийный лидер Х. Модров подошел к ней, расцеловал и сказал: «Вот почему рабочий класс Советского Союза непобедим!» [Шалак, 2014: 130]. Именно так и формируется «мягкая сила» государства, через его имидж, который создавался в том числе такими людьми, как Т. М. Захарова.

В 1982 г. Татьяне Михайловне довелось принять участие в работе Международной конференции по разоружению, проходившей в г. Миннеаполисе, штат Миннесота (США), созванной по инициативе Вашингтонского института политических исследований, ряда советских общественных организаций и государственных учреждений. Делегацию СССР возглавлял академик Н. Н. Блохин. Среди ее членов были политологи, ученые, представители общественных организаций, поэты, служители церкви. Как известно, в начале 80-х гг. XX в. начался новый виток обострения советско-американских отношений. Сменивший в 1981 г. Дж. Картера на посту президента Р. Рейган не стремился к формированию диалога и ускорял уход от политики разрядки международной напряженности. В связи с этим сама конференция в США была не из легких. Уже в аэропорту была устроена провокация с попыткой сорвать встречу, продолжилось все жаркими спорами и упреками, обусловленными барьерами в понимании друг друга и пр. Один докладчик даже сказал, что советский народ не желает жить в мире, а хочет войны, и звучало это как необоснованное обвинение [там же: 137]. Более того, в перерыве к Татьяне Михайловне подошли несколько человек, показали фотографию маленькой девочки и спросили: «Татьяна, что вам сделал плохого этот ребенок, если вы хотите его убить?» Страшно подумать, как здравомыслящий человек мог такое сказать! Как вспоминает Татьяна Михайловна, у нее забилось сердце, мурашки пошли по телу. И кому адресован вопрос: ей лично или ее стране? И ведь человек не шутит, с психикой у него все в порядке. Тогда она собралась с силами и сказала: «Какой милый ребенок! Пусть малышка живет в мире и радости! А мы с вами очень мало знаем друг о друге. Нам нужно больше общаться и ответы на все тревожные вопросы искать и находить за столом переговоров. Так мы скорее пойдем друг друга». Разговор продолжался еще несколько минут, а разошлись собеседники по-доброму, пожав друг другу руки (ВЗ).

Самой Татьяне Михайловне также довелось выступать с трибуны на этой конференции. Свою речь она произносила как обычно, без шпаргалки, и установленный регламент не нарушила, хотя многим это не удавалось. Однако после очередного перерыва заседание началось с заявления председателя: «Дамы и господа! Просьба к выступающим строго соблюдать установленный регламент. Это не распространяется на представителя Советского Союза госпожу Захарову. Она может говорить, когда захочет и сколько хочет, не ограничивая себя во времени!» (ВЗ). Полагаем, что слова эти прозвучали не просто так. Татьяну Михайловну уже знали многие зарубежные политики, знали ее мудрость и деловитость, умение блестяще выходить из любой ситуации, знали и ее скромность, нежелание злоупотреблять оказанным доверием. Это событие в очередной раз продемонстрировало, что Т. М. Захарова достойно представляла национальные интересы своего государства на международной арене, поднимала его авторитет и боролась за мир.

Провокационных вопросов в жизни Татьяны Михайловны было еще множество, она принимала участие в приемах иностранных делегаций из Аргентины, Великобритании, Германии, Канады, Португалии, США и других стран. Побывала с различными миссиями в Югославии, Швеции, Чехословакии, США, Норвегии, Италии, Германии, Великобритании, Австрии и во многих других странах. География ее международной деятельности охватывает около 15 стран, не считая нынешних суверенных государств ближнего зарубежья.

Показателен и тот факт, что в одной американской газете за 1989 г. была размещена фотография людей, встречавших в аэропорту советскую делегацию. Они держали в руках плакаты с надписями на английском и русском языках «Добро пожаловать, Татьяна М. Захарова!». За заслуги в деле укрепления мира и участие в международном женском движении Татьяна Михайловна была удостоена советского ордена Дружбы народов и знака «Влиятельная женщина мира» общественной организации женщин США, в конце 1980-х гг. такую награду имели не более 30 женщин, проживавших на территории Советского Союза.

Как рассказывает сама Татьяна Михайловна, она не получила специального образования в области международных отношений или мировой политики, но всегда отличалась активной жизненной позицией и стремлением к новым знаниям. Несмотря на то что она имела аттестат о среднем образовании, многочисленные удостоверения о приобретенных рабочих специальностях, прошла три курса обучения в народном университете при заводе, она продолжала заниматься самообразованием, самостоятельно изучала литературу всевозможного профиля (по экономике, психологии, экологии, научному коммунизму), интересовалась событиями, происходившими в стране и мире, в Ленинграде, так как считала, что ей как члену городского комитета народного контроля не подобает говорить с людьми на «дилетантском языке», нужно проявлять знания во всех областях. По мнению Т. М. Захаровой, сталкиваясь с международными вопросами, работой в других странах, международник должен всегда уметь находить ответы, ведь каждое слово — это оружие. И он всегда должен помнить, что за его спиной — Родина (ВЗ).

Сама Татьяна Михайловна называет себя активистом-общественником и народным, общественным, дипломатом, каковым по праву является. На вопрос, почему она выбрала такой путь, она отвечает просто: «Для международника должна быть важнее всего Родина». Огромная любовь к Родине слышится буквально в каждом ее слове.

Представителям зарубежных стран казалось удивительным то, что простая рабочая женщина могла обладать такими основательными знаниями, умела в выступлениях так отстаивать себя, свое лицо и свою страну, быть одновременно простой труженицей и дипломатом. Многие зарубежные политики знали о мудрости и деловитости Татьяны Михайловны, ее умении блестяще выходить из любой ситуации. Знали в то же время о ее скромности, нежелании злоупотреблять оказанным доверием. С улыбкой Т. М. Захарова вспоминает о том, какое удивление у окружающих вызывало наличие у нее трех паспортов — красного, синего и зеленого цветов: гражданки Советского Союза, служебного загранпаспорта и дипломатического (ВЗ).

Т. М. Захарова за свою трудовую деятельность была награждена золотой медалью Героя Социалистического Труда и орденом Ленина. Она как представитель «мягкой силы» в дипломатии проявляла «способность добиться желаемого посредством добровольного участия союзников, а не принуждения» [Нье, 2004: 18]. Сама же она говорит: «Мне доверяли защиту мира, и я старалась это доверие оправдывать!» (ВЗ).

Порой именно слова женщины и матери, а не мужчины на международных конференциях и встречах, связанных с вопросами мира и разоружения, вызывали больше доверия, так как по своему природному предназначению именно женщина в большей степени призвана заботиться и думать о том, чтобы дети жили в обстановке стабильности, доброты, взаимопонимания и гуманизма.

Сегодня Татьяна Михайловна, несмотря на возраст, продолжает участвовать в общественной жизни, является членом комитета общества «Куба — Санкт-Петербург», членом правления общественной организации «Российско-белорусское братство», членом Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, членом Союза писателей России и автором более десятка книг, очерков и статей.

Деятельность и опыт Т. М. Захаровой являются типичным для советского времени образцом: на общественную работу выдвигали передовиков производства и патриотов с целью демонстрации поддержки проводимой партийной и государственной политики. В данном случае это было абсолютное попадание в точку. Татьяна Михайловна обладала удивительными человеческими качествами и убеждениями, сильным характером, глубокой верой в то, что ей поручали, которые способствовали созданию положительного и миролюбивого имиджа СССР на международной арене.

Библиографический список

- Галкина Г. Н. Комитет советских женщин: страницы истории (1941—1992). М.: Тончу, 2013. 663 с.
- Галкина Г. Н. Союз женщин России. Дорога в будущее. М.: Радис-РРЛ, 2015. 367 с.
- Зайнуллина А. Б., Синова И. В. Международная деятельность «сильной советской женщины» Т. М. Захаровой как пример «мягкой силы» в дипломатии // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7—10 сентября 2017 г., Архангельск / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 115—118.
- Захарова Т. М. Стержень. СПб.: Береста, 2013. 144 с. О генерал-полковнике И. И. Корбутове.
- Зонова Т. В. Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. 2010. № 2. С. 94—100.
- Мелихов И. А. Фактор личности в дипломатической практике. История и современность. М.: МГИМО-Университет, 2014. 460 с.
- Трактат о посольствах и послах. М.: Науч. кн., 2006. 234 с.
- Шалак В. И. Судьбу определяет время. СПб.: Береста, 2014. 320 с.
- Нье J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 193 p.

References

- Galkina, G. N. (2013) *Komitet sovetskikh zhenshchin: stranitsy istorii (1941—1992)* [The Soviet Women's Committee: pages of history (1941—1992)], Moscow: Tonchu.
- Galkina, G. N. (2015) *Soiuz zhenshchin Rossii. Doroga v budushchee* [The Women's Union of Russia. The way of the future], Moscow: Radis-RRL.
- Melikhov, I. A. (2014) *Faktor lichnosti v diplomaticheskoi praktike. Istorii i sovremennost'* [The personality factor in diplomatic practice. History and the present], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnosheniĭ-Universitet.
- Nye, J. (2004) *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs.
- Shalak, V. I. (2014) *Sud'bu opredeliaet vremia* [Time drives the fate], St. Petersburg: Beresta.
- Traktat o posol'stvakh i poslakh* (2006) [A treatise on embassies and ambassadors], Moscow: Nauchnaia kniga.
- Zaĭnullina, A. B., Sinova, I. V. (2017) *Mezhdunarodnaia deiatel'nost' "sil'noi sovetskoĭ zhenshchiny" T. M. Zakharovoĭ kak primer "miagkoĭ sily" v diplomatii* [The international activities of "strong Soviet woman" T. M. Zakharova as an example of "soft power" in diplomacy], in: Pushkareva, N. L., Troshina, T. I. (eds), *Sila slabykh: Gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoiashchem: Materialy Desiatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZHI i IĖA RAN, 7—10 sentiabria 2017 g.*, Arkhangel'sk, Moscow: IĖA RAN, pp. 115—118.
- Zakharova, T. M. (2013) *Sterzhen': (O general-polkovnike I. I. Korbutove)* [Sterzhen': (On the general-colonel I. I. Korbutov)], St. Petersburg: Beresta.
- Zonova, T. V. (2010) *Gendernyi faktor v politike i diplomatii* [The gender factor in politics and diplomacy], *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 2, pp. 94—100.

Статья поступила 13.03.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Синова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, s-irina@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 153—159
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.14

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 153—159
ББК 63.3(2)-22
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.14

ГОРОЖАНКИ И ГОРОЖАНЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ,
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ
РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ XIV—XXI вв.
(XI Международная научная конференция РАИЖИ,
г. Нижний Новгород, 4—7 октября 2018 г.)

Н. Л. Пушкарева^a, З. З. Мухина^b, Н. А. Мицюк^c

^a Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

^b Старооскольский технологический институт (филиал),
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
г. Старый Оскол, Россия

^c Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия

Краткий обзор тезисов выступлений и дискуссий на состоявшейся в октябре 2018 г. в Нижнем Новгороде XI Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории дает читателю разнообразную картину идей и оценок, касающихся гендерных аспектов урбанистики, а также инновационных междисциплинарных подходов к изучению гендерных систем в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: гендер, женщины, мужчины, культура, город, урбанистика, гендерные исследования.

© Пушкарева Н. Л., Мухина З. З., Мицюк Н. А., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII—XXI вв.)».

**WOMEN AND MEN IN THE POLITICAL,
ECONOMIC AND CULTURAL PROCESSES OF THE RUSSIAN
URBANIZATION FROM THE XIV TO THE XXI c.
(The XI International Scientific Conference
of the Russian Association for Research in Women's History,
October 4—7, 2018, Nizhny Novgorod)**

N. L. Pushkareva^a, Z. Z. Mukhina^b, N. A. Mitsyuk^c

^aN. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

^bSary Oskol Technology Institute (Branch), National University of Science and Technology
“MISiS”, Sary Oskol, Russian Federation

^cSmolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation

Short overview of abstracts and discussions during the XI International Scientific Conference held in Nizhny Novgorod by Russian Association for Research in Women's History (October 4—7, 2018) presents a varied tapestry of ideas and estimations, relating assessments concerning the gender aspects of urbanism, as well as innovative interdisciplinary approaches in study of gender systems and contracts in the past and present.

Key words: gender, urban culture, urban studies, gender studies in history, men, women.

Историческая урбанистика — относительно новое направление в российской гуманитарной науке, сближающее историков, социологов, антропологов, демографов [Пушкарева, Любичанковский, 2014]. Гендерный аспект российской городской истории еще ни разу не был темой крупной международной конференции, в то время как проблемы исторической урбанистики неоднократно поднимались в 2010-х гг. [Город о себе... , 2015; Историческая урбанистика... , 2015]. С целью восполнения этого пробела 4—7 октября 2018 г. в Нижнем Новгороде была проведена XI Международная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) при участии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и предоставившего площадку для встречи Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород). Ее название «*Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков*» привлекло внимание 312 человек, подавших заявки для участия в этой научной встрече, 154 из которых лично прибыли в знаменитый город на месте слияния Оки и Волги. Гендерный аспект российской городской истории было предложено обсудить историкам, социологам, философам, культурологам, экономистам, правоведам, литературоведам, историкам кино, журналистам, лингвистам, педагогам, психологам, политологам, этнологам, специалистам в области IT-технологий, всем, кому близки или просто интересны гендерные аспекты урбанистики. Организаторы конференции получили заявки и из европейских стран, и стран СНГ.

Таким образом, оказалось возможным создать дискуссионные площадки для обсуждения методологии и историографии изучения гендерных аспектов городской культуры, повседневности, вопросов урбанизации и неожиданно наметившейся в XXI в. рерурализации. Проблема социальной российской городской среды имеет свои особенности, связанные с огромной протяженностью российского пространства, что делает актуальным изучение дихотомии быта и повседневности женщин и мужчин в крупных, столичных городах в сравнении с городами маленькими, провинциальными. Круг вопросов, связанных с понятием «исторические изменения», потребовал обсуждения проблем влияния символического порядка общества на социальное поведение женщин и мужчин, размышлений над темой: всегда ли исторические изменения приводят к ожидаемым результатам, насколько прогнозируемы результаты изменений в гендерной истории России и как связана с ними урбанистика.

Полторы сотни участников из более чем 30 вузов и НИИ страны встретились на пленарном заседании в актовом зале Нижегородской консерватории им. М. И. Глинки. Гостей приветствовали ректор Нижегородской консерватории Ю. Е. Гуревич, директор НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде В. Г. Зусман, председатель РАИЖИ Н. Л. Пушкарева. Среди выступлений на пленарном заседании большой интерес слушателей вызвал доклад почетного профессора Университета Осаки (Япония) М. Икута, в котором она анализировала особенности восприятия г. Хабаровска 1945 г. глазами японской интернированной женщины. Особую теплоту пленарному заседанию придал небольшой концерт классической музыки, который был проведен силами студентов и преподавателей Нижегородской государственной консерватории.

Работа секционных заседаний проходила на различных площадках: в Музее-квартире А. М. Горького, Национальном государственном техническом университете им. Р. Е. Алексеева, НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде. Всего работало 15 секций, на которых рассматривались гендерные аспекты урбанизации. На секциях обсуждались трудовые и досуговые практики мужчин и женщин в городах в разные исторические эпохи, проблемы профессиональной реализации, гендерные аспекты правового статуса горожан, аккультурации и адаптации «пришлых» (и вообще мигрантов) в городах прошлого и настоящего, проблемы репродуктивного поведения, специфика социальной политики в столице и провинции в прошлом и настоящем. Не осталось в тени и рассмотрение социальных девиаций в городской среде — неизбежных спутников стремительного роста городского населения и привлекательности городского образа жизни.

Многие участники ставили в своих докладах острые вопросы, связанные с возможностью сопротивления консервативным и неопатриархатным поворотам в политике, что особенно трудно, когда традиционное окрашивается как позитивное в современной официальной идеологии, в воззрениях общества, в том числе среди интеллектуалов. Вызвало дискуссии обсуждение темы о возможности сосуществования феминистских и клерикальных умонастроений, когда центристски настроенные ученые призывали искать способы не отрицать, а слушать и слышать друг друга.

Тема интеллектуальной элиты современных городов не раз поднималась и ранее на встречах, организуемых РАИЖИ. Неудивительно, что и теперь целая

секция (ведущая Н. А. Мицюк) была посвящена теме возможностей городской среды для развития образовательной и научной мысли, преодоления гендерных асимметрий в научных лабораториях, научно-производственных комплексах, вузах, НИИ и университетах. В сравнительно-исторической перспективе обсуждались позитивные последствия и издержки практики раздельного образования. Анализ попыток введения мужских и женских классов в 1940-х гг. показал, что от раздельного обучения выигрывают прежде всего девочки (Л. А. Болокина). Была затронута проблема девиации поведения учеников и студентов в XIX—XX вв. и способы полицейского надзора над их поведением (В. Н. Паршина).

Историки и этнографы сосредоточили внимание на обсуждении антиподной дихотомии «город/деревня» (секция «Город — царь, деревня — рай»: влияние городских практик на деревенскую жизнь и культурные связи горожан с крестьянским прошлым»). Выступавшие на этой секции показали, что город воспринимался подчас как пространство реализации желаний и мечтаний, выясняли следствия трансляции сформировавшихся в городах культурных образцов во внегородское пространство, размышляли о повышении роли городской культуры и типических для городов проявлений и форм социальной жизни для женщин и мужчин. Не была обойдена и тема городской моды и влияния ее на вкусы и привычки разных этнических, социальных и возрастных групп российского общества в прошлом и настоящем (Р. Ш. Кузнецова, З. З. Мухина).

Многие выступающие подчеркивали, что влияние города на жизнь на селе могло быть и амбивалентным, а на женскую жизнь — кардинально трансформирующим. Часто включение женщин в сферу профессиональной занятости было формой борьбы за выживание, а вовсе не проявлением стремления к равноправию. Сложные экономические условия, особенно в военные годы, вынуждали женщин включаться в производственный процесс, добиваться права жить отдельно от мужей, выполнять тяжелые, но сносно оплачиваемые работы.

На секции, участницы которой обсуждали историю семейных городских практик, анализировался феномен работающей матери как структурообразующий принцип семейных отношений при социализме, репродуктивное поведение россиянок (горожанок) в прошлом и настоящем, противоположные модели родительского поведения — чайлдфри (нежелание заводить детей, вплоть до чайлдхейт — ненависти к детям) и профессионализация материнства и отцовства (движения «#яжемать», «#яжеотец») — как тренды городского образа жизни. Вызвали дискуссии темы, ставшие особенно актуальными в последние два десятилетия, о репродуктивном поведении и родительских практиках в городской среде в прошлом и настоящем у разных категорий населения, социальных групп (А. В. Белова, А. А. Плетнева, О. И. Лисицына, Н. А. Мицюк). Небезынтересны были выступления зарубежных коллег о репродуктивном поведении женщин-горожанок европейских стран, о моделях семьи в XXI в. и распределении родительских ролей, о стратегии здорового образа жизни. На обсуждение была вынесена тема конструирования нового репродуктивного поведения и новой сексуальной культуры. Была проанализирована «сексуальная реформа» в стране в советский период и отмечена живучесть традиционности и патриархальности стандартов в сексуальной реформе мужчин — с их желанием бесконтрольности

и господства, грубости и натуралистичности говорения о сексуальном, нежели женщин (Н. Л. Пушкарева).

Выступающие коснулись ряда особенно обсуждаемых ныне в СМИ тем, отражающих неоднозначность современного общественного дискурса: проблем верующих женщин в городах России, их жизненных стратегий, повседневного облика, отношения к религиозным аспектам в разные исторические периоды. В секции «Мусульманки в Российской империи конца XIX — начала XX в.: социальные и культурные преобразования в жизни горожанок» исследователями были затронуты социальные и культурные преобразования в жизни горожанок-мусульманок разных субъектов Российской Федерации (Г. Ф. Валева-Сулейманова и др.).

Важное место заняли выступления, являющиеся актуальными не только в РФ, но и других странах: о гендерных аспектах мигрантов, проблемах аккультурации и адаптации «пришлых» в городе прошлого и настоящего, гендерных ролях и репродуктивных практиках мигрантов глазами принимающего населения (Т. А. Титова и др.).

Часть докладов представляли исследования трансформационных процессов в ценностно-смысловой сфере молодежи российских мегаполисов и провинций и были посвящены структуре досуга детских, подростковых и молодежных групп как показателю уровня и качества жизни, фемининным и маскулинным фобиям, конструированию гендерной идентичности, формированию гендерно-сегрегированных групп, социальным сетям и их влиянию на формирование гендерных представлений о семейных ролях, сексуальным отношениям молодежи (М. А. Ерофеева, Л. В. Штылева, Е. В. Самосадова). В выступлениях дан анализ тенденций гендерных трансформаций в ментальности российской молодежи.

Отдельным блоком прозвучали доклады, постигающие в гендерном разрезе различные социальные практики техногенного города, в том числе особенности социального поведения женщин за рулем, на сложных и опасных производствах, специфику работы в полиции.

Итогом работы конференции стало издание ее материалов [Горожанки и горожане... , 2018].

Дискуссии и обсуждения в аудиториях дополнили два дня внеаудиторного общения, посвященных экспертному знакомству с жизнью женщин и мужчин в крупном городе (Нижний Новгород) и мелких городах, его окружающих (Городец, Семенов, Павлово, Ворсма, Арзамас, Балахна).

Библиографический список

- Город о себе: языки самоописания: материалы Вторых Глазычевских чтений / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт общественных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Школа актуальных гуманитарных исследований. М.: Шк. актуал. гуманит. исслед., 2015. 153 с.
- Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков: материалы Одиннадцатой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 г., Нижний Новгород:

в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. 366 с.; Т. 2. 330 с.

Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: Курган. дом печати, 2015. 820 с.

Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 7—22.

References

Gorod o sebe: iazyki samoopisaniia: Materialy II Glazychevskikh chteniĭ (2015) [City about Itself: languages of self description: Proceedings of II Glazychev Readings], Moscow: Shkola aktual'nykh gumanitarnykh issledovaniĭ.

Istoricheskaia urbanistika: proshloe i nastoiashchee goroda: sbornik nauchnykh stateĭ Vserossiĭskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Surgut, Surgutskii gosudarstvennyi universitet, 14 noiabria 2014 g.) (2015) [Historical urbanism: the past and present of the city: a collection of scientific articles of the All-Russian conference with international participation (Surgut, Surgutskii gosudarstvennyi universitet, November 14, 2014)], Kurgan: Kurganskiĭ dom pečati.

Pushkareva, N. L., Gronskaia, N. A., Radina, N. K. (eds) (2018) *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiĭskoi urbanizatsii XIV—XXI vekov*: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiĭskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoĭ istorii i Instituta ètnologii i antropologii RAN, 4—7 oktiabria 2018 g., Nizhniĭ Novgorod [Women and men in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization from the XIV to the XXI c.: Proceedings of the XI International scientific conference of the Russian Association for Research in Women's History and Institute of Ethnology and Anthropology RAS, October 4—7, 2018, Nizhny Novgorod], in 2 vols, Moscow: Institut ètnologii i antropologii RAN.

Pushkareva, N. L., Liubichankovskii, S. V. (2014) Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiĭskoi filosofskoi shkole [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annals School to the Russian school of philosophy], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 1, pp. 7—22.

Материал поступил 22.11.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Мухина Зинара Зиевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт (филиал), Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Старый Оскол, Россия, mukhiny@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Humanitarian Studies, Stary Oskol Technology Institute (Branch), National University of Science and Technology “MISIS”, Stary Oskol, Russian Federation).

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, mitsyuk.natalia@gmail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Шведова Н. А. Между коляской и ноутбуком: реализация политики гендерного равенства в США (<i>Окончание</i>)	5
Уханова Ю. В. Гражданское участие регионального сообщества: гендерное измерение	16

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Соловей А. П. Социальное самочувствие женщин-исследовательниц в академической науке Республики Беларусь	28
Пиньковецкая Ю. С. Предпринимательская активность женщин в современной экономике	40
Таланов С. Л., Гаджибабаева А. А. Предпринимательство в жизненных планах студентов вузов: гендерные различия	52
Калачикова О. Н., Груздева М. А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (На материалах социологического исследования)	64
Гоголева Е. Н. Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства	77
Медведева Е. И. Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе автомобилей	87
Сукнева С. А., Барашкова А. С. Феномен сожителства в северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия	97

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Капустин Н. В. Об истоках гендерной асимметрии в России Нового времени: «Юности честное зеркало»	111
Махмудова М. М., Королева А. М., Махмудова Д. М. Похищение невесты — обычай или вызов времени?	121
Магсумов Т. А. Гендерная ре(э)волюция коммерческих училищ в России начала XX столетия	133
Синова И. В. Стержень Т. М. Захаровой в народной дипломатии	145

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Пушкарева Н. Л., Мухина З. З., Мицюк Н. А. Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI вв. (XI Международная научная конференция РАИЖИ, г. Нижний Новгород, 4—7 октября 2018 г.)	153
<i>Информация для авторов</i>	160

CONTENTS

<i>To readers</i>	3

POLITICAL SCIENCES

GENDER POLITOLOGY

Shvedova N. A. Between the baby and laptop: implementation of gender equality policies in the USA (<i>The final part</i>)	5
Ukhanova Yu. V. Civil participation of regional community: gender dimension	16

SOCIAL SCIENCES

GENDER SOCIOLOGY

Solovey A. P. The social well-being of women researchers in the academic science of the Republic of Belarus	28
Pinkovetskaya Yu. S. Entrepreneurial activity of women in the modern economy	40
Talanov S. L., Gadzhibabaeva A. A. Entrepreneurship in life plans of students of high schools: gender differences	52
Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Gender stereotypes in the modern family: women and men (On the basis of sociological research)	64
Gogleva E. N. Gender stereotypes in television commercials as a gender inequality reflection	77
Medvedeva E. I. A woman's image in the car advertisements: stereotypes and sexism	87
Sukneva S. A., Barashkova A. S. The phenomenon of cohabitation in the northern region: extent, causes and demographic consequences	97

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

Kapustin N. V. Origins of gender asymmetry in Russia of Modern Age: "Yunosti chestnoe zertsalo"	111
Makhmudova M. M., Koroleva A. M., Makhmudova D. M. Bride kidnapping — a custom or the challenge of the time?	121
Magsumov T. A. Gender re(e)volution of commercial schools in Russia in the early XX century	133
Sinova I. V. T. M. Zakharova's pivot in the public diplomacy	145

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L., Mukhina Z. Z., Mitsyuk N. A. Women and men in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization from the XIV to the XXI c. (The XI International Scientific Conference of the Russian Association for Research in Women's History, October 4—7, 2018, Nizhny Novgorod)	153
<i>Information for the authors</i>	160

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 — 2019

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.03.2019 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 15. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru